

ISSN 2076-2577 (Print)
ISSN 2541-982X (Online)

 Финно-угорский мир
Finno-Ugric World
Том 16, № 4. 2024

ISSN 2076-2577 (Print), 2541-982X (Online)

Финно-угорский мир

Научный журнал

Том 16, № 4. 2024

doi: 10.15507/2076-2577

doi: 10.15507/2076-2577.016.2024.04

Журнал основан в 2008 г.
Выходит ежеквартально

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись ПИ № ФС77–70644 от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс – 42059

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

Адрес редакции:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68
Телефон: +7 8342 481424
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Главный редактор Н. П. Макаркин

Дата выхода 28.12.2024.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 11,9.
Тираж 1000 экз. (1-й завод – 100 экз.).
Цена свободная. Заказ № 680

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Российская Федерация,
Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2024

The journal was founded in 2008.
Published quarterly

Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Registry Entry ПИ No. ФС77–70644 August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign countries

Subscribe index – 42059

Founder and Publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Editorial board:

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation
Phone: +7 8342 481424
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Editor in Chief N. P. Makarkin

Released on December 28, 2024.
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 11.9
Circulation 1000 copies (1st – 100 copies).
Free price. Order No. 680

Printed in the Publishing House of National Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

© National Research Mordovia State University, 2024

Finno-Ugric World
Academic Journal

Финно-угорский мир

Рецензируемый научный журнал открытого доступа

Редакция журнала «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» строит политику издания на общепринятых этических принципах научных публикаций. Редакция поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, а также руководствуется Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций».

Редакционная политика формулируется с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors), разработанном Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics).

Редакция открыта для взаимодействия с профессиональными научными ассоциациями и отраслевыми сообществами с целью обеспечения высокого качества работы ученых.

Редакция не оказывает платных или агентских услуг. Публикация в Журнале бесплатная. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Редакция не навязывает авторам цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, с целью искусственного улучшения его наукометрических показателей, а также принципиально не оказывает такую «помощь» другим изданиям или конкретным авторам.

«Финно-угорский мир Finno-Ugric World» – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют Журналу право публикации работы. Неисключительные права на использование материалов Журнала принадлежат ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» как учредителю и издателю.

В Журнале может быть опубликован любой автор, представивший ранее не опубликованный материал.

Журнал считает своей миссией распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризацию их языков, народной культуры и искусств, истории. Исходя из понимания данной миссии, редакция Журнала публикует материалы, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов. Также публикуются информационные сообщения о важных научных событиях, семинарах, симпозиумах и конференциях, связанных с тематикой издания.

Допускается свободное воспроизведение материалов Журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При цитировании ссылка на Журнал обязательна. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Материалы Журнала доступны по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Finno-Ugric World

A peer-reviewed open-access scholarly journal

The editorial board of the journal "Finno-Ugric World" is committed to generally accepted ethical principles of Journal publications. The editors support Code of Ethics of Journal Publications, developed by Committee on Ethics of Journal Publications (Moscow, Russia), and Declaration of the Association of Journal Editors and Publishers "Ethical Principles of Journal Publications".

The editorial policy is based on ethical norms of the work of editors and publishers written in Code of Conduct and Guidelines for Best Practice for the Editor of the Journal, developed by the Committee on Publication Ethics.

The Editors shall be open for cooperation with professional scientific associations and industry-specific communities to ensure high quality work of scientists.

The editorial board does not provide paid services. All publications in the Journal are free. The editorial board does not charge the authors for the preparation, download and printing of materials.

The editors shall never impose citing papers, which were previously published in the Journal, on the authors, for the purpose of improving its scientometric indicators, as well as shall not provide other journals or specific authors with such "help".

The "Finno-Ugric World" is an open access Journal which means that all content is freely available without charge to the user or his/her institution. Users are allowed to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of the articles, or use them for any other lawful purpose, without asking prior permission from the publisher or the author. This is in accordance with the BOAI definition of open access.

The authors retain copyright holder exclusive rights over their articles and assign copyright to the Journal. Non-exclusive rights to use the papers of the Journal belong to National Research Mordovia State University as a founder and publisher.

The Journal publishes any author, if he presents a material not released before and not supposed to be published simultaneously in other journals. Receipt of articles for publication is effected permanently.

The Journal seeks to develop Finno-Ugric Studies, dissemination of their languages, folk culture and arts, and the history in the territory of the Russian Federation and abroad. In order to fulfil these aims the Journal welcomes the articles on the various aspects in linguistics, literature, culture, history and ethnography of the Finno-Ugric peoples. It also regularly includes the information about important sciences events, seminars, symposiums and conferences relevant to the Journal.

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

All the materials of the "Finno-Ugric World" journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Редакционная коллегия

- Макаркин Николай Петрович** – главный редактор, председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), makarkin@mrsu.ru
- Мосина Наталья Михайловна** – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), natamish@rambler.ru
- Никонова Юлия Николаевна** – ответственный секретарь редакции научных журналов Высшей школы развития научно-образовательного потенциала ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), ulanikonova@yandex.ru, finno-ugric.world@mail.ru
- Бахлова Ольга Владимировна** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), olga.bahlova@mail.ru
- Бояркин Николай Иванович** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bojarkin_ni@mail.ru
- Братчикова Надежда Станиславовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия), n.bratchikova@mail.ru
- Вичинене Дайва** – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com
- Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Илюха Ольга Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), iljuha@krc.karelia.ru
- Кауппала Пекка** – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Кондратьева Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Корнишина Галина Альбертовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), g.kornihina@mail.ru
- Луутонен Йорма** – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi
- Мартынова Марина Юрьевна** – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Россия), martynova@iea.ras.ru
- Матичак Шандор** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Мишанин Юрий Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, Россия), mordvarf@mail.ru
- Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), mullonen@krc.karelia.ru
- Нуриева Ирина Муртазовна** – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), doctor_porov@mail.ru
- Пустаи Янош** – доктор филологии, профессор, директор NH «Collegium Fenno-Ugricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos_pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
- Сейленталь Тьну** – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seilu@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич** – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Россия), afunrf@yandex.ru
- Тулуз Ева** – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна** – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шилов Николай Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и менеджмента НОУ ВО «Московский социально-педагогический институт» (г. Москва, Россия), n_shilov@uni21.org
- Шкалина Галина Евгеньевна** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gshkalina@mail.ru

Editorial Board

- Nikolay P. Makarkin** – Editor-in-Chief, Chairman of the Board, Dr.Sci. (Econ.), Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), makarkin@mrsu.ru
- Natalya M. Mosina** – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), natamish@rambler.ru
- Yuliya N. Nikonova** – Executive Secretary of the Editorial Board of Scientific Journals of the Higher School of Development of Scientific and Educational Potential, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), ulanikonova@yandex.ru, finno-ugric.world@mail.ru
- Olga V. Bakhlova** – Dr.Sci. (Polit.), Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bahlova@mail.ru
- Nikolay I. Boyarkin** – Dr.Sci. (Arts), Professor, Leading Researcher, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), bojarkin_ni@mail.ru
- Nadezhda S. Bratchikova** – Dr.Sci. (Philol.), Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru
- Daiva Vyčiniénė** – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com
- Igor L. Zherebtsov** – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Olga P. Ilyukha** – Dr.Sci. (Hist.), Lead Research Fellow, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), iljuha@krc.karelia.ru
- Pekka Kauppala** – Ph.D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Natalia V. Kondratyeva** – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Galina A. Kornishina** – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), g.kornihina@mail.ru
- Jorma Luutonen** – Ph.D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi
- Marina Yu. Martynova** – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia), martynova@iea.ras.ru
- Sándor Maticsák** – Ph.D. (Philol.), Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Yuri A. Mishanin** – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russia), mordvarf@mail.ru
- Irma I. Mullonen** – Dr.Sci. (Philol.), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), mullonen@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva** – Dr.Sci. (Arts), Leading Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov** – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), doctor_popov@mail.ru
- János Pusztay** – Ph.D. (Philol.), Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com
- Anatoly N. Rakin** – Dr.Sci. (Philol.), Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), anatolij.rakin@mail.ru
- Tõnu Seienthal** – Ph.D. (Philol.), Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaev** – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russia), afunrf@yandex.ru
- Eve Toulouse** – Ph.D., Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouze@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki** – Ph.D. (Philol.), Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Nikolai V. Shilov** – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences and Management, Moscow Social Pedagogical Institute (Moscow, Russia), n_shilov@uni21.org
- Galina E. Shkalina** – Dr.Sci. (Cult.), Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), gshkalina@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Рябов И. Н., Агафонова Н. А., Рябова Г. В.** Сравнительная характеристика выражения посессивных отношений в эрзянских говорах Кочкуровского района Республики Мордовия 392
- Мосина Н. М., Карпунина Е. Д.** Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентами-соматизмами в эрзянском и финском языках 408
- Ефимов К. С.** Типология синтетических форм прошедшего времени глагола в удмуртском языке (эвиденциальность и темпоральность) 417

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Чернышева Н. В.** Этнодемографические процессы у удмуртов Кировской области в советский период 431
- Мартынов В. Л., Балабейкина О. А., Королёв Л. А., Сазонова И. Е.** Финны-ингерманландцы и кросс-культурность пригородной зоны Санкт-Петербурга 444
- Ажигулова А. И., Уваров С. Н.** Брачная структура населения Удмуртии в 1989–2021 гг. 459

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Устьянцев Г. Ю., Ефремова Д. Ю., Серебренникова Т. Л.** Сакральные пространства марийской культуры. Признаки и типологизация мифологизированного ландшафта 471
- Анфиногенов Б. В.** Этнофутуризм и традиционные представления удмуртов о будущем 484

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

- Миронова В. П.** Памяти Э. С. Киуру – ученого и переводчика (к 95-летию со дня рождения) 497
- Пашина О. А.** Сокровища мордовского музыкального эпоса 503
- Абрамов В. К.** Образование Мордовской автономии в составе России 505
- Бурнаев А. Г.** Еще живет память о герое Великой Отечественной войны и Советского Союза, уроженце Мордовии Борине Иване Андриановиче 510
- Рогачёв В. И., Карабанова Н. В.** Этническая символика финно-угров и ее функции (на примере эрзянской и мокшанской семиотико-кодификационных систем) 514
- К сведению авторов 518

CONTENTS

PHILOLOGY

Ryabov I. N., Agafonova N. A., Ryabova G. V. A Comparative Analysis of the Expression of Possessive Relations in the Erzya Dialects of the Kochkurovo District, Republic of Mordovia	392
Mosina N. M., Karpunina E. D. Comparative Analysis of Phraseological Units with Somatic Components in the Erzya and Finnish Languages	408
Efimov K. S. Typology of Synthetic Forms of the Past Tense of the Verb in the Udmurt Language (Evidentiality and Temporality)	417

HISTORICAL STUDIES

Chernysheva N. V. Ethnodemographic Processes among the Udmurts of the Kirov Region during the Soviet Period	431
Martynov V. L., Balabeykina O. A., Korolyov L. A., Sazonova I. E. Finns-Ingermanlanders and Cross-Cultural Dynamics of the Suburban Area of Saint Petersburg	444
Azhigulova A. I., Uvarov S. N. Marriage Structure of the Population of Udmurtia in 1989–2021	459

CULTURAL STUDIES

Ustyantsev G. Yu., Efremova D. Yu., Serebrennikova T. L. Sacred Spaces of the Mari Culture. Signs and Typologization of the Mythologized Landscape	471
Anfinogenov B. V. Ethnofuturism and Traditional Udmurt Ideas about the Future	484

EVENTS, PEOPLE, BOOKS

Mironova V. P. In Memory of E. S. Kiuru – Scholar and Translator (on the 95 th Anniversary of His Birth)	497
Pashina O. A. Treasures of the Mordovian Musical Epic	503
Abramov V. K. Formation of the Mordovian Autonomy within Russia	505
Burnayev I. A. The Memory of the Hero of the Great Patriotic War and the Soviet Union, Ivan Borin, a Native of Mordovia, Still Lives	510
Rogachev V. I., Karabanova N. V. Ethnic Symbols of the Finno-Ugrians and Its Functions (on the Example of the Erzya and Moksha Semiotic Codification Systems)	514
Information for authors	518

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.392-407>

EDN: <https://elibrary.ru/ohlzdo>

УДК / UDC 81'367.5(=811.511.1)

ISSN 2076-2577

eISSN 2541-982X

<https://csfu.mrsu.ru>

Оригинальная статья / Original article

Сравнительная характеристика выражения посессивных отношений в эрзянских говорах Кочкуровского района Республики Мордовия

И. Н. Рябов , Н. А. Агафонова, Г. В. Рябова

МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация

 ryabov.74@bk.ru

Аннотация

Введение. Говоры мордовского Присурья характеризуются развитой системой притяжательных суффиксов и обладают разными средствами и формами выражения посессивных отношений. До настоящего времени диалектная система посессивных суффиксов отдельных эрзянских говоров исследуемого ландшафта не была объектом специального исследования, поэтому важной задачей статьи является описание диалектных особенностей посессивных суффиксов в парадигмах склонений имен существительных и их реализации в эрзянских говорах сел Кочкуровского района Республики Мордовия. Цель исследования – сравнительный анализ парадигм посессивных суффиксов и способов выражения притяжательных отношений в данном диалектном ландшафте.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили полевые тексты авторов, собранные во время лингвистических экспедиций в эрзянских селах Присурья. Сбор диалектного материала проводился по программе-вопроснику, отражающей морфологическое варьирование языковых явлений. Дополнительным источником послужили диалектные данные, извлеченные из фондов словарного кабинета филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. В работе использованы описательный, структурный и сравнительный методы, которые послужили основой для анализа диалектного материала.

Результаты исследования и их обсуждение. Говоры мордовского Присурья разделяются на несколько локальных групп, отличающихся друг от друга как лексическими, фонетическими, так и морфологическими особенностями. В данном лингвистическом ареале происходит взаимопроникновение языковых явлений, свойственных близкородственным языкам и диалектам. Исследование мордовского ландшафта Присурья дает возможность показать, какие способы выражения посессивности наличествуют в смешанных эрзя-мокшанских говорах. Диалектные данные позволяют проанализировать грамматические формы имен существительных, выражающих принадлежностные отношения, установить эквиваленты варьирования лично-притяжательных суффиксов в падежных парадигмах и раскрыть некоторые морфологические особенности, свойственные данным говорам.

Заключение. Средства и формы выражения посессивности в исследуемом лингвистическом пространстве представлены развитой и разнообразной системой. Проведение исследования позволило продвинуться в понимании специфики диалектной категории притяжательности и внести определенный вклад в общую теорию этого явления. Нами сравниваются зафиксированные диалектные морфологические маркеры принадлежности и их функционирование в падежных парадигмах, описаны особенности морфолого-синтаксических способов выражения притяжательных отношений в исследуемом диалектном ареале.

© Рябов И. Н., Агафонова Н. А., Рябова Г. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: эрзянский язык, говоры, категория посессивности, лично-притяжательные суффиксы, падежная парадигма, синтетические формы, аналитические конструкции

Финансирование: Публикация подготовлена в рамках реализации гранта РФФ 24-28-00534 «Цифровое описание мордовских диалектов Присурья».

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Рябов И. Н., Агафонова Н. А., Рябова Г. В. Сравнительная характеристика выражения посессивных отношений в эрзянских говорах Кочкуровского района Республики Мордовия // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 4. С. 392–407. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.392-407>

A Comparative Analysis of the Expression of Possessive Relations in the Erzya Dialects of the Kochkurovo District, Republic of Mordovia

I. N. Ryabov , N. A. Agafonova, G. V. Ryabova

National Research Mordovia State University,

Saransk, Russian Federation

ryabov.74@bk.ru

Abstract

Introduction. The dialects of the Mordovian Prisure are characterized by a developed system of possessive suffixes and feature various means and forms of expressing possessive relations. Until now, the dialectal system of possessive suffixes in certain Erzya dialects within the studied region has not been the subject of dedicated research. Therefore, an important objective of this article is to describe the dialectal features of possessive suffixes within the paradigms of noun declensions and their realizations in the Erzya dialects of the villages in the Kochkurovsky District of the Republic of Mordovia. The aim of the study is a comparative analysis of the paradigms of possessive suffixes and the ways of expressing possessive relations in this dialectal landscape.

Materials and Methods. The research material includes field texts collected by the authors during linguistic expeditions to Erzya villages in the Prisure region. Dialect material was gathered according to a questionnaire program that reflects the morphological variation of linguistic phenomena. An additional source of dialect data was obtained from the archives of the lexicography department at the Faculty of Philology of Mordovia State University. The study employs descriptive, structural, and comparative methods, which form the basis for analyzing the dialect material.

Results and Discussion. The dialects of the Mordovian Prisure region are divided into several local groups that differ from each other in lexical, phonetic, and morphological features. In this linguistic area, there is a mutual influence of linguistic phenomena characteristic of closely related languages and dialects. Research on the Mordovian landscape of Prisure makes it possible to reveal the ways in which possessiveness is expressed in mixed Erzya-Moksha dialects. Dialect data allow for the analysis of grammatical forms of nouns that express possessive relationships, establish equivalents for the variation of personal-possessive suffixes within case paradigms, and uncover certain morphological features specific to these dialects.

Conclusion. The means and forms of expressing possessiveness in the studied linguistic space are represented by a developed and diverse system. The conduct of the research has advanced our understanding of the specifics of the dialectal category of possession and made a certain contribution to the general theory of this phenomenon. We compare the recorded dialectal morphological markers of possession and their functioning in case paradigms and describe the features of morphosyntactic ways of expressing possessive relationships in the studied dialectal area.

Keywords: Erzya language, dialects, possessiveness category, personal possessive suffixes, case paradigm, synthetic forms, analytic constructions

Funding: The publication was prepared within the framework of the implementation of the RSF grant 24-28-00534 "Digital description of Mordvin dialects of Prisure".

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Ryabov I.N., Agafonova N.A., Ryabova G.V. A Comparative Analysis of the Expression of Possessive Relations in the Erzya Dialects of the Kochkurovo District, Republic of Mordovia. *Finno-Ugric World*. 2024;16(4):392–407. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.392-407>

Введение

Исследование современного лингвистического ландшафта мордовских диалектов Присурья занимает особое место в мордовском языкознании. По мнению Д. В. Цыганкина, «изучение этих говоров представляет большой интерес в связи с историческим прошлым присурской земли, в связи со своеобразным заселением этого района»¹. Основываясь на археологических данных, П. Д. Степанов считает, что в «бассейне реки Суры с древнейших времен в первой половине первого тысячелетия проживали предки мордовского народа»².

Территории, на которых распространяются мордовские говоры, главным образом находятся в бассейне реки Суры и ее притоках. Диалекты Присурья географически расположены в районе соприкосновения мокшанского и эрзянского языков. Анализируемые говоры имеют ряд своеобразных особенностей, связанных как с эрзянским, так и с мокшанским языками. Н. Ф. Мокшин утверждает, что «этнические контакты эрзи и мокши, которые в целом никогда не прерывались, приводили к эрзянизации мокши или мокшанизации эрзи...»³. По мнению Д. В. Цыганкина, «в результате скрещения эрзянского и мокшанского языков образовался такой диалект, который значительно отличается от других диалектов эрзянского языка»⁴. А. А. Гераклитов утверждает, что «восточная часть бывшего Саранского уезда – Кочкурово, Кочелай... населены эрзей... Появление здесь эрзи есть результат поступательного движения, под воздействием которого мокша должна была уступать часть занимавшейся ею территории в пользу эрзи...»⁵. Опираясь на его высказывания, при рассмотрении некоторых присурских говоров Д. В. Цыганкин делает вывод о том, что «современная территория... в прошлом в значительной своей части была обитаема мокшанским населением... Впоследствии, с появлением... значительной части эрзянского населения часть мокши ассимилировалась, сохранив во многих населенных пунктах ряд фонетических, лексических и морфологических черт мокшанского языка»⁶.

Жители мордовского Присурья в течение времени выработали для общения диалект, в котором сохранились черты как эрзянского, так и мокшанского языков. Исследователи мордовских диалектов относят их к смешанным, или переходным эрзянско-мокшанским говорам, объединяя в юго-восточный диалектный тип⁷. Н. Ф. Цыганов называет эти говоры «редуцированными, или ыкающими»⁸, опираясь прежде всего на фонетические признаки. Г. И. Ермушкин, вслед за Д. В. Цыганкиным, эти говоры также относит «к юго-восточным, или присурским акающим»⁹.

Юго-восточный, или присурский диалект разделяется на несколько локальных групп говоров, которые отличаются друг от друга на всех языковых уровнях. Здесь фиксируются наличие одной и той же лексемы с различной семантикой, редукция гласных непервого слога слова, неоднородность морфем определенности в косвенных падежах единствен-

¹ Цыганкин Д. В. Об одном говоре Присурья бывшего Большеберезниковского района Мордовской АССР // Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. Саранск : Красный Октябрь, 2000. С. 40.

² Степанов П. Д. Еще один памятник древней мордвы в долине р. Суры // Записки МНИИ. № 11. Саранск, 1949. С. 57.

³ Мокшин Н. Ф. Этническая история мордвы XIX – XX века. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1977. С. 158.

⁴ Цыганкин Д. В. Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1961. Т. 1. С. 297.

⁵ Гераклитов А. А. К вопросу о границе между 'мокшей' и 'эрзей' в начале XVII в. // Избранное: в 2 ч. / НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2011. Ч. 1. С. 137.

⁶ Цыганкин Д. В. Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1961. Т. 1. С. 297.

⁷ Цыганкин Д. В. Фонетика эрзянских диалектов : учеб. пособие. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1979. 112 с.

⁸ Цыганов Н. Ф. К вопросу классификации диалектов эрзя-мордовского языка // Совещание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков. Тезисы докладов. М., 1959. С. 70–73.

⁹ Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М. : Наука, 1984. 141 с.

ного числа, варьирование посессивных суффиксов и т. д. Так, в большинстве эрзянских говоров Присурия лично-притяжательный суффикс ряда *тонь* 'твой', 'твои' выступает только в твердом варианте, что не характерно для эрзянского литературного языка: *p'il'i-t* 'твое ухо', 'твои уши'; *k'ed'-e-t* 'твоя рука', 'твои руки'; *s'äl'm'i-t* 'твой глаз', 'твои глаза'. Наш полевой материал дает возможность выявить основные процессы взаимодействия как соседствующих говоров исследуемого ареала, так и двух близкородственных языков.

До настоящего времени категория притяжательности не всех эрзянских говоров мордовского Присурия была объектом специального исследования. В анализируемом ареале нами зафиксированы и описаны разнообразные языковые явления посессивных отношений, характерные только этим говорам, чем и определяется актуальность работы. Целью исследования является сравнительный анализ систем посессивных суффиксов, их парадигматика и морфолого-синтаксические способы выражения притяжательных отношений в эрзянских говорах сел Качелай, Кочкурово, Мордовское Давыдово Кочкуровского района Республики Мордовия. Территориально эти села близки, но их говоры сильно отличаются друг от друга.

Основная задача исследования состоит в выявлении и рассмотрении диалектных особенностей и посессивных суффиксов имен существительных, выражающих принадлежностные отношения; характеристике их структурных особенностей и установлении эквивалентов варьирования лично-притяжательных маркеров в падежных парадигмах; а также в рассмотрении морфолого-синтаксических способов выражения посессивных отношений данного лингвистического пространства.

В статье впервые проведен сравнительный анализ варьирования посессивных суффиксов в парадигмах склонений и выявлены особенности функционирования морфолого-синтаксических способов исследуемого диалектного ландшафта.

Обзор литературы

В мордовских языках категория посессивности рассматривалась во всех грамматиках, начиная с работ Н. Габеленца, А. Алквиста, Ф. Видемана, Х. Паасонена¹⁰, а также в современных учебниках по мокшанскому и эрзянскому языкам¹¹. Изучению системы посессивных суффиксов уделяли особое внимание М. Е. Евсевьев, Д. В. Бубрих, Д. В. Цыганкин¹² и др. В работе А. П. Феоктистова «Категория притяжательности в мордовских языках» подробно анализируются способы выражения притяжательных отношений и употребление лично-притяжательных форм в мокшанском и эрзянском литературных языках¹³. Б. А. Серебренников указывает на то, что реликты древней системы лично-притяжательных суффиксов сохранились до настоящего времени в некоторых эрзянских диалектах и говорах¹⁴. Рассмотрение эрзянских диалектов на территории Мордовии представлено в работе Д. В. Цыганкина «Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности-неопределенности

¹⁰ Gabelentz H. C. Versuch einer Mordwinischen Grammatik // Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Göttingen, 1839. Bd. 2. S. 235–284; 383–418; Ahlquist A. Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik. St. Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1861. 214 p.; Wiedemann F. J. Grammatik Der Ersa-mordwinischen Sprache: Nebst Einem Kleinen Mordwinisch-deutschen Und Deutsch-mordwinischen Wörterbuch. St. Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1865. 261 p.; Paasonen H. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatischem Abriss. Zweite Auflage.

¹¹ Грамматика мордовских языков. Фонетика. Графика. Орфография. Морфология / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1980. 430 с.; Мокшень кяль. Морфология: вузоль мокшень и финно-угрань отделениянь тонафнихненди учебник. Саранск: Красный Октябрь, 2000. 236 с.; Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология: вузоль эрзянь ды финнэнь отделениянь тонафнициятнень туртов. Саранск: Красный Октябрь, 2000. 280 с.

¹² Евсевьев М. Е. Основы мордовской грамматики // Избранные труды. Саранск, 1963. Т. 4. 470 с.; Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 272 с.; Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности-неопределенности и притяжательности). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978. 64 с.

¹³ Феоктистов А. П. Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. 184 с.

¹⁴ Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.

и притяжательности)», где автор показывает диалектное разнообразие притяжательных словоформ, сравнивая их с соответствующими формами литературного языка¹⁵.

На современном этапе вопросам изучения диалектов финно-угорских языков уделяется большое внимание как в синхронном [1–3], диахронном [4–6], так и в сравнительном [7–9] планах. В последние десятилетия исследователи активно работают над лингвостранографией и цифровизацией диалектного материала [10–12].

При написании статьи из научных трудов для нас особенно интересны были описательные сведения по посессивным суффиксам в эрзянских и мокшанских диалектах Д. В. Цыганкина, С. З. Деваева, Д. Т. Надькина, В. Д. Обьедкина¹⁶, где авторы отмечают, что во многих говорах и диалектах происходит смешение некоторых элементов лично-притяжательных суффиксов двух близкородственных языков. Особенности лично-притяжательных суффиксов смешанных говоров диаспоры были представлены в работах Н. А. Агафоновой, Г. И. Ермушкина¹⁷. В эрзянском диалектном ареале варьирование суффиксов и структура словоформ подробно описаны в работах Н. А. Агафоновой и И. Н. Рябова [13]. Современный взгляд на категорию посессивности и падежных парадигм определенности в мордовских языках представлен в работах Г. И. Ермушкина¹⁸, Г. С. Ивановой и Л. П. Водясовой [14]. До настоящего времени лучше всего архаичная система посессивных суффиксов уральского праязыка сохранилась в эрзянских говорах Новомалыклинского района Ульяновской области [1].

Материалы и методы

Исследование выполнено на основе полевых материалов, которые были собраны авторами в Кочкуровском районе Республики Мордовия во время лингвистических экспедиций 2021, 2023, 2024 гг. Диалектные источники отражают морфологическое варьирование языковых явлений исследуемых говоров. Сбор материала проводился на основе программы-вопросника¹⁹. Кроме того, были привлечены материалы словарного кабинета филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. Основными методами исследования явились описательный, структурный и сравнительный, использование которых позволило выявить варьирование лично-притяжательных суффиксов, рассмотреть особенности падежных парадигм, сравнить аналитические способы выражения посессивных отношений в говорах исследуемого диалектного ландшафта, определить дифференцию и закономерности развития этих говоров в современных условиях.

Результаты исследования и их обсуждение

Типологической особенностью грамматики финно-угорских языков является категория посессивности. В мордовских языках она представляет собой сложную систему. В эрзянском и мокшанском кодифицированных языках древняя система посессивных суффиксов довольно полно сохранилась до настоящего времени, особенно хорошо она представлена в мордовских диалектах и говорах. А. П. Феоктистов утверждает, что «сплочение мокшанских и эрзянских говоров в диалекты известных

¹⁵ Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности-неопределенности и притяжательности). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1978. 64 с.

¹⁶ Цыганкин Д. В. Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1961. Т. 1. С. 291–395; Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокшамордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 261–432; Надькин Д. Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Морд. кн. изд-во, 1968. Т. 5. С. 3–198; Обьедкин В. Д. Говор с.а Мордовское Давыдово Кочкуровского района Мордовской АССР. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 37–98.

¹⁷ Агафонова Н. А. Словоизменение существительного и местоимения в смешанных мордовских говорах Куйбышевской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1983. 21 с.; Ермушкин Г. И. Верхнепьянский диалект эрзя-мордовского языка. М. ; Гамбург, 1991. 202 с.

¹⁸ Ермушкин Г. И. Среднетёшский диалект эрзя-мордовского языка. М. ; Гронинген, 2004. 212 с.

¹⁹ Агафонова Н. А., Рябов И. Н., Рябова Г. В. Программа по сбору диалектного материала эрзянского языка. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2018.

типов завершилось еще до XVIII в.»²⁰. В течение последующих столетий под влиянием экстралингвистических факторов в изучаемых говорах происходит смешение языковых явлений как двух близкородственных, так и разноструктурных языков.

Анализ принадлежностных отношений мордовских языков демонстрирует сложность объекта исследования, охватывающего территории анализируемого лингвистического пространства. Для изучения диалектного материала нами сравнивается полевой материал говоров с. Качелай, Кочкурово, Мордовское Давыдово Кочкуровского района Республики Мордовия. В лингвистическом ландшафте исследуемого ареала способы выражения посессивных отношений очень своеобразны. Нами рассматриваются морфологический и четыре морфолого-синтаксических способа выражения притяжательных отношений.

Основным считается морфологический способ, с помощью которого в одной словоформе с посессивным суффиксом выражается лицо и число обладателя и обладаемого. Во всех четырех сериях (табл. 1–3) единственное и множественное число обладателей и обладаемых противопоставляется друг другу в трех лицах.

В говорах с. Качелай и Кочкурово диалектный суффикс I серии ряда *монь* ‘мой’ *-m* совпадает с литературным эквивалентом эрзянского языка. В говоре с. Мордовское Давыдово вместо него функционирует суффикс *-že*, характерный для мокшанского языка. Эти же суффиксы в анализируемых говорах выступают во II серии ряда *монь* ‘мой’. Сравните: Кчк. *kudu-m*, Кчл. *kudī-m*, МДвд. *kudə-z'e* ‘мой дом’ и ‘мои дома’; Кчк. и Кчл. *p'ir'i-m*, МДвд. *p'ir'ə-z'e* ‘мой огород’ и ‘мои огороды’; Кчк. *k'el'e-m*, Кчл. *k'el'i-m*, МДвд. *k'el'ə-z'e* ‘мой язык’ и ‘мои языки’.

Таблица 1. I серия ‘Один обладатель и одно обладаемое’

Table 1. Series I ‘One Possessor and One Possessed’

	Кчк. / Kchk.	Кчл. / Kchl.	МДвд. / MDvd.	э. л. / E. l.	м. л. / M. l.	Перевод / Translation
1-е л. / 1 р.	<i>-m</i> <i>val-i-m</i> <i>pango-m</i> <i>s'al'm'i-m</i>	<i>-m (-s')</i> <i>val-i-m</i> <i>pangi-m</i> <i>s'el'm'i-m</i>	<i>-že</i> <i>val-ə-z'e</i> <i>pangə-z'e</i> <i>s'el'mə-z'e</i>	<i>-m</i> валом пангом сельмем	<i>-ze</i> валозе пангозе сельмозе	мое слово мой гриб мой глаз
2-е л. / 2 р.	<i>-t</i> <i>val-i-t</i> <i>pango-t</i> <i>s'al'm'i-t</i>	<i>-t</i> <i>val-i-t</i> <i>pangi-t</i> <i>s'el'm'i-t</i>	<i>-c'e</i> <i>val-ə-c'e</i> <i>pangə-c'e</i> <i>s'el'mə-c'e</i>	<i>-m</i> валот пангот сельметь	<i>-це</i> валоце пангоце сельмоце	твое слово твой гриб твой глаз
3-е л. / 3 р.	<i>-zâ</i> <i>val-i-zâ pan-</i> <i>go-zâ</i> <i>s'al'm'i-zâ</i>	<i>-zâ</i> <i>val-i-zâ</i> <i>pangi-zâ</i> <i>s'el'm'i-zâ</i>	<i>-c</i> <i>val-ə-c</i> <i>pangə-c</i> <i>s'el'mə-c</i>	<i>-zo</i> валозо пангозо сельмезэ	<i>-ц</i> валоц пангоц сельмоц	его слово его гриб его глаз

Примечание: здесь и далее в таблицах: Кчк. – говор с. Кочкурово; Кчл. – говор с. Качелай; МДвд. – говор с. Мордовское Давыдово Кочкуровского района Республики Мордовия; э. л. – эрзянский литературный язык; м. л. – мокшанский литературный язык.

Note: here and further in the tables: Kchk. is a dialect of the village of Kochkurovo, Kchl. is a dialect of the village of Kachelay; MDvd. is a dialect of the village of Mordovskoye Davydovo, Kochkurovsky District, Republic of Mordovia; e. l. is the Erzya literary language; m. l. is the Moksha literary language.

Источник: здесь и далее в статье все таблицы составлены авторами.

Source: here and further in the article, all tables are compiled by the authors.

²⁰ Феоктистов А. П. Об исследовании диалектов финно-угорских языков методами полевой и ареальной лингвистики // Научные издания Московского Венгерского колледжа II/1. Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков. М. : Валанг, 2002. С. 318–329.

Таблица 2. II серия ‘Один обладатель и много обладаемых’
 Table 2. Series II ‘One Possessor and Many Possessed’

	Кчк. / Kchk.	Кчл. / Kchl.	МДвд. / MDvd.	э. л. / E. l.	м. л. / M. l.	Перевод / Translation
1-е л. / 1 р.	-0 (-m) <i>val'-i-m</i> <i>pangi-m</i> <i>s'al'm'i-m</i>	-m <i>val'-i-m</i> <i>pangi-m</i> <i>s'el'm'i-m</i>	-že <i>val-ə-z'e</i> <i>pangə-z'e</i> <i>s'el'mə-z'e</i>	-н валон пангон сельмень	-не валне пангоне сельмоне	мой слова мой грибы мой глаза
2-е л. / 2 р.	-0 (-t) <i>val-i-t</i> <i>pango-t</i> <i>s'al'm'i-m</i>	-t <i>val-i-t</i> <i>pangi-t</i> <i>s'el'm'i-m</i>	-c'e <i>val-ə-c'e</i> <i>pangə-c'e</i> <i>s'el'm'ə-c'e</i>	-т валот пангот сельметь	-тне/-не валхне панкне сельмотне	твой слова твой грибы твой глаза
3-е л. / 3 р.	-ndzâ <i>val-i-ndzâ pan-</i> <i>go-ndzâ</i> <i>s'al'm'i-ndzâ</i>	-ndzâ <i>val-i-ndzâ</i> <i>pangi-ndzâ</i> <i>s'el'm'i-ndzâ</i>	-nzę <i>val-ə-nzę</i> <i>pangə-nzę</i> <i>s'el'mə-nzę</i>	-нзо/-нзэ валонзо пангонзо сельмензэ	-нза валонза пангонза сельмонза	его слова его грибы его глаза

Таблица 3. III серия ‘Много обладателей и одно обладаемое’ / IV серия ‘Много обладателей и много обладаемых’

Table 3. Series III ‘Many Possessors and One Possessed’ / Series IV ‘Many Possessors and Many Possessed’

	Кчк. / Kchk.	Кчл. / Kchl.	МДвд. / MDvd.	э. л. / E. l.	м. л. / M. l.	Перевод / Translation
1-е л. / 1 р.	-nok /-nuk/- niĭk /-neĭk <i>val-i-niĭk</i> <i>pango-nok</i> <i>s'al'm'i-niĭk</i>	-niĭk <i>val-i-niĭk</i> <i>pangi-niĭk</i> <i>s'el'm'i-niĭk</i>	-n'ik'e <i>val-ə-n'ik'e</i> <i>pangə-n'ik'e</i> <i>s'el'mə-n'ik'e</i>	-нок/-нек валонок пангонок сельменек	-ньке валоньке пангоньке сельмоньке	наше слово / наши слова наш гриб / наши грибы наш глаз / наши глаза
2-е л. / 2 р.	-nk <i>val-i-nk</i> <i>pango-nk</i> <i>s'al'm'i-nk</i>	-nk <i>val-i-nk</i> <i>pangi-nk</i> <i>s'el'm'i-nk</i>	-nk <i>val-ə-nk</i> <i>pangə-nk</i> <i>s'el'mə-nk</i>	-нк валонк пангонк сельменк	-нте валонте пангонте сельмонте	ваше слово / ваши слова ваш гриб / ваши грибы ваш глаз / ваши глаза
3-е л. / 3 р.	-st <i>val-i-st</i> <i>pango-st</i> <i>s'al'm'i-st</i>	-st <i>val-i-st</i> <i>pangi-st</i> <i>s'el'm'i-st</i>	-sneĭ <i>val-ə-sneĭ</i> <i>pangə-sneĭ</i> <i>s'el'm'e-sneĭ</i>	-ст валост пангост сельмест	-сна валсна панксна сельмосна	их слово / их слова их гриб / их грибы их глаз / их глаза

Особенностью говоров с. Качелай и Кочкурово вместо эрзянского литературного посессивного суффикса *-t/-t'* для ряда *тонь* ‘твой’ I и II серий выступает всегда твердый вариант *-t*: Кчк. *s'al'm'i-t*, Кчл. *s'el'm'i-t* ‘твой глаз’, ‘твои глаза’; Кчк., Кчл. *p'ir'i-t* ‘твой огород’, ‘твои огороды’. В говоре с. Мордовское Давыдово для ряда *тонь* ‘твой’, ‘твои’ для I и II серий морфологическим маркером является суффикс *-c'e*, характерный для I серии мокшанского литературного языка, во II же серии здесь используется суффикс *-(m)не*. Сравните: МДвд. *s'el'm'ə-c'e* – м. л. *сельмоце* ‘твой глаз’, *сельмотне* ‘твои глаза’; МДвд. *k'el'-c'e* – м. л. *кяльце* ‘твой язык’, *кяльхне* ‘твои

языки'. Следовательно, морфологический маркер ряда *тонь* 'твой', 'твои' говора с. Мордовское Давыдово отличается как от эрзянского, так и мокшанского суффиксов.

Дифференция I и II серий ряда *тонь* 'твой', 'твои' в эрзянском диалектном ареале зафиксирована в большеигнатовских говорах Республики Мордовия²¹, присурских говорах Чувашской Республики, говорах Нижегородской области²², эрзянских говорах Новомалыклинского района Ульяновской области [1].

В I серии ряда *сонзэ* 'его' в говорах с. Качелай и Кочкурово морфологическим показателем принадлежности является суффикс *-zâ*, сравните: Кчл. *olgi-zâ*, Кчк. *olgo-zâ* – э. л. *олгозо* 'его солома'; Кчк. *s'äl'm'i-zâ*, Кчл. *s'el'm'i-zâ* – э. л. *сельмезэ* 'его глаз'. Маркер притяжательности *-zâ* совпадает с соответствующим суффиксом эрзянского кодифицированного языка. В этих говорах различие наблюдается только в конечном элементе суффикса – в *â*-образном редуцированном гласном. Все три исследуемых говора относятся к редуцированному типу, однако редукция в каждом из анализируемых говоров проявляется неоднозначно.

В отличие от эрзянской словоформы *сонзэ* 'его', в говоре с. Мордовское Давыдово, как и в мокшанском языке, личное местоимение 3-го лица единственного числа в генитиве имеет форму *сонь* 'его'. В этом говоре наличествует посессивный суффикс *-с*, совпадающий с эквивалентом *-ц* мокшанского языка. Сравните: МДвд. *k'el'-э-с* – м. л. *кялец* 'его язык', МДвд. *kudэ-с* – м. л. *кудоц* 'его дом', МДвд. *s'el'mэ-с* – м. л. *сельмоц* 'его глаз'.

В анализируемых говорах во II серии лично-притяжательный суффикс 3-го лица множественного числа *-ndzâ*, характерный для говоров с. Качелай и Кочкурово, и *-nze*, фиксируемый в говоре с. Мордовское Давыдово, отличаются от I серии показателем множества обладаемых *-n*. Во всех трех исследуемых говорах рассматриваемый суффикс различается огласовкой конечной гласной: Кчл., Кчк. *p'ir'i-ndzâ*, МДвд. *p'ir'э-nze* – э. л. *пирензэ* 'его огороды'; Кчл., Кчк. *val-i-ndzâ*, МДвд. *val-э-nze* – э. л. *валонзо* 'его слова'. Следует отметить, что в говорах с. Качелай и Кочкурово в этих словоформах между двумя звонкими согласными проходят позиционные комбинаторные фонетические изменения, или морфонологический процесс необязательной аффрикатизации, вследствие чего в этом суффиксе возникает согласный *-d*, который в данном случае не несет никакой смысловой нагрузки.

В III и IV сериях ряда *минек* 'наш', 'наши' в говоре с. Качелай морфологическим показателем принадлежности является суффикс *-niḱ*: *val-i-niḱ* 'наше слово', 'наши слова'; *pangi-niḱ* 'наш гриб', 'наши грибы'; *s'el'm'i-niḱ* 'наш глаз', 'наши глаза'; *olgi-niḱ* 'наша солома (ед. и мн. ч.)'; *sur-i-niḱ* 'наш палец', 'наши пальцы'. В говоре с. Кочкурово эквивалентами суффикса данного ряда выступают четыре варианта, употребление которых связано с гласными первого слога слова: *oṣonok* 'наш город', 'наши города'; *kudu-nuk* 'наш дом', 'наши дома'; *k'el'e-neḱ* 'наш язык', 'наши языки'; *p'ir'i-niḱ* 'наш огород', 'наши огороды'; *val'ma-niḱ* 'наше окно', 'наши окна'; *s'äl'm'i-niḱ* 'наш глаз', 'наши глаза'. Эти морфологические маркеры характерны для эрзянского языка. По мнению Б. А. Серебренникова, суффикс *-nYk* восходит к архетипному суффиксу **-nmYk*²³. В говоре с. Мордовское Давыдово в ряде *минь* 'наш', 'наши' зафиксирован суффикс *-n'ik'e*, отличающийся от соответствующих эквивалентов говоров с. Качелай и Кочкурово наличием конечной гласной, характерной для суффикса 1-го лица мокшанского языка *-ньке*. Однако и здесь есть отличие – гласная *-i* между согласными *-n* (показатель 1-го

²¹ Давыдов М. М. Больше-Игнатовский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Морд. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 118–233.

²² Надькин Д. Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Морд. кн. изд-во, 1968. Т. 5. С. 3–198.

²³ Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.

лица и множественного числа обладаемых) и *-k* (показатель множественного числа обладателей). Сравните: МДвд. *k'el'-ə-n'ik'e* – м. л. *кяленьке* ‘наш язык’, ‘наши языки’; МДвд. *p'ir'e-n'ik'e* – м. л. *переньке* ‘наш огород’, ‘наши огороды’; МДвд. *sur-ə-n'ik'e* – м. л. *суроньке* ‘наш палец’, ‘наши пальцы’; МДвд. *kudə-n'ik'e* – м. л. *кудоньке* ‘наш дом’, ‘наши дома’; МДвд. *val-ə-n'ik'e* – м. л. *валоньке* ‘наше слово’, ‘наши слова’. Б. А. Серебренников считает, что мокшанский суффикс *-n'kä* представляет собой более позднее образование, возникшее под влиянием суффикса *-zä* 1-го лица ряда *монь* ‘мой’²⁴.

В говоре с. Качалай, Кочкурово и Мордовское Давыдово для ряда *тынь* ‘ваш’, ‘ваши’ функционирует суффикс *-nk*, идентичный суффиксу эрзянского языка. Сравните: Кчл. *kudī-nk*, Кчк. *kudu-nk*, МДвд. *kudə-nk* – э. л. *кудонк* ‘ваш дом’, ‘ваши дома’; Кчл. *oš-ī-nk*, Кчк. *oš-o-nk*, МДвд. *oš-ə-nk* ‘ваш город’, ‘ваши города’; Кчл., Кчк. *p'ir'i-nk*, МДвд. *p'ir'ə-nk* – э. л. *пиренк* ‘ваш огород’, ‘ваши огороды’.

В III и IV сериях ряда *сынст* ‘их’ в говорах с. Качалай и Кочкурово, как и в эрзянском литературном языке, наличествует лично-притяжательный суффикс *-st*: Кчл., Кчк. *p'ir'i-st* – э. л. *пирест* ‘их огород’, ‘их огороды’; Кчл. *kudī-st*, Кчк. *kudu-st* – э. л. *кудост* ‘их дом’, ‘их дома’; Кчл. *s'el'm'i-st*, Кчк. *s'äl'm'i-st* – э. л. *сельмест* ‘наш глаз’, ‘наши глаза’. В говоре с. Мордовское Давыдово в ряде *сынъ* ‘их’ морфологическим маркером посессивности является суффикс мокшанского языка *-sne*: *k'el'-ə-sne* – м. л. *кяльсна* ‘их язык’, ‘их языки’; *val-ə-sne* – м. л. *валсна* ‘их слово’, ‘их слова’.

Как следует из приведенного материала, в рассматриваемых эрзянских говорах Присурья зачастую происходит смешение морфологических маркеров посессивности двух близкородственных языков. В данном лингвистическом ландшафте влияние мокшанского языка проявляется в редукции гласных непервого слога слова, которая четко прослеживается в лично-притяжательных суффиксах. Наш диалектный материал позволяет утверждать, что на каждый из анализируемых говоров влияние мокшанского языка было различно. Система посессивных суффиксов говоров с. Качалай и Кочкурово в основном совпадает с эрзянской системой, тогда как лично-притяжательные суффиксы говора с. Мордовское Давыдово близки мокшанским эквивалентам. Доминирование мокшанских элементов в говоре с. Мордовское Давыдово связано с историческим заселением этих мест эрзянами, пришедшими на место проживания мокшан²⁵. На факт того, что здесь изначально проживала мокша, указывали в своих работах также М. Е. Евсевьев, Н. Ф. Мокшин²⁶.

Словоизменение имен существительных с посессивными суффиксами говоров с. Качалай и Кочкурово совпадают в основном с соответствующими парадигмами эрзянского языка, тогда как падежные парадигмы говора с. Мордовское Давыдово близки формам мокшанского языка. Это наглядно видно из таблиц 4, 5 и 6.

Сравнительный анализ полевого материала, который частично представлен в парадигмах склонений, отражает особенности каждого из анализируемых говоров. В них, как и в литературных языках, отсутствуют синтетические падежные формы генитива-аккузатива и датива в рядах *монь* ‘мой’, *тонь* ‘твой’, *минек* ‘наш’, *тынк* ‘ваш’, *сынст* ‘их’. Тогда как в ряде *сонзэ/сонь* ‘его’ есть все падежные формы с лично-притяжательными суффиксами (табл. 6). Наличие генитива-аккузатива и датива зафиксировано только у имен существительных с семантикой родства для рядов *монь* ‘мой’, *тонь* ‘твой’, *сонзэ* ‘его’ (табл. 7).

²⁴ Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков.

²⁵ Гераклитов А. А. К вопросу о границе между ‘мокшей’ и ‘эрзей’ в начале XVII в. С. 130–137.

²⁶ Евсевьев М. Е. Мордва Татреспублики // Избранные труды в 5 т. 1966. Т. 5. С. 179–196; Мокшин Н. Ф. Этническая история мордвы XIX – XX века. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1977. 280 с.

Таблица 4. Ряд *монь* ‘мой, мои’Table 4. The row *mon* ‘my’

Падеж / Case	Кчк. / Kchk.	Кчл. / Kchl.	МДвд. / MDvd.	Перевод / Translation
Номинатив / Nominative	<i>ava-m</i> <i>sur-i-m</i>	<i>ava-m</i> <i>sur-u-m</i>	<i>ava-z'e</i> <i>sur-ə-z'e</i>	моя мама мой палец
Генитив- аккузатив / Genitive- accusative	<i>ava-n'</i>	<i>ava-n'</i>	<i>ava-z'e-n'</i>	моей мамы
Датив / Dative	<i>ava-n'in'</i>	<i>ava-n'in'</i>	<i>ava-z'-n'ə</i>	моей маме
Аблатив / Ablative	<i>ava-dī-m</i> <i>sur-dī-m</i>	<i>ava-dī-m</i> <i>sur-du-m</i>	<i>ava-də-n</i> <i>sur-də-n</i>	о моей маме о моем пальце
Инессив / Inessive	<i>avan'ejsā</i> <i>sur-cī-m</i>	<i>avan'äjsā</i> <i>sur-cu-m</i>	<i>ava-sə-n</i> <i>sur-cə-n</i>	на/в моей маме на/в моем пальце
Элатив / Elative	<i>avan'ejstā</i> <i>sur-ctē-m</i>	<i>avan'äjstā</i> <i>sur-ctu-m</i>	<i>ava-stə-n</i> <i>sur-ctə-n</i>	от моей мамы от моего пальца
Иллатив / Illative	<i>avan'ejs</i> <i>sur-i-z-i-m</i>	<i>avan'äjs</i> <i>sur-u-z-u-m</i>	<i>ava-z-ə-n</i> <i>sur-ə-z-ə-n</i>	на мою маму в мой палец
Пролатив / Prolative	<i>avan'ežga</i> <i>surim ežga</i>	<i>avan'äžga</i> <i>surum äžga</i>	<i>ava-va-n</i> <i>sur-ga-n</i>	по моей маме по моему пальцу
Компаратив / Comparative	<i>avan'eška</i> <i>sur-ška-m</i>	<i>ava-ška-m / avan'</i> <i>äjškā</i> <i>sur-ška-m / surum</i> <i>äjškā</i>	<i>ava-ška-n</i> <i>sur-ška-n</i>	с мою маму с мой палец
Абессив / Abessive	<i>ava-ftimī-m /</i> <i>ava-dī-m baška</i> <i>sur-tumu-m / sur-</i> <i>dī-m baška</i>	<i>ava-ftimī-m / ava-</i> <i>dī-m baška</i> <i>sur-tumu-m / sur-</i> <i>du-m baška</i>	<i>ava-ftə-m-n</i> <i>sur-tə-m-n</i>	без моей мамы без моего пальца

Таблица 5. Ряд *тонь* ‘твой’Table 5. The row *ton* ‘your’

Падеж / Case	Кчк. / Kchk.	Кчл. / Kchl.	МДвд. / MDvd.	Перевод / Translation
Номинатив / Nominative	<i>ava-t</i> <i>sur-i-t</i>	<i>ava-t</i> <i>sur-u-t</i>	<i>ava-c'e</i> <i>sur-c'e</i>	твоя мама твой палец
Генитив- аккузатив / Genitive- accusative	<i>ava-t'</i>	<i>ava-t'</i>	<i>ava-c'e-n'</i>	твоей мамы
Датив / Dative	<i>ava-t'-in'</i>	<i>ava-t'-in'</i>	<i>ava-c'e-n'd'i</i>	твоей маме
Аблатив / Ablative	<i>ava-dī-t</i> <i>sur-dī-t</i>	<i>ava-dī-t</i> <i>sur-du-t</i>	<i>ava-də-t</i> <i>sur-də-t</i>	о твоей маме о твоём пальце
Инессив / Inessive	<i>ava-si-t / avat'ejsā</i> <i>sur-cī-t / surit ejsā</i>	<i>ava-si-t / avat'äjsā</i> <i>sur-cu-t / surut äjsā</i>	<i>ava-sə-t / avat'ešə</i> <i>sur-cə-t / sur'it'ešə</i>	в твоей маме в твоём пальце

Элатив / Elativ	<i>ava-stiŋ / avat' ejstâ sur-cti-t / suriŋ ejstâ</i>	<i>ava-stiŋ-t / avat' äjstâ sur-ctu-t / surut äjstâ</i>	<i>ava-stâ-t / avat' estâ sur-ctâ-t / sur' t' estâ</i>	от твоей мамы от твоего пальца
Иллатив / Illative	<i>ava-z-ŋ-t / avat' ejs sur-ŋ-z-ŋ-t / suriŋ ejs</i>	<i>ava-z-ŋ-t / avat' äjs sur-u-z-u-t / surut äjs</i>	<i>ava-z-â-t / avat' es sur-â-z-â-t / sur' t' es</i>	на/в твою маму на/в твой палец
Пролатив / Prolative	<i>ava-t' ezga suriŋ ezga</i>	<i>avat' äzga surut äzga</i>	<i>ava-va-t / avat' ezga sur-ga-t / sur' t' ezga</i>	по твоей маме по твоему пальцу
Компаратив / Comparative	<i>ava-ška-t / avat' ejškâ sur-ška-t / suriŋ ejškâ</i>	<i>ava-ška-t / avat' äjškâ sur-ška-t / surut äjškâ</i>	<i>ava-ška-t / avat' eškâ sur-ška-t / sur' t' eškâ</i>	с твою маму с твой палец
Абессив / Abessive	<i>ava-fiŋmi-t / avadiŋ baška sur-tumu-t / surdiŋ baška</i>	<i>ava-fiŋmi-t / avadiŋ baška sur-tumu-t / surdut baška</i>	<i>ava-fiŋmâ-t / avadât' baška sur-tâmâ-t / surdât' baška</i>	без твоей мамы без твоего пальца

 Таблица 6. Ряд *sonze/sonь* 'его'

 Table 6. The row *sonze/son* 'his'

Падеж / Case	Кчк. / Kchk.	Кчл. / Kchl.	МДвд. / MDvd.	Перевод / Translation
Номинатив / Nominative	<i>ava-zâ sur-ŋ-zâ</i>	<i>ava-zâ sur-u-zâ</i>	<i>ava-c sur-â-c</i>	его мама его палец
Генитив- аккузатив / Genitive- accusative	<i>ava-n-dzâ sur-ŋ-n-dzâ</i>	<i>ava-n-dzâ sur-u-n-dzâ</i>	<i>ava-n-c sur-â-n-c</i>	его мамы / его маму его пальца / его палец
Датив / Dative	<i>ava-nct-iŋ' sur-ŋ-nct-iŋ'</i>	<i>ava-nct-iŋ' sur-u-nct-iŋ'</i>	<i>ava-n-ctâ sur-â-n-ctâ</i>	его маме его пальцу
Аблатив / Ablative	<i>ava-dŋ-ndzâ sur-dŋ-ndzâ</i>	<i>ava-dŋ-ndzâ sur-du-ndzâ</i>	<i>ava-dâ-ndzâ sur-dâ-ndzâ</i>	о его маме о его пальце
Инессив / Inessive	<i>ava-sŋ-ndzâ / avanzi ejšâ sur-cŋ-ndzâ / suriŋzi ejšâ</i>	<i>ava-sŋ-ndzâ / avandzâ äjšâ sur-cu-ndzâ / surundzâ äjšâ</i>	<i>ava-sâ-ndzâ / avandzâ ešâ sur-câ-ndzâ / surändzâ ešâ</i>	в его маме в его пальце
Элатив / Elativ	<i>ava-stiŋ-ndzâ / avanzi ejstâ sur-ctiŋ-ndzâ / suriŋ- zi ejstâ</i>	<i>ava-stiŋ-ndzâ / avandzâ äjstâ sur-ctu-ndzâ / surundzâ äjstâ</i>	<i>ava-stâ-ndzâ / avandzâ estâ sur-ctâ-ndzâ / surändzâ estâ</i>	от его мамы от его пальца
Иллатив / Illative	<i>ava-z-ŋ-ndzâ / avanzi ejš sur-ŋ-z-ŋ-ndzâ / su- riŋzi ejš</i>	<i>ava-z-ŋ-ndzâ / avandzâ äjš sur-u-z-u-ndzâ / surundzâ äjš</i>	<i>ava-z-â-ndzâ / avandzâ eš sur-â-z-â-ndzâ / surändzâ eš</i>	на/в его маму на/в его палец
Пролатив / Prolative	<i>ava-ndzâ ezga suriŋ-ndzâ ezga</i>	<i>avat' äzga surut äzga</i>	<i>ava-va-ndzâ / avandzâ ezga sur-ga-ndzâ / surändzâ ezga</i>	по его маме по его пальцу
Компаратив / Comparative	<i>ava-ška-ndzâ / avanzi ejškâ sur-ška-nzi / suriŋzi ejškâ</i>	<i>ava-ška-ndzâ / avandzâ äjškâ sur-ška-ndzâ / surundzâ äjškâ</i>	<i>ava-ška-ndzâ / avandzâ eškâ sur-ška-ndzâ / surändzâ eškâ</i>	с его маму с его палец
Абессив / Abessive	<i>ava-fiŋmi-ndzâ / avadiŋ baška sur-ŋmi-ndzâ / suriŋzi baška</i>	<i>ava-fiŋmi-ndzâ / avadiŋ baška sur-tumu-ndzâ / sur- dundzâ baška</i>	<i>ava-fiŋmâ-ndzâ / avadändzâ baška sur-tâmâ-ndzâ / surdändzâ baška</i>	без его мамы без его пальца

Таблица 7. Падежные формы генитива-аккузатива и датива
Table 7. Case forms of the genitive-accusative and dative

Ряд / The row	Падежи / Cases	Кчл., Кчк. / Kchk., Kchl.	МДвд. / MDvd.	Перевод / Translation
монь 'мой' / mon 'my'	Ген.-акк. / Gen.-acc.	<i>pat'ä-n</i>	<i>pat'ä-z'e-n'</i>	моей старшей сестры / мою старшую сестру
	Дат. / Dat.	<i>pat'ä-n'-in'</i>	<i>pat'a-z'-n'e</i>	моей старшей сестре
монь 'твой' / ton 'your'	Ген.-акк. / Gen.-acc.	<i>pat'ä-t'</i>	<i>pat'a-c'e-n'</i>	твоей старшей сестры
	Дат. / Dat.	<i>pat'ä-t'-in'</i>	<i>pat'a-c'e-n'd'i</i>	твоей старшей сестре
сонзэ/сонь 'его' / sonze / son 'his'	Ген.-акк. / Gen.-acc.	<i>pat'a-n-dzâ</i>	<i>pat'a-n-c</i>	его старшей сестры
	Дат. / Dat.	<i>pat'a-n-c-tjn'</i>	<i>pat'a-n-c-tä</i>	его старшей сестре

Данные таблицы 7 свидетельствуют, что эти падежи функционируют во всех сравниваемых говорах. В говорах с. Качелай и Кочкурово падежные формы генитива-аккузатива и датива совпадают с эквивалентами эрзянского языка, тогда как в говоре с. Мордовское Давыдово они близки с падежными формами мокшанского языка. Сравните: в дативе падежный суффикс ряда *монь* в Кчл., Кчк. *pat'a-nct-ijn'*, МДвд. *pat'a-z'-n'e* – э. л. *патаянень*, м. л. *аказенди* 'моей старшей сестре'; ряда *монь* Кчл., Кчк. *m'ir'd'i-t'-in'*, МДвд. *m'ir'd'e-c'e-n'd'i* – э. л. *мурдетень*, м. л. *мурдеценди* 'моему мужу'; ряда *сонзэ/сонь* Кчл., Кчк. *žaba-nct-ijn'*, МДвд. *žaba-nctä* – э. л. *эйкакишонстэнь*, м. л. *шабанцты* 'его ребенку'.

В данном лингвистическом ландшафте широко употребительны аналитические конструкции, что следует из данных выше парадигм склонений (табл. 4–6). В анализируемых говорах, кроме морфологического способа передачи посессивных отношений, имеется четыре морфолого-синтаксических способа, которые зачастую вытесняют синтетические формы таких падежей, как аблатив, инессив, элатив, иллатив, пролатив, компаратив, абессив.

К аналитическим конструкциям следует отнести следующие морфолого-синтаксические способы выражения притяжательных отношений:

1) личное местоимение в генитиве + имя существительное с посессивным суффиксом. Например: Кчл. *Mon'p'ir'im pokš, t'ikšâ roc vajäs' – a k'en'ir'an v'ez'd'e* 'У меня огород большой, зарос травой – не успеваю везде'; *Ton'pari valit s'ed'ijizim packic t'* 'Твои хорошие слова до моего сердца дошли'; *Sondzi avazâ tus'v'ir'uv panks* 'Его мама в лес пошла за грибами'; Кчк. *Ton' m'ir'd'ift'im'it t'e t'äv'is'a t'äjiv'ä* 'Без твоего мужа это дело не сделать'; *Sondzâ abandzâ par'c t'ä tonafn'is't'* 'Его дети хорошо учились'; МДвд. *T'ed'e mon' m'el'ez'e mol'c', koda capatâ kšuman'd'ä* 'Это надоело мне, как горькая редька'; *Mon'vajs'el'ez'e eck'e* 'У меня голос грубый'; *Son'p'itm'ec savâ pargä* 'Цена ему – пустое лукошко'; *Son't'et'ac šir'ec', no fs'o robataj* 'Его отец постарел, но все работает';

2) личное местоимение в генитиве + имя существительное с морфемой определенности. Например: Кчл. *Mon'kudiš' taštâ, no l'embä* 'Мой дом (этот) старый, но теплый'; *M'in'ik c'orat'n'ü v'ir'k'er'it', kalt kundit', pank kan'it'* 'Наши мужчины (эти) рубят лес, ловят рыбу, собирают (букв. носят) грибы'; Кчк. *Ton'v'iška saziš' s'eh mazij jutkstunk* 'Твоя младшая сестра (эта) из вас самая красивая'; *Šinst v'al'is' pari tarkasâ äšt'ä* 'Их село (это) находится в хорошем месте'; МДвд. *Mon'udomas' sas' – m'ez'e but'i staka* 'Спать захотелось (букв. мой сон пришел) – почему-то тяжело (стало)'; *Son't'ej't'er's' er'e alä*

ul'c'asə 'Его дочь (эта) живет на нижней улице'; *M'in' skalc' af lamə lovcə makcij* 'Наша корова (эта) мало молока дает';

3) местоимение *эсь* 'свой' с именем существительным с посессивным суффиксом. Например: Кчл. *Kadiķ es'indzâ žabandzâ m'el'ga vanä, a mon'it'n'in' – a m'es't' kortaftijms* 'Пусть смотрит за своими детьми, а моих – нечего осуждать'; Кчк. *Koda son äs'lomanindzâ man'asâ* 'Как он своего человека обманет?'; МДвд. *Es't'ikšəŋne p'ejel'masä l'ed'ij'ht* 'Свое сено они косой косят';

4) имя существительное в аблативе с соответствующим посессивным суффиксом + послелог *баушка*. Например: Кчл. *Parä valdiť baška m'ez'ijak p'el'd'et a er'av'ä* 'Кроме хороших слов мне от тебя ничего не нужно'; Кчк. *Avadiđiňik baška t'e t'av'in't'k'ijak a t'äjsä* 'Кроме нашей матери это дело никто не может сделать'. В анализируемых эрзянских говорах для большей актуализации имен существительных в аблативе возможно двойное употребление аблативного суффикса: Кчл. *Son m'ez'ijak a sodä morododondzä baška* 'Он ничего не знает, кроме своих песен'; Кчк. *S'oradiđiť baška t'e alašäs'k'in'in'd'ak a k'il'd'iv'ä* 'Без твоего сына эту лошадь никто не запряжет'.

Опираясь на собранный нами диалектный материал, видим, что особую роль в выражении посессивных отношений занимают аналитические конструкции, зачастую они вытесняют синтетические формы. В современных условиях аналитические конструкции отражают пути развития эрзянского диалектного языка.

Заключение

В ходе исследования в сравнительном плане рассмотрена грамматическая категория посессивности в эрзянских говорах с. Качелай, Кочкурово, Мордовское Давыдово Кочкуровского района Республики Мордовия. В рассматриваемом диалектном ареале посессивные отношения с грамматической точки зрения могут выражаться морфологическим и четырьмя морфолого-синтаксическими способами.

Основным способом выражения посессивности являются лично-притяжательные суффиксы, предназначенные для обозначения принадлежности предмета определенному лицу единственного и множественного числа. В говорах с. Качелай, Кочкурово, Мордовское Давыдово Кочкуровского района Республики Мордовия для передачи лично-притяжательных отношений функционируют все четыре серии посессивных суффиксов.

Сравнительный анализ полевого материала говоров показал: система лично-притяжательных суффиксов указанного ареала в одних говорах соответствует эрзянскому языку, в других – близка системе мокшанского языка. Несмотря на это, был выявлен ряд отличительных черт, свойственных только данному лингвистическому ландшафту.

В говорах с. Качелай и Кочкурово в ряде *монь* 'мой' для I и II серий морфологическим показателем лица является лично-притяжательный суффикс *-m*, сравните: Кчл. – *sudi-m*, Кчк. – *sudu-m*, э. л. *судом* 'мой нос' и *судон* 'мои носы'. В говоре с. Мордовское Давыдово соответствующим эквивалентом этих серий является морфологический маркер *-z'e*: *sudä-z'e*, существующий в мокшанском языке.

В исследуемых говорах с. Качелай и Кочкурово в первых двух сериях ряда *тонь* 'твой' зафиксирован морфологический маркер *-t* (без мягкого варианта *-t'*): Кчл. – *s'ejil'-i-t*, Кчк. – *s'äjil'-i-t* 'твой еж', 'твои ежи'. В говоре с. Мордовское Давыдово вместо показателя *-t* выступает суффикс *-c'e*: *s'ejil'-c'e*. Необходимо отметить, что в мокшанском литературном языке для ряда *тонь* 'твой', 'твои' II серии используется морфологический маркер *-(m)ne*, тогда так как в говоре с. Мордовское Давыдово суффикс II серии омонимичен суффиксу I серии.

Для I серии ряда *сонзэ* 'его' в говорах с. Качелай и Кочкурово морфологическим показателем является лично-притяжательный суффикс *-zâ*, тогда как в говоре с. Мордовское Давыдово *-c*. Сравните: Кчл. *v'el'i-zâ*, Кчк. *v'äl'i-zâ*, МДвд. *v'el'i-c*, 'его село'. Морфологический маркер притяжательности *-zâ* характерен эрзянскому языку (различие наблюдается только в конечном редуцированном гласном), посессивный суффикс *-c* совпадает с мокшанским

эквивалентом. Во II серии лично-притяжательный суффикс 3-го лица множественного числа в анализируемых говорах отличаются от I серии показателем множественности обладаемых *-n*: Кчл. *v'el'i-ndzâ*, Кчк. *v'äl'i-ndzâ*, МДвд. *v'el'e-ndzâ* 'его села'.

Отличительной чертой данных говоров в III и IV сериях ряда *минек* 'наш', 'наши' является то, что морфологическими маркерами принадлежности выступают в говоре с. Качелай суффикс *-nik* (*t'ev-i-nik*); в говоре с. Кочкурово его эквивалентами являются морфологические показатели *-nik/nek/-nukl-nok* (*t'ev'-e-nek*); в говоре с. Мордовское Давыдово наличествует посессивный суффикс *-n'ik'e*, отличный как от эрзянского, так и мокшанского лично-притяжательных суффиксов (*t'ev'-a-n'ik'e* 'наше дело', 'наши дела'). В этом же говоре в ряде *сынъ* 'их' функционирует морфологический маркер *-sne*, совпадающий с соответствующим эквивалентом мокшанского языка: МДвд. *k'el'-a-sne* – м. л. *кяльсна* 'их язык', 'их языки'.

Варьирование лично-притяжательных суффиксов в анализируемых говорах Кочкуровского района связано с диалектной неоднородностью заселения этих мест. Лингвистический ландшафт исследуемого ареала исторически находится в районе соприкосновения эрзян и мокшан. В настоящее время в этих говорах прослеживаются диалектные явления того и другого языка. В говорах с. Качелай и Кочкурово преобладают языковые особенности эрзянского языка, в говоре с. Мордовское Давыдово – мокшанского языка.

В данном лингвистическом ландшафте посессивные отношения могут выражаться морфолого-синтаксическими способами. Посессивные конструкции выступают в следующих вариантах: личное местоимение в генитиве + имя существительное с посессивным суффиксом; личное местоимение в генитиве + имя существительное с морфемой определенности; местоимение *эсь* 'свой' с именем существительным с посессивным суффиксом; имя существительное в аблативе с соответствующим посессивным суффиксом + послелог *башка*. Сравнительный анализ этих говоров показал, что зачастую аналитические конструкции вытесняют синтетические падежные формы.

Полевой материал эрзянских говоров Кочкуровского района Республики Мордовия показал неоднородность употребления суффиксов посессивности в различных словоформах, их варьирование и функционирование в падежных парадигмах. В данной статье выявлены и описаны особенности морфологического и морфолого-синтаксического способов выражения посессивных отношений исследуемого ареала. Дальнейшее исследование морфологических особенностей разных грамматических категорий этого лингвистического ландшафта позволит существенно расширить знания как с точки зрения синхронии, так и диахронии диалектов мордовских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Падежные парадигмы с посессивными суффиксами в эрзянских говорах Новомалыклинского района Ульяновской области // *Linguistica Uralica* LVІ. 2020. Т. 56, № 2. С. 81–97. <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2020.2.01>
2. Новак И. П., Норманская Ю. В. Определение регулярных фонетических соответствий карельской диалектной речи. Вокализм // *Урало-алтайские исследования*. 2023. № 3 (50). С. 56–96. <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2023-50-3-56-96>
3. Карпова Л. Л. Фонетические маркеры верхнечепецкого диалекта удмуртского языка // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2023. Т. 17, № 4. С. 462–473. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2023-17-4-462-473>
4. Мосин М. В., Мосина Н. М. Система согласных в середине финно-угорской основы слова в мордовских языках // *Вестник угроведения*. 2020. Т. 10, № 2. С. 282–291. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-2-282-291>
5. Безенова М. П. Диалектная основа первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна // *Урало-алтайские исследования*. 2023. № 3 (50). С. 7–22. <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2023-50-3-7-22>
6. Ившин Л. М. Лексика пчеловодства в письменных памятниках удмуртского языка XVIII века // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2024. Т. 18, № 1. С. 14–26. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2024-18-1-14-26>

7. Норманская Ю. В. Северо-западное наречие – это горный или луговомарийский язык? // Урало-алтайские исследования. 2024. № 1 (52). С. 86–97. <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2024-52-1-86-97>
8. Агафонова Н. А., Рябов И. Н., Рябова Г. В. Варьирование суффиксов объектного спряжения будущего и прошедшего времени в эрзянском диалектном ареале // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 264–273. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.264-273>
9. Бродский И. В. Названия калины (Viburnum) в финно-угорских языках // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 249–259. <https://doi.org/10.17223/18137083/80/20>
10. Архангельский Т. А. Применение диалектометрического метода к классификации удмуртских диалектов // Урало-алтайские исследования. 2021. № 2 (41). С. 7–20. <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2021-41-2-7-20>
11. Кондратьева Н. В., Пушина Н. И. Функционирование финно-угорских языков Российской Федерации в эпоху цифровизации // Вестник урovedения. 2022. Т. 12, № 2. С. 377–385. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-2-377-385>
12. Кузнецова М. Н. К вопросу о классификации диалектов марийского языка // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17, № 4 (52). С. 523–533. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-4-523-533>
13. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Структура словоформ глаголов будущего времени объектного спряжения в эрзянских диалектах Заволжья и Южного Урала // Вестник урovedения. 2021. Т. 11, № 3. С. 407–417. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-3-407-417>
14. Иванова Г. С., Водясова Л. П. Словоизменительный потенциал указательного склонения в переходном диалекте мокшанского языка // Вестник урovedения. 2023. Т. 13, № 1 (52). С. 63–72. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-63-72>

REFERENCES

1. Agafonova N.A., Ryabov I.N. [Case Paradigms of Possessive Suffixes in the Erzya Dialects of the Novomalyklinsky District of the Ulyanovsk Region]. *Linguistica Uralica* LVI. 2020;56(2):81–97. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2020.2.01>
2. Novak I.P., Normanskaja J.V. Determining Regular Phonetic Correspondences in the Karelian Dialects. Vocalism. *Ural-Altaic Studies*. 2023;(3):56–96. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2023-50-3-56-96>
3. Karpova L.L. Phonetic Markers of the Upper Chepsta Dialect of the Udmurt Language. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2023;17(4):462–473. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2023-17-4-462-473>
4. Mosin M.V., Mosina N.M. The Consonant System in the Middle of the Finno-Ugric Word Stem in the Mordovian Languages. *Bulletin of Ugric Studies*. 2020;10(2):282–291. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-2-282-291>
5. Bezenova M.P. Dialect Basis of the First Udmurt Translations of the Gospel of John. *Ural-Altaic Studies*. 2023;(3):7–22. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2023-50-3-7-22>
6. Ivshin L.M. Beekeeping Vocabulary in Written monuments of the Udmurt language of the XVIII Century. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2024;18(1):14–26. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2024-18-1-14-26>
7. Normanskaja J.V. Does the North-West dialect belong to Meadow or Hill Mari? *Ural-Altaic Studies*. 2024;(1):86–97. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2024-52-1-86-97>
8. Agafonova N.A., Ryabov I.N., Ryabova G.V. The Variation of the Objectal Conjugation Suffixes in the Erzya Dialect Area. *Finno-Ugric World*. 2023;15(3):264–273. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.264-273>
9. Brodsky I.V. Names of Guelder Rose (Viburnum) in Finno-Ugric Languages. *Siberian Journal of Philology*. 2022;(3):249–259. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/18137083/80/20>
10. Arkhangelskiy T. Application of Dialectometric Method to the Classification of Udmurt Dialects. *Ural-Altaic Studies*. 2021;(2):7–20. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2021-41-2-7-20>
11. Kondratyeva N.V., Pushina N.I. Functioning of the Finno-Ugric Languages of the Russian Federation in the Epoch of Digitalization. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(2):377–385. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-2-377-385>
12. Kuznetsova M.N. On the Issue of Classification of Dialects of the Mari L. *Vestnik of the Mari State University*. 2023;17(4):523–533. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-4-523-533>

13. Agafonova N.A., Ryabov I.N. The Structure of Word Forms of Future Tense Verbs of Object Conjugation in the Erzya Dialects of the Zavolzhye and Southern Urals. *Bulletin of Ugric Studies*. 2021;11(3):407–417. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-3-407-417>

14. Ivanova G.S., Vodyasova L.P. Inflectional Potential of the Indicative Declension in the Transitional Dialect of the Moksha Language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2023;13(1):63–72. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-63-72>

Информация об авторах:

Рябов Иван Николаевич, кандидат филологических наук, декан филологического факультета, доцент кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6760-4376>, SPIN-код: 2034-0552, ryabov.74@bk.ru

Агафонова Нина Афанасьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8751-2751>, SPIN-код: 6385-2918, ohanina@rambler

Рябова Галина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9789-9187>, SPIN-код: 4616-6660, ryabova.gv@bk.ru

Заявленный вклад авторов:

И. Н. Рябов – разработка структуры исследования; системный анализ источников; анализ и интерпретация результатов исследования.

Н. А. Агафонова – разработка структуры исследования; теоретический анализ источников; выявление и обобщение исследуемого диалектного материала; анализ и интерпретация результатов исследования; оформление рукописи.

Г. В. Рябова – сбор, обработка и классификация диалектного материала; анализ и интерпретация результатов исследования; оформление рукописи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 05.08.2024; одобрена после рецензирования 01.10.2024; принята к публикации 07.10.2024.

Information about the authors:

Ivan N. Ryabov, Cand.Sci. (Philol.), Dean of the Philological Faculty, Associate Professor of the Department of the Mordovian Languages National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6760-4376>, SPIN-код: 2034-0552, ryabov.74@bk.ru

Nina A. Agafonova, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor of the Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8751-2751>, SPIN-код: 6385-2918, ohanina@rambler

Galina V. Ryabova, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor of the Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9789-9187>, SPIN-код: 4616-6660, ryabova.gv@bk.ru

Authors' contribution:

I. N. Ryabov – development of the research structure; systematic analysis of sources; analysis and interpretation of research results.

N. A. Agafonova – development of the research structure; theoretical analysis of sources; identification and generalization of the studied dialect material; analysis and interpretation of research results; design of the manuscript.

G. V. Ryabova – collection, processing and classification of dialect material; analysis and interpretation of research results; manuscript design.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 05.08.2024; revised 01.10.2024; accepted 07.10.2024.

Оригинальная статья / Original article

Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентами-соматизмами в эрзянском и финском языках

Н. М. Мосина[✉], Е. Д. Карпунина

МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация

[✉] natamish@rambler.ru

Аннотация

Введение. Интенсивное развитие фразеологии за последние десятилетия выдвинуло множество проблем. С одной стороны, задачей исследователей является описание фразеологического материала отдельного языка с упором на их специфические особенности, с другой – все большее значение в условиях современного развития национальных языков, широкой интеграции и обогащения культур приобретает вопрос о необходимости оценки языковых явлений на основе сравнительно-сопоставительного анализа фразеологических микросистем родственных языков. Соматическая лексика является важной частью лексической системы языка, необходимой для понимания языковой картины мира: лексемы, называющие части тела, относятся к древнейшему пласту лексики, характеризуются частотностью употребления, семантической устойчивостью и большой способностью к метафоризации, однако исследования в области сравнительно-сопоставительного анализа эрзянского и финского языков еще не проводились. Актуальность исследования обуславливается необходимостью определения взаимосвязи между языковыми системами и влияния соматических образов на формирование фразеологического состава; изучение соматических фразеологизмов во многом помогает понять менталитет и мировосприятие народов, а также языковые и культурные взаимосвязи. В статье анализируются фразеологические конструкции с соматическими лексемами в двух дальнеродственных языках, их функционирование в контексте культурной идентичности и взаимодействия. Однако в сравнительно-сопоставительном аспекте исследуемый материал недостаточно изучен. Цель исследования – выявить сходства, различия и лингвокультурные аспекты фразеологизмов с соматической лексикой в эрзянском и финском языках.

Материалы и методы. Материалом для проведения исследования послужили фразеологизмы и пословицы из фразеологических словарей, сборников и пособий по эрзянскому и финскому языкам. С помощью лексикографического метода были выделены и проанализированы устойчивые лексические единицы с компонентом-соматизмом. Для их выявления применялся метод сплошной выборки. Компонентный и этимологический виды анализа использовались для детального исследования происхождения соматических единиц и выявления их общих семантических характеристик в эрзянском и финском языках.

Результаты исследования и их обсуждение. Авторами выявлены фразеологические единицы с наиболее частотными компонентами-соматизмами, проведен этимологический анализ соматической лексики для нахождения общих корней и исторических связей, отражающих культурные особенности обоих языков. Значения данных соматизмов помогли выделить три семантические группы фразеологизмов, найти примеры полных и частичных эквивалентов, выделить репрезентирующие концепты, а также определить индивидуальные особенности в их понимании эрзянским и финским народами.

Заключение. Сравнительный анализ фразеологических единиц с соматизмами в эрзянском и финском языках позволил выявить как общие типы и механизмы, так и уникальные особенности, присущие этим языковым системам. Проведенное исследование способствует расширению теоретических аспектов в изучении лингвокультурологии и фразеологии, особенно в контексте взаимодействия двух культур, с акцентом на сохранение и трансформацию семантики соматических компонентов в устойчивых лексических единицах. Практическая значимость исследования заключается в возможности его применения в процессе преподавания и изучения языков, прежде всего в аспектах лексикологии финно-угорских языков, межкультурной коммуникации и перевода.

Ключевые слова: соматизмы, фразеологические единицы, эрзянский язык, финский язык, сравнительный анализ

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мосина Н. М., Карпунина Е. Д. Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентами-соматизмами в эрзянском и финском языках // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 4. С. 408–416. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.408-416>

© Мосина Н. М., Карпунина Е. Д., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Comparative Analysis of Phraseological Units with Somatic Components in the Erzya and Finnish Languages

N. M. Mosina[✉], E. D. Karpunina

National Research Mordovia State University,

Saransk, Russian Federation

[✉] natamish@rambler.ru

Abstract

Introduction. The article considers a comparative study of somatic elements within phraseological units in two distantly related languages, Erzya and Finnish, aiming to identify common features and distinctive characteristics in their semantics. The relevance of this research lies in the need to explore the relationship between linguistic systems and the influence of somatic imagery on the formation of phraseological expressions. Studying somatic phraseological units significantly contributes to understanding the mindset and worldview of the peoples, as well as the linguistic and cultural connections between them. The article analyzes phraseological constructions containing somatic lexemes in the two distantly related languages (Erzya and Finnish), focusing on their functioning in the context of cultural identity and interaction. However, the material under study remains insufficiently explored from a comparative perspective. The objective of this research is to uncover the similarities, differences, and linguocultural aspects of phraseological units with somatic vocabulary in Erzya and Finnish.

Materials and Methods. The research material consisted of idioms and proverbs extracted from phraseological dictionaries, collections, and educational resources on the Erzya and Finnish languages. Using the lexicographic method, stable lexical units with somatic components were identified and analyzed. The method of continuous sampling was employed to extract these units. Componential and etymological analyses were conducted to investigate the origins of the somatic units in detail and to identify their shared semantic characteristics in the Erzya and Finnish languages.

Results and Discussion. The authors have identified phraseological units with the most frequent somatic components and conducted an etymological analysis of somatic vocabulary to uncover common roots and historical connections reflecting cultural characteristics. The meanings of these somatisms helped distinguish three semantic groups of phraseological expressions, find examples of full and partial equivalents, highlight the representing concepts, and determine individual nuances in their interpretation by the Erzya and Finnish peoples.

Conclusion. A comparative analysis of phraseological units with somatisms in the Erzya and Finnish languages reveals both common types and mechanisms, as well as unique features inherent to these linguistic systems. The conducted study contributes to the expansion of theoretical aspects in the fields of linguoculturology and phraseology, particularly in the context of the interaction between the two cultures, with an emphasis on the preservation and transformation of the semantics of somatic components in stable lexical units. The practical significance of the study lies in its potential application in the teaching and learning of languages, especially in the areas of lexicology of Finno-Ugric languages, intercultural communication, and translation.

Keywords: somatisms, phraseological units, Erzya language, Finnish language, comparative analysis

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Mosina N.M., Karpunina E.D. Comparative Analysis of Phraseological Units with Somatic Components in the Erzya and Finnish Languages. *Finno-Ugric World*. 2024;16(4):408–416. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.408-416>

Введение

В последние десятилетия повышается интерес к сравнительным исследованиям языков и культур в рамках лингвистики и лингвокультурологии. Так, соматизмы (слова, обозначающие части тела) являются неотъемлемой частью языковой системы. Они не только отражают физиологические особенности человеческого организма, но и служат индикаторами менталитета, образа мышления и мироощущения народа, а также передают национально-культурные особенности носителей языка. Поскольку соматизмы обладают высокой образностью и экспрессивностью, они часто встречаются во фразеологических единицах, поговорках, пословицах и поговорках.

Сравнительный анализ фразеологизмов двух дальнеродственных языков – эрзянского и финского – с соматической лексикой позволяет, во-первых, выявить их универсалии, специфические черты, сходства и различия, а во-вторых, глубже понять менталитет и мировоззрение народов, восприятие ими окружающего мира.

Понимание того, как различные культуры отражают свое представление о мире через призму языка, может быть полезным не только в сфере лингвистики, но и для других областей знаний: социологии, антропологии, культурологии. Практическая значимость статьи заключается еще и в возможности использования результатов исследования в преподавании рассматриваемых языков, составлении фразеологических словарей и пособий по сравнительной фразеологии финно-угорских языков [1; 2].

Объект исследования – фразеологические единицы (далее – ФЕ), паремии, пословицы и поговорки эрзянского и финского языков, содержащие в себе компоненты-соматизмы. Предмет исследования – семантические характеристики ФЕ в исследуемых языках с наиболее частотными группами соматизмов.

В статье приводится анализ не только самих языковых конструкций, но и их функционирования в контексте культурной идентичности, традиций и обычаев, что позволяет продемонстрировать, как язык отражает культуру и как, в свою очередь, культура формирует язык.

Цель статьи – провести сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентами-соматизмами в эрзянском и финском языках, выявить их лексико-семантические и культурные особенности, оценить их значение в контексте языкового и национально-культурного взаимодействия.

Обзор литературы

Соматическая лексика – универсальный лексический пласт в любом языке и один из самых распространенных объектов исследования в сравнительно-исторических, структурно-сопоставительных и лингвокультурологических работах как отечественных, так и зарубежных лингвистов [3–5]. Именно лексика, обозначающая части тела, традиционно выделяется первой в составе любого языка, что связано с ее фундаментальным значением для отражения особенностей человека, концептуализации его взаимодействия с окружающим миром [6; 2; 7].

Внимание ученых сегодня привлекают соматизмы, которые активно встречаются в составе устойчивых сочетаний. Ряд исследователей благодаря анализу фразеологизмов, имеющих в своем составе соматическую лексику, делают вывод, что они являются самыми широко используемыми лексемами, которым свойственна высокая частотность и устойчивость в языке [8–9].

В. В. Теганюк и Е. Н. Коновалова выявляют в своей работе универсальные закономерности и специфические особенности в семантических полях фразеологических единиц с соматизмом «голова» во французско-канадском, французском и английском языках [11].

В. Н. Соловар исследует соматизмы в обско-угорских языках, уделяя особое внимание описанию их сходств и различий в структуре и семантике устойчивых сочетаний близкородственных языков [12]. Некоторые работы описывают соматическую лексику как источник ценной информации о культуре и истории народа [13].

Также большой интерес вызывают работы, основанные на сравнительно-сопоставительном анализе ФЕ [14]. Так в некоторых исследованиях рассматриваются фразеологизмы с соматическими компонентами с точки зрения семантических характеристик и адекватности переводческих соответствий¹.

Материалы и методы

Иллюстративным материалом исследования выступили фразеологизмы и паремии (в том числе пословицы и поговорки), которые были получены в результате применения метода сплошной выборки из следующих словарей и сборников

¹ Дригалова Е. Д. Сравнительный анализ фразеологических единиц с соматизмом «sydän»/«седей» в финском и эрзянском языках // Богатство финно-угорских народов : мат-лы Междунар. финно-угорского студ. форума. Йошкар-Ола, 2018. Вып. 5. С. 53–55.

эрзянского и финского языков: «Phraseologia Morduinica»², «Фразеологический словарь мордовских (мокша и эрзя) языков»³, «Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Пословицы, присловья и поговорки»⁴, «Naulan kantaan. Nykysuomen idiomisanakirja»⁵, «Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги»⁶. Данный метод позволил собрать и исследовать все доступные ФЕ с компонентами-соматизмами из выбранных источников.

Применение описательного метода помогло систематизировать выбранные фразеологизмы в эрзянском и финском языках, выявить их структурные и семантические особенности, а также описать их функции в языковой системе.

Благодаря лексикографическому методу были уточнены значения базовых лексем, а этимологический анализ дал возможность проследить их происхождение, установить исторические связи и заимствования.

Сравнительно-сопоставительный метод способствовал выявлению общих и отличительных черт ФЕ с соматической лексикой в двух дальнеродственных языках, что позволило выделить как универсальные, так и национально-специфические черты, отражающие культурные и исторические особенности эрзянского и финского народов.

Результаты исследования и их обсуждение

При проведении исследования было выявлено, что наиболее частотными в эрзянской и финской фразеологии являются базовые соматизмы, которые обозначают названия наружных частей тела, функционально очевидных для человека, а также внутренних органов. Поэтому для анализа мы используем следующие соматизмы: 1) эрз.⁷ *пря* 'голова', фин. *pää* 'голова'; 2) эрз. *cedей* 'сердце', фин. *sydän* 'сердце'; 3) эрз. *кедь* 'рука', фин. *käsi* 'рука'.

Для выявления общих корней и исторических связей, отражения культурных особенностей был проведен этимологический анализ, давший возможность определить происхождение соматизмов, проследить, являются ли эти лексемы результатом общего происхождения языков, заимствования из других языков или независимого развития.

Согласно «Этимологическому словарю эрзянского языка»⁹, слово *пря* 'голова' (часть тела человека или животного) имеет аналоги в большинстве близкородственных языков и восходит к финно-угорскому языку-основе. В финском языке, в соответствии со словарем «Nykysuomen etymologinen sanakirja»¹⁰, слово *pää* 'голова' имеет эквиваленты во всем уральском языковом сообществе, например карельском, эстонском, коми, удмуртском языках. Первоначальная прауральская форма этого слова была реконструирована как **päne*.

Эрзянская лексема *cedей* 'сердце', по мнению ученых-этимологов Д. В. Цыганкина и М. В. Мосина, имеет значение «внутренний орган человека или животного», восходит к финно-угорскому праязыку и имеет аналоги во многих финно-угорских языках¹¹. Финское слово *sydän* 'сердце' также восходит к финно-угорскому языку-основе, имеет эквиваленты в таких языках, как карельский, эрзянский, марийский, хантыйский и др. В литературе впервые было обнаружено в текстах времен Агриколы¹².

² Kahla M. *Phraseologia Morduinica*. Helsinki, 2010. 140 s.

³ Ширманкина Р. С. Фразеологический словарь мордовских языков (мокша и эрзя). Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1998. 215 с.

⁴ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, кн. 1. Пословицы, присловья и поговорки / НИИ яз., лит., ист. и экон. при Совете Министров Мордовии АССР. Саранск, 1967. 375 с.

⁵ Kari E. *Naulan kantaan. Nykysuomen idiomisanakirja*. Otava, 1993. 232 s.

⁶ Храмова О. А. Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги. Москва : КАРО, 2011. 240 с.

⁷ эрз. – эрзянский язык.

⁸ фин. – финский язык.

⁹ Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимологиянь валкс. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 224 с.

¹⁰ Häkkinen K. *Nykysuomen etymologinen sanakirja*. WS Bookwell Oy, 2007. 1011 s.

¹¹ Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимологиянь валкс. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 224 с.

¹² Häkkinen K. *Nykysuomen etymologinen sanakirja*. WS Bookwell Oy, 2007. 1011 s.

В «Этимологическом словаре эрзянского языка» указано, что эрзянское *кедь* ‘рука’ относится к лексике финно-угорского происхождения, имеет эквиваленты в финском, карельском, марийском и других родственных языках. Согласно «Современному этимологическому словарю финского языка», слово *käsi* ‘рука’ имеет определенные эквиваленты во всех финно-угорских языках, например вепском, мансийском, венгерском и др. Первоначальная форма была реконструирована как **käte* и встречается в финском языке до сих пор при склонении слова *käsi* ‘рука’ (*käte-nä*)¹³.

Результаты проведенного анализа данных словарных дефиниций свидетельствуют о том, что содержание и происхождение исследуемых соматизмов в эрзянском и финском языках полностью совпадают: все лексеммы восходят к финно-угорскому языку-основе и имеют значение частей или внутренних органов человеческого тела.

В ходе исследования было выявлено 110 единиц, содержащих компонент-соматизм, на материале эрзянского языка, 105 единиц – на материале финского. Значения этих соматизмов послужили основанием для выделения следующих семантических групп ФЕ.

1. Фразеологизмы с компонентом-соматизмом *пря/пää* ‘голова’. В данную группу вошли 39 ФЕ эрзянского языка с соматизмом *пря* ‘голова’. Представим некоторые из них:

Алтамс пря мейс ‘Ручаться **головой** за что-либо’ (здесь и далее перевод наш. – Авт.); *Роботамс прянь атак кепсе* ‘Работать не поднимая **головы**’; *Саемс пря кедьс* ‘Взять свою **голову** в руки’; *Синтремс пря* ‘Ломать **голову**’.

Также в эту группу вошли 44 финские ФЕ с соматизмом *pää* ‘голова’, например:

Älä luule luuta lihaksi, pääsin päättä paistikkaaksi ‘Не принимай кость за мясо, баранью **голову** – за пареную репу’; *Ei voi ylemmä päättään hypätä* ‘Выше **головы** не прыгнешь’; *Päästään kala ensiksi haisee* ‘Рыба гниет с **головы**’.

Так, в эрзянских и финских фразеологизмах довольно часто встречается соматизм *пря/пää*. Это свидетельствует о его важности в языковой картине мира. В обоих исследуемых языках ФЕ с данным компонентом репрезентируют такие концепты, как:

1) ум и разум (эрз. *Прястэ эряви, кить прятенъ эряви* ‘Умному человеку **голова** нужна, а глупому – нет’; *Прясь весемтенъ ушоткс* ‘**Голова** – всему начало’; *Прясь поки, ансяк превтне аламо* ‘**Голова** большая, да ума в ней мало’; фин. *Ei järkeä kauhalla päähän ajeta* ‘Ковшом ума в **голову** не добавишь’; *Niin monta mieltä, kuin päättä* ‘Сколько **голов**, столько умов’; *Tyhmästä päästä kärsii koko ruumis* ‘От глупой **головы** страдает все тело’);

2) память и внимание (эрз. *Ёртомс прясто кинь* ‘Выбросить из **головы** кого-либо’; *Ливтямс прясто* ‘Вылететь из **головы**’; *Озамс пряс* ‘Засесть в **голове**’; фин. *Antaa jollekulle päihin* ‘Вбить в **голову**’; *Täyttä päättä* ‘**Голова** забита’; *Vetää päänsä täyteen* ‘Забивать **голову**’);

3) чувства и действия (эрз. *А тукиномс прясто кинь* ‘Не выходить из чьей-либо **головы**’; *Чаракавтомс пря кинь* ‘Вскружить **голову** кому-либо’; фин. *Jollakulla on kova pää* ‘Тяжелая **голова**’; *Aukoa päättä* ‘Вскружить **голову**’; *Pitää pää kylmänä* ‘Держать **голову** в холоде’).

При анализе также были выявлены полные и частичные эквиваленты в обоих исследуемых языках, например: эрз. *Кандомс пря верьга* ‘Поднять **голову** (важничать)’ и фин. *Pää rystyyn*. ‘Высоко поднятая **голова**’; или эрз. *Ёмавтомс пря* ‘Лишиться **головы** (жизни)’ и фин. *Ranna pää* ‘Отдать **голову** на отсечение’.

При этом несмотря на схожесть значений, некоторые ФЕ имеют нюансы в толковании, которые отражают различия в языковой картине мира и культурном контексте, например: эрз. *Улемс дурак пря* ‘Быть бараньей **головой**’; *Кинь прясо парго преве, се а ули реве* ‘У кого в **голове** много ума, тот не будет овцой’; фин. *Jonkun pää ei ole tuohesta* ‘Чья-то **голова** не из бересты’; *Jonkun pää on terävä kuin partaveitsi* ‘Чья-то **голова** острая, как бритвенный нож’.

¹³ Там же.

2. Фразеологизмы с компонентом-соматизмом *cedej/sydän* ‘сердце’. В результате анализа были выявлены 33 эрзянские ФЕ с соматизмом *cedej* ‘сердце’. Приведем некоторые примеры:

Калгодо cedej ‘Черствое **сердце**’; *Меремс cedейга* ‘Сказать **сердцем**’; *Седеесь аволь туф, сьавкс вейсэ* ‘**Сердце** не шапка, ум на голове’; *Тейнемс кельть-cedейть* ‘Делать языком и **сердцем**’.

Также при проведении исследования было найдено 32 финских фразеологизма с компонентом *sydän* ‘сердце’, например:

Ploita koko sydämestään ‘Радоваться всем **сердцем**’; *Särkeä jonkun sydän* ‘Разбить чье-то **сердце**’; *Suu on sydämen tulkki* ‘Рот – переводчик **сердца**’; *Tehdä kieletysydämet kylmiksi* ‘Делать язык **сердца** холодным’.

Как в эрзянском, так и в финском языке широко используется соматизм *cedej/sydän* в составе фразеологизмов, что говорит о его высокой значимости в выражении чувств, эмоций и душевного состояния данных народов: эрз. *Калавтомс cedej* кинь ‘Разбить **сердце** кому-либо’; *Паро валось – аволь кельстэ, паро валось – cedej мельстэ* ‘Доброе слово говорится не языком, а душой и **сердцем**’; фин. *Huvä sydän tekee huvää työtä* ‘Доброе **сердце** делает доброе дело’; *Tuntea sydämessä* ‘Чувствовать **сердцем**’.

Для обоих языков характерно выражение во ФЕ таких концептов, как:

1) любовь (эрз. *Пицемс cedej* кинь ‘Обжечь **сердце** кому-либо’; *Максомс cedej* кинень ‘Отдать **сердце** кому-либо’; фин. *Avata sydämensä jollekulle* ‘Открыть свое **сердце** кому-либо’; *Sydän on täynnä toivoa, kun se on täynnä rakkautta* ‘**Сердце** полно надежды, когда оно полно любви’);

2) тревога (эрз. *Марямс cedейсэ* ‘Чувствовать **сердцем**’; *Седеесь скирдавсь* ‘**Сердце** беспокоится’; фин. *Jonkun sydän on levoton* ‘Чье-то **сердце** беспокойное’; *Jonkun sydän hurrää kurkkuun* ‘**Сердце** сильно напугано’);

3) сострадание (эрз. *Кецямс cedейга* ‘Радоваться всем **сердцем**’; *Мария cedej* ‘Чувствительное **сердце**’; *Кортамс cedейшкава ки марто* ‘**Сердечно** говорить с кем-либо’; фин. *Sanoa koko sydämestään* ‘Сказать от всего **сердца**’; *Jonkun sydän pehmenee* ‘Чье-то **сердце** смягчилось’);

4) доброта (эрз. *Кецявтомс cedej* кинь ‘Обрадовать **сердце** кому-либо’; *Улемс паро cedej* ‘Иметь хорошее **сердце**’; фин. *Äidin sydän on villoja pehmeämpi* ‘**Сердце** матери мягче шерсти’; *Huvä sydän on parempi kuin kultainen vuö* ‘Доброе **сердце** лучше, чем золотой пояс’).

Многие фразеологизмы имеют полные или частичные эквиваленты в другом языке (эрз. *Седеесь витеви кинь* ‘Чье-либо **сердце** удовлетворяется’ и фин. *Jonkun sydän tuntee tuudytystä* ‘Чье-то **сердце** испытывает чувство удовлетворения’), однако некоторые языковые единицы все же имеют значительные отличия, что свидетельствует об особенностях в культуре и традициях каждого народа: эрз. *Седеесь вастень ськянь куй не пачтась* ‘**Сердце** против неправды не стоит’; *Седеесь пиленза улихть, синь сембода кулихть* ‘У **сердца** уши есть, они все слышат’ и фин. *Sydän on kevyempi kuin höyhen, jos sitä ei raina mikään* ‘**Сердце** легче пера, если его ничего не тяготит’; *Sydän on omassa rinnassa, mutta sitä ei ole omassa vallassa* ‘**Сердце** в груди, но оно не подчиняется нашей воле’.

3. Фразеологизмы с компонентом-соматизмом *kedь/käsi* ‘рука’. При работе над статьей были выбраны 38 фразеологизмов эрзянского языка с соматизмом *кедь* ‘рука’, например:

Кедень апак начто чама а шляви ‘Не намочив **руки**, лицо не умоешь’; *Кинь сыр-нень кедензэ, сень пейшксеть зепензэ* ‘У кого золотые **руки**, у того полны карманы’; *Эсь кедеть – эсь мелеть* ‘Своя **рука** – владыка’.

В ходе проведения анализа нами также было выявлено 29 финских ФЕ с лексемой *käsi* ‘рука’. Представим некоторые из них:

Ei kädet ristissä rikkaiksi tulla ‘Те, кто сидит сложа **руки**, богатыми не становятся’; *Käsi käden pesee* ‘**Рука** **руку** моет’; *Pitää käsissään* ‘Держать в **руках**’; *Tyhjä Vasen käsi ei tiedä, mitä oikea tekee* ‘Левая **рука** не знает, что делает правая’.

Частое использование соматизма *кедь/käsi* во фразеологизмах эрзянского и финского языков подчеркивает его важность в описании человеческих способностей отношений и взаимодействия между людьми, например: эрз. *Васов кедеть венстясак – кадоват кедтеме* ‘Далеко **руки** протянешь – без рук останешься’; *Вачкодемс кедь ланга кинь* ‘Ударить кому-либо по **рукам**’; *Ве кедесь сау, омбоцесь максы* ‘Одной **рукой** берет, другой – раздает’; фин. *Kansan käsi on karttuissa* ‘**Рука** у народа в мозолях’; *Saapua tyhjin käsin* ‘Прийти с пустыми **руками**’.

ФЕ с используемым соматизмом вербализуют следующие концепты:

1) помощь (эрз. *Венстямс кедь кинень* ‘Протянуть **руку** кому-либо’; фин. *Kaksi käättä parempi kuin yksi* ‘Две **руки** лучше, чем одна’);

2) сила (эрз. *Кундамс голой кедьсэ* ‘Хвататься голыми **руками**’; *Смеленть кедьсэ ношка мечеськак пштилгады* ‘В **руках** смелого и тупой меч становится острым’; фин. *Tarttua paljain käsin* ‘Держаться голыми **руками**’; *Käsissä on voima* ‘В **руках** сила’);

3) труд и умение (эрз. *Сельмте пелить, кедтне тенть* ‘Глаза боятся, а **руки** делают’; *Сырнень кедть – сырнень тевть* ‘Золотые **руки** – золотые дела’; фин. *Käsissä on taidot* ‘В **руках** навыки’; *Omata kultaiset kädet* ‘Иметь золотые **руки**’).

При этом количество эрзянских фразеологизмов с использованием компонента *кедь/käsi* значительно выше, чем в финском языке. Несмотря на наличие полных эквивалентов и схожесть значений (эрз. *Кадовомс кедстеме* ‘Остаться с пустыми **руками**’ и фин. *Jäädä tyhjin käsin* ‘Остаться с пустыми **руками**’), значительная часть ФЕ имеет существенные различия в толковании, что говорит о различиях в языковых и культурных картинах мира данных народов: эрз. *Ломанень кедтне ансяк коцькерьганкс парт* ‘Чужие **руки** – грабли’ и фин. *Käsi ei ole kuynärää pidempi* ‘**Рука** не длиннее локтя’.

Заключение

Исследуемые в эрзянском и финском языках соматизмы относятся к древнейшему пласту финно-угорской лексики, о чем свидетельствует их этимологический анализ, при этом каждый из них характеризуется устойчивостью и высокой частотностью употребления.

Так, в ходе работы над статьей нами было проанализировано 110 эрзянских и 105 финских фразеологизмов с компонентами-соматизмами *пря/рää* ‘голова’, *седей/sydän* ‘сердце’ и *кедь/käsi* ‘рука’. Удалось выявить полные и частичные эквиваленты ФЕ; определить концепты, вербализующиеся с помощью фразеологизмов, в составе которых находятся соматизмы; найти сходства и индивидуальные особенности языковой картины мира эрзянского и финского народов, общие и специфические черты восприятия и использования частей человеческого тела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианова Н. С. Соматизмы как универсальные образы фразеологических единиц русского и французского языков // Казанская наука. № 6. С. 233–236. EDN: [NNRBKA](#)
2. Дригалова Е. Д., Мосина Н. М. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматизмом «рää» / «голова» в финском и русском языках // Огарев-online. № 8. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/sopostavitelnyj-analiz-frazeologicheskix-edinic-s-somatizmom-paa-golova-v-finskom-i-russkom-yazykah> (дата обращения: 05.08.2024).
3. Чжан Сюеин. Исследование семантических особенностей фразеологизмов с компонентами-соматизмами // Филология и человек. 2013. № 4. С. 119–126. URL: <http://journal.asu.ru/pm/issue/view/299> (дата обращения: 05.08.2024).
4. Idiomatic Proclivity and Literality of Meaning in Body-Part Nouns: Corpus Studies of English, German, Swedish, Russian and Finnish / J. Niemi [et al.] // Folia Linguistica. 2013. Vol. 47, issue 1. <https://doi.org/10.1515/flin.2013.009>

5. Muikku-Werner P., Penttilä E. Idiomit osana kielikontakteja: lainaidiomien merkityksen päättelyä // *Virittäjä*. 2014. Vol. 118, issue 3. S. 372–406. URL: <https://journal.fi/virittaja/article/view/9030/13840> (дата обращения: 07.08.2024).
6. Гирчева О. Е., Казаева Н. В. Семантическая характеристика соматических фразеологизмов с компонентом *kez* ‘рука’ в венгерском языке // *Огарев-online*. 2015. № 2. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/semanticheskaya-kharakteristika-somaticheskikh-frazeologizmov-s-komponentom-kez-ruka-v-vengerskom-yazyke> (дата обращения: 07.08.2024).
7. Мосина Н. М., Казаева Н. В. Семантическая характеристика и особенности фразеологических единиц с компонентом-соматизмом *fej / pää / ня* ‘голова’ в венгерском, финском и мокшанском языках // *Финно-угорский мир*. 2017. № 3. С. 39–46. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2017/3/39-46.pdf> (дата обращения: 05.08.2024).
8. Кравченко О. Н., Субботина И. М. Соматизм «сердце» в составе фразеологических единиц с позиции антропоцентрического подхода (на материале английского и русского языков) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2014. № 20 (23). С. 74–78. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/56430/1/Kravchenko_Somatizm.pdf (дата обращения: 05.08.2024).
9. Мошина Е. А. Соматический код русской и английской лингвокультур: образные признаки макроконцептов *земля* и *earth / land* // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22, № 2. С. 533–540. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-533-540>
10. Умаев Р. М., Дударова Л. М., Дзангиева М. М. Классификация соматизмов // *Рефлексия*. 2021. № 1. С. 31–33. EDN: **WIIGFX**
11. Теганюк В. В., Коновалова Е. Н. Семантический анализ соматизма «голова» во фразеологии французско-канадского, французского и английского языков // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16, № 6. С. 1960–1964. EDN: **OWMMRD**
12. Соловар В. Н. Семантика фразеологизмов-соматизмов с компонентом *сым/сәм* ‘сердце’ в обско-угорских языках // *Финно-угорский мир*. 2017. № 4. С. 65–70. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2017/4/65-70.pdf> (дата обращения: 20.07.2024).
13. Казиева А. М., Петренко С. А., Петренко А. Ф. Соматизм «heart» в составе фразеологизмов английского языка // *Вестник Пятигорского государственного университета*. 2024. № 1. С. 109–114. EDN: **PMCSZE**
14. Горбулич И. С. Сравнительный анализ английских соматических фразеологизмов с компонентом «heart» и русских фразеологизмов с компонентом «сердце» // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 9 (63). Ч. 2. С. 124–128. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.63.038>

REFERENCES

1. Andrianova N.S. [Somatisms as Universal Images of Phraseological Units of Russian and French Languages]. *Kazanskaya nauka*. 2023;(6):233–236. (In Russ.) EDN: **NNRBKA**
2. Drigalova E. D., Mosina N. M. Phraseological Units with Somatism “Pää” / “Head” in Finnish and Russian Languages: A Comparative Analysis. *Ogarev-online*. 2017;(8). (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/sopostavitelnyj-analiz-frazeologicheskix-edinic-s-somatizmom-paa-golova-v-finskom-i-russkom-yazykax> (accessed 05.08.2024).
3. Chzhan Siuein. [Semantic Features of Phraseologisms with Somatic Components]. *Filologiya i chelovek*. 2013;(4):119–126. (In Russ.) Available at: <http://journal.asu.ru/pm/issue/view/299> (accessed 05.08.2024).
4. Niemi J., Mulli J., Nenonen M., Niemi S., Nikolaev A., Penttilä E. Idiomatic Proclivity and Literality of Meaning in Body-Part Nouns: Corpus Studies of English, German, Swedish, Russian and Finnish. *Folia Linguistica*. 2013;47(1). <https://doi.org/10.1515/flin.2013.009>.
5. Muikku-Werner P., Penttilä E. Idiomit osana kielikontakteja: lainaidiomien merkityksen päättelyä. *Virittäjä*. 2014;118(3):372–406. (In Finn.) Available at: <https://journal.fi/virittaja/article/view/9030/13840> (accessed 07.08.2024).
6. Gircheva O.E., Kazaeva N.V. The Semantic Characteristics of Somatic Phraseological Units with the Component *Kéz* “Hand” in the Hungarian Language. *Ogarev-online*. 2015;(2). (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/semanticheskaya-kharakteristika-somaticheskikh-frazeologizmov-s-komponentom-kez-ruka-v-vengerskom-yazyke> (accessed 07.08.2024).

7. Mosina N.M., Kazaeva N.V. Semantic Characteristics and Features of Phraseological Units with Component-Somatism *Fej / Pää / Пря* ‘Head’ in the Hungarian, Finnish and Moksha Languages. *Finno-Ugric World*. 2017;(3):39–46. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2017/3/39-46.pdf> (accessed 05.08.2024).

8. Kravchenko O.N., Subbotina I.M. Somatism “Heart” as the Component of the Phraseological Units Singled Out Anthropologically. *Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ser. Gumanitarnye Nauki*. 2014;(20):74–78. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/56430/1/Kravchenko_Somatizm.pdf (accessed 05.08.2024).

9. Moshina E.A. Somatic Code of Russian and English Linguistic Cultures: Figurative Features of Macroconcepts *Zemlya and Earth / Land*. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2020;22(2):533–540. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-533-540>.

10. Umaev R.M., Dudarova L.M., Dzangieva M.M. Classification of Somatic Disorders. *Refleksiya*. 2021;(1):31–33. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **WIIGFX**.

11. Teganyuk V.V., Konovalova E.N. Semantic Analysis of the Somatism “Head” in the Phraseology of French-Canadian, French, and English Languages. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2023;16(6):1960–1964. (In Russ.) EDN: **OWMMRD**.

12. Solovar V.N. The Semantics of Phraseological Units-Somatisms with Component *sym/sām* Meaning “Heart” in the Ob-Ugric Languages. *Finno-Ugric World*. 2017;(4):65–70. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2017/4/65-70.pdf> (accessed 20.07.2024).

13. Kazieva A.M., Petrenko S.A., Petrenko A.F. [Somatism “heart” in the Composition of Phraseological Units of the English Language]. *Vestnik Pyatigorskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2024;(1):109–114. (In Russ.) EDN: **PMCSZE**.

14. Gorbulich I.S. Comparative Analysis of English Somatic Phraseological Units with Component “Heart” and Its Russian Equivalent “Сердце”. *International Research Journal*. 2017;(9):124–128. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.63.038>.

Информация об авторах:

Мосина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, SPIN-код: **2575-6811**, natamish@rambler.ru

Карпунина Екатерина Дмитриевна, аспирант кафедры английского языка для профессиональной коммуникации МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4830-4430>, edkarpunina@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Н. М. Мосина – разработка концепции; определение методологии; научное редактирование текста.

Е. Д. Карпунина – сбор данных и анализ литературы; написание первоначального варианта статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 01.08.2024; одобрена после рецензирования 20.09.2024; принята к публикации 27.09.2024.

Information about the authors:

Natalya M. Mosina, Dr.Sci. (Philol.), Professor of the Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, SPIN-code: **2575-6811**, natamish@rambler.ru

Ekaterina D. Karpunina, Postgraduate Student of the Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4830-4430>, edkarpunina@yandex.ru

Authors' contribution:

N. M. Mosina – concept development, methodology definition, academic text editing

E. D. Karpunina – data collection and literature analysis, writing the first draft of the article.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 01.08.2024; revised 20.09.2024; accepted 27.09.2024.

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.417-430>

EDN: <https://elibrary.ru/lghfsd>

УДК / UDC 81'366.58:811.511.131

ISSN 2076-2577

eISSN 2541-982X

<https://csfu.mrsu.ru>

Оригинальная статья / Original article

Типология синтетических форм прошедшего времени глагола в удмуртском языке (эвиденциальность и темпоральность)

К. С. Ефимов

Удмуртский государственный университет,

г. Ижевск, Российская Федерация

✉ kirill_udm@vk.com

Аннотация

Введение. На сегодняшний день в научной литературе недостаточно изученной остается грамматическая и темпоральная семантика форм глагола прошедшего времени в удмуртском языке, традиционно обозначаемых как «I прошедшее время» и «II прошедшее время». Основным различием этих грамматических форм, по данным нормативных грамматик удмуртского языка, является наличие у II прошедшего времени эвиденциальной семы. Однако сведения о характере протекания каждого из двух грамматических времен, т. е. о темпоральной семантике, отсутствуют. Цель исследования – выявить значения, выражаемые синтетическими формами прошедшего времени удмуртского глагола, а также уточнить их сходства и различия.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили предложения из художественных удмуртских текстов, извлеченные из Национального корпуса удмуртского языка. Было проанализировано более 5 тыс. словоупотреблений глагола в синтетических формах прошедшего времени. В качестве методологической базы исследования выступили метод сплошной выборки, контекстного анализа, типологический, а также описательный.

Результаты исследования и их обсуждение. В работе впервые представлен анализ двух синтетических форм глагола прошедшего времени в удмуртском языке с точки зрения темпоральной и эвиденциальной семантики. Темпоральная семантика рассмотренных форм совпадает: обе они могут выражать перфектные (статальный, акциональный перфект; прошедшее в значении будущего) и аористные значения (прошедшее индифферентное и прошедшее нарративное). Особенностью удмуртского претерита является возможность выражать и иные темпоральные значения в сочетании с другими грамматическими категориями удмуртского глагола. Относительно эвиденциальной семантики одна из форм является эвиденциально-нейтральной, в то время как другая выражает значение косвенной эвиденциальности.

Заключение. Рассмотренные формы можно обозначить как претерит, обладающий достаточно широкой темпоральной функциональностью. Относительно эвиденциальной семантики ключевым различием двух данных форм глагола является наличие у одной из них эвиденциальной семы. В соответствии с грамматической типологией, I прошедшее время можно обозначить как претерит индикатива, а II прошедшее время – как претерит эвиденциалиса. Дальнейшее исследование данных грамматических форм и их межкатегориальных взаимосвязей позволит значительно расширить знания о системе времен удмуртского глагола.

Ключевые слова: удмуртский язык, грамматика удмуртского языка, глагол, прошедшее время, претерит, перфект, аорист, темпоральность, эвиденциальность

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ефимов К. С. Типология синтетических форм прошедшего времени глагола в удмуртском языке (эвиденциальность и темпоральность) // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 4. С. 417–430. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.417-430>

© Ефимов К. С., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Typology of Synthetic Forms of the Past Tense of the Verb in the Udmurt Language (Evidentiality and Temporality)

K. S. Efimov

Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

✉ kirill_udm@vk.com

Abstract

Introduction. As of today, the grammatical and temporal semantics of the past tense verb forms in the Udmurt language, traditionally designated as “1st past tense” and “2nd past tense”, remain insufficiently studied in academic and scholarly literature. The main difference between these grammatical forms, according to the normative grammars of the Udmurt language, is the presence of an evidential seme in the 2nd past tense. However, information on the nature of the flow of each of the two grammatical tenses, i.e. on the temporal semantics, is missing. The purpose of the research is to identify the meanings expressed by the synthetic forms of the past tense of the Udmurt verb, as well as to specify their similarities and differences.

Materials and Methods. The material for the study consisted of sentences from literary Udmurt texts, extracted from the National Corpus of the Udmurt language. More than 5,000 instances of verb usage in synthetic past tense forms were analyzed. The methodological framework of the study included the methods of continuous sampling, contextual analysis, typological, and descriptive approaches.

Results and Discussion. The paper presents, for the first time, an analysis of two synthetic forms of the past tense verb in the Udmurt language from the perspective of temporal and evidential semantics. The temporal semantics of the forms considered are identical: both can express perfect meanings (statal perfect, actional perfect, past with future meaning) as well as aorist meanings (indifferent past and narrative past). A distinctive feature of the Udmurt preterite is its ability to convey additional temporal meanings when combined with other grammatical categories of the Udmurt verb. Regarding evidential semantics, one form is evidentially neutral, while the other expresses the meaning of indirect evidentiality.

Conclusion. The forms we have examined can be identified as a preterite with fairly broad temporal functionality. From the perspective of evidential semantics, it is confirmed that the key difference between these two verb forms lies in the presence of an evidential seme in one of them. According to grammatical typology, the 1st past tense can be designated as the indicative preterite, while the 2nd past tense can be referred to as the evidential preterite. Further research into these grammatical forms and their inter-categorical relationships will significantly expand our understanding of the Udmurt verb tense system.

Keywords: Udmurt language, grammar of the Udmurt language, verb, past tense, preterite, perfect, aorist, temporality, evidentiality

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Efimov K.S. Typology of Synthetic Forms of the Past Tense of the Verb in the Udmurt Language (Evidentiality and Temporality). *Finno-Ugric World*. 2024;16(4):417–430. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.417-430>

Введение

Современный удмуртский язык обладает богатой системой прошедших времен. По сравнению с граммемами настоящего и будущего времени, граммаема прошедшего времени в нем может быть выражена разными грамматическими формами глагола. Вслед за Б. Комри мы понимаем «значение прошедшего времени как место во времени, предшествующее настоящему моменту»¹. В прошедшем времени удмуртского глагола тип временного дейксиса не является таким сложным, как в настоящем, что обусловлено более четким расположением событий на временной оси относительно точки отсчета.

В статье речь пойдет о двух формах прошедшего времени, признаваемых всеми современными лингвистами. Первая форма образована с помощью тематического гласного *-i*, вторая – от причастия на *-m*. Традиционно в удмуртском языкознании они имеют термины «I прошедшее время» и «II прошедшее время», либо «очевидное прошедшее время» и «неочевидное прошедшее время». В рамках работы мы рассматриваем обе грамматические формы как претерит, но с той разницей, что эти формы относятся к разным наклонениям – изъявительному (индикативу) и неочевидному (эвиденциалису).

¹ Comrie B. *Tense*. Cambridge : Cambridge University Press, 1985. P. 41.

Неочевидное наклонение (удм. *тодмотэм сям*) впервые было выделено Э. Винклером². Несмотря на то, что данная концепция не получила широкого распространения, мы считаем ее наиболее подходящей для удмуртского языка на современном этапе его развития. Подобную точку зрения высказала также А. И. Кузнецова: согласно ей, эвиденциальность в уральских языках «можно считать разновидностью категории наклонения»³. Также «неочевидное наклонение» выделяется в родственном удмуртскому хантыйском языке [1].

Цель исследования – выявление типов темпорально-семантических значений глагольных форм претерита в удмуртском языке. Недостаточная изученность синтетических форм глагола прошедшего времени в удмуртском языке, неразграниченность в научной литературе характера протекания действия во времени между двумя рассматриваемыми грамматическими формами обуславливают актуальность работы.

Обзор литературы

Основными источниками сведений о прошедшем времени в удмуртском языке на сегодняшний день являются данные нормативных грамматик и некоторые монографии. Так, например, «Грамматика современного удмуртского языка» (далее – ГСУЯ) противопоставляет синтетические формы прошедшего времени прежде всего по признаку, был ли говорящий очевидцем событий⁴. Согласно данной грамматике, форма на *-i* предполагает максимально неопределенную локализованность действия в прошлом и характер протекания этого действия. Форма на *-m* «обозначает главным образом результат совершившегося действия»⁵. То же функциональное толкование для данных форм прошедшего времени дается в «Основах финно-угорского языкознания»⁶. В более современной грамматике «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз» (далее – УКК) содержатся такие же сведения, как и в ГСУЯ, с той лишь разницей, что информация о «результате действия» была исключена⁷. Следовательно, УКК различает формы прошедшего времени на *-i* и *-m* исключительно по признаку наличия или отсутствия эвиденциальной семы. Подобный подход был применен в диссертации Е. А. Бульчевой⁸.

Наиболее подробно формы времени удмуртского глагола были описаны Б. А. Серебренниковым в его монографии «Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп». Автор выделяет четыре функциональных значения для формы на *-i* и три – для формы на *-m*. Формы на *-i* могут выражать: законченное действие, незаконченное действие, перфект, значение будущего времени⁹. Формы на *-m* могут выражать: информацию, полученную со слов других людей; результат совершившегося действия; удивление от озвученного факта¹⁰. Еще одну интересную точку зрения выдвигает М. К. Каракулова. Она приписывает формам прошедшего времени на *-i* перфектное и аористное значения и способность выражать «абстрактное настоящее»¹¹. В то же время описание семантики прошедшего времени на *-m* исчерпывается наличием эвиденциальной семы¹². Можно предположить, что данная форма также может выступать в качестве перфекта или аориста.

² Winkler E. Udmurt. München : Lincom, 2001 (Languages of the World; materials 212). P. 49.

³ Кузнецова А. И. Каким может быть статус эвиденциальности и ирреалиса? (к постановке вопроса) // Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и реальность. М. : Гнозис, 2004. С. 92.

⁴ ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит. Ижевск : Удм. кн. изд-во, 1962. С. 203–206.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкознания. М. : Наука, 1976. С. 180.

⁷ Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание / Кылкутйсь ред. Н. Н. Тимерханова. Ижар : «Удмурт университет» книгапотнони, 2011. С. 178–183.

⁸ Бульчева Е. А. Функциональная значимость глагола в различных типах текстов в удмуртском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2010. С. 41.

⁹ Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 117–118.

¹⁰ Там же. С. 118–120.

¹¹ Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков : учеб. пособие. Глазов : Глазовский гос. пед. ин-т им. В. Г. Короленко, 2000. С. 69–70.

¹² Там же. С. 70.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили удмуртские предложения из художественных текстов, извлеченные из Национального корпуса удмуртского языка (далее – НКУЯ)¹³. Материал для анализа был сформирован методом сплошной выборки. Общее количество проанализированного материала составило свыше 5 тыс. словоупотреблений синтетических глагольных форм прошедшего времени.

В работе был использован комплекс исследовательских методов: описательный, типологический, метод контекстного анализа, метод сплошной выборки. Их применение позволило на конкретных примерах рассмотреть структуру, семантику, особенности развития и функционирования двух синтетических форм прошедшего времени глагола в удмуртском языке.

Результаты исследования и их обсуждение

Поскольку в качестве основного различия между синтетическими формами прошедшего времени на *-i* и *-m* выделяется так называемая «неочевидность», первоначально необходимо внести ясность в используемую терминологию. А. Д. Каксин утверждает, что следует использовать термин «эвиденциалис» вместо устаревших терминов «нарратив», «латентив», «абсентив», «пересказывательное наклонение», от которых, по его мнению, необходимо отказаться¹⁴. В своем исследовании мы придерживаемся этой точки зрения и понимаем под эвиденциальностью «функционально-семантическую категорию, выражающую разные виды отношения высказывания к действительности с точки зрения говорящего, который сам очевидцем действия (события) не был, и этот факт специально подчеркивается или подразумевается»¹⁵. Грамматически выражаемая эвиденциальность в удмуртском языке, по типологии А. Айхенвальд, относится к бинарным эвиденциальным системам, в которых противопоставлена информация «не из первых рук» и «все остальное»¹⁶. Общеизвестен тот факт, что форма прошедшего времени удмуртского глагола на *-m* содержит эвиденциальную сему, в то же время форма на *-i* является нейтральной с точки зрения эвиденциальности, что практически не нашло отражения в нормативных грамматиках удмуртского языка. Форма глагола прошедшего времени на *-i* не может выражать «подчеркнутую очевидность действия» исключительно фактом своего употребления. Е. Скрибник отмечает, что «во всех системах [уральских языков] термины с очевидностью являются нейтральными»¹⁷. Следовательно, термин «очевидное прошедшее время» для удмуртского языка является несостоятельным, поскольку между прямой эвиденциальностью (очевидностью) и косвенной эвиденциальностью (неочевидностью) существуют значения, нейтральные по отношению к эвиденциальности; однако в некоторых других, например в языке американских индейцев патвин, «специально маркируется прямая эвиденциальность, основанная на данных зрения» [2, с. 93].

С диахронической точки зрения форма глагола на *-m* развилась из причастия прошедшего времени путем его употребления в предикативной позиции¹⁸. Изначально данная форма «выражала только отдаленное прошедшее время, совершенность и результативность»¹⁹; далее она развила эвиденциальную сему, что, по мнению Б. А. Серебренникова, основано на грамматической семантике перфекта, т. е. «говорящий, констатирующий результат действия,

¹³ Национальный корпус удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://udmcorpus.udman.ru/body> (дата обращения: 20.07.2024).

¹⁴ Каксин А. Д. Средства выражения модальности и эвиденциальности в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2011. С. 33.

¹⁵ Каксин А. Д. Модальность и средства ее выражения в хантыйском языке / Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. С. 63.

¹⁶ Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford : Oxford University Press, 2004. P. 25.

¹⁷ Skribnik E., Kehayov P. Evidentials in Uralic Languages // The Oxford Handbook of Evidentiality. New York : Oxford University Press, 2018. P. 553.

¹⁸ Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 257–258.

¹⁹ Szabó D. Evidencialitás az udmurt nyelvben egy grammatikai funkció diakrón vizsgálata // Пермистика 18: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сб. ст. в 2-х ч. Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», 2020. Ч. 1. С. 201.

сам не является очевидцем этого действия»²⁰. Разумеется, существуют и иные точки зрения на возникновение в удмуртском языке формы прошедшего времени на *-m*, однако нас больше интересует современное функционирование рассматриваемых форм.

Грамматически выраженная эвиденциальность в удмуртском языке имеет основное значение сомнения в достоверности озвученной информации. Так, Ф. Зигль, говоря о формах глагола прошедшего времени на *-m*, выделяет «три разных оттенка эвиденциальности в одной форме: инференциальность, миративность и слухи»²¹. Основываясь на данных коми языка²², мы выделяем в современном удмуртском языке 5 основных эвиденциальных значений, выражаемых специальными формами глаголов прошедшего времени (в нашей терминологии с помощью «неочевидного наклонения глагола»). На выбор говорящим нейтральной или эвиденциальной формы прошедшего времени влияет «эпистемический статус говорящего, который дает представление об отношении высказывания к дискурсивному контексту» [3, с. 149].

Нарративное значение. Формы глаголов прошедшего времени, выражающие нарративное значение, используются при пересказывании действий, очевидцем которых говорящий не был; при рассказе об исторических событиях; данная форма прошедшего времени глагола характерна для фольклорных жанров. Еще одной отличительной чертой нарративного значения является получение информации из источников, отличных от восприятия собственным зрением. Р. Кубич отмечает, что «в текстах, в которых второе прошедшее является в первую очередь жанровой характеристикой, употребление эвиденциальных глаголов зачастую крайне непоследовательно»²³. Б. Коллиндер, говоря о формах на *-m*, называет их «повествовательным претеритом» (англ. *the narrative preterite*)²⁴, однако функции данной формы не ограничиваются только повествованием. Например: *Ужан дорысеныз кин ке верам, пиед велосипедэ ыштэм шуыса* 'Около работы кто-то сказал, что твой сын велосипед **потерял**, оказывается' (У. Бадретдинов «Велосипед», 2007. Все примеры взяты из НКУЯ. – Авт.). *Мон кылй ни, куд-огез пиос но нылъёс колхозысь кошкыны малпаллям шуыса* 'Я уже слышал, что некоторые парни и девушки из колхоза уйти **думали**' (У. Бадретдинов «Чушъял вордйське веньёстэк», 2007).

Миративное значение. Миративное значение предполагает то, что говорящий не был носителем информации и определенный факт вызывает у него удивление. Иными словами, функция миративности «состоит в том, чтобы пометить предложения, которые сообщают информацию, являющуюся новой или неожиданной для говорящего, независимо от того, источник информации из первых или из вторых рук» [4, с. 33]. Вслед за В. А. Плунгяном и А. Д. Каксиным мы рассматриваем миративность как одно из значений эвиденциальности²⁵ [5]. Стоит отметить, что при переводе на русский язык выражений с семантикой миративности, как правило, к ним добавляется лексема «оказывается» для придания нужного семантического оттенка. Также, по мнению Р. Кубич, миративность «можно дополнительно разделить на неожиданность, удивление, связанное с запоздалым осознанием события или новизной информации»²⁶. Например: *Калык пöлын вож кильтро дэремен Нина но сьлйз. – Уть, кыче чебер кариськем ведь. Ымдуръёссэ но буям, – пиньыныз зукыртйз Микол, – кин сое татчы öтиз?* 'Среди народа в зеленом модном платье стояла и Нина. – Ух, какой красивой **сделалась** ведь. И губы свои **накрасила**, – сквозь

²⁰ Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. С. 266.

²¹ Siegl F. The 2nd Past in the Permic Languages. Form, Function and a Comparative Analysis from a Typological Perspective. M. A. Thesis. Tartu, 2004. P. 162.

²² Цыпанов Е. А., Лейнонен М. Эвиденциальная сема II прошедшего времени в коми языке // Коми слово в грамматике и словаре. Сыктывкар, 2000. С. 88–98.

²³ Kubitsch R. Evidencialitás a mai udmurt nyelvben // Lingdok 17. Nyelvészdoktoranduszok dolgozatai. Szeged : Szegedi Tudományegyetem, 2018. P. 266.

²⁴ Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm : Almqvist & Wiksell. 1960. P. 268.

²⁵ Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2011. С. 236–237.

²⁶ Kubitsch R. Evidencialitás a mai udmurt nyelvben. P. 265.

зубы проворчал Микол, – кто ее сюда пригласил?’ (В. Сергеев «Уйвотын усе лымы», 1988). *Ваньды синмаськиллям, шуо. Озьы-а, мар-а? Оло мынам пересе но? Паймод тйледлы. Шедьтйллям Карменэз!* ‘Все вы влюбились, говорят. Разве так? Может, и мой старик тоже? Удивишься вам. **Нашли**, оказывается, Кармен!’ (Т. Архипов «Лудзи шур дурын», 1985).

Презумптивное значение. Презумптивное значение предполагает уверенность говорящего в истинности сообщаемой информации, но в то же время он подчеркивает, что не имеет точных данных о событии, поскольку не был прямым очевидцем. Формы глаголов прошедшего времени, выражающие презумптивное значение, используются, когда речь идет о регулярных, свойственных какому-либо субъекту действиях. Таким образом говорящий вкладывает значение презумпции, т. е. истинности высказывания, пока не доказано обратное, однако «снимает с себя ответственность» за достоверность сообщаемой информации. Значение может усиливаться с помощью таких лексических показателей, как *вылды* ‘скорее всего’ или *шодске* ‘кажется’. Например: *Касим Галиханов асьмелы со гожъёс пöлысь кöнязэ ке адскись карыса возьматыны сюлмаськем, вылды* ‘Касим Галиханов нам из этих записей сколько-то **позаботился** показать, скорее всего’ (У. Бадретдинов «Тодьы», 2007). *Фермаын ужась Офонез соку ик тодмаз. Чорыганы ветлэм, шодске* ‘Работник фермы тогда же и узнал Офона. Рыбачить **ходил**, кажется’. (У. Бадретдинов «Дунне питрес, шуо», 2007).

Инференциальное значение. Использование инференциального значения основывается на выводах говорящего, которые можно сделать исходя из результатов действия, уже известной информации, картины мира говорящего в целом. Однако, в отличие от презумптивного значения, говорящий допускает альтернативные варианты протекания озвученной ситуации. Также, в противовес презумптивному, отличительной чертой инференциального значения является неуверенность говорящего в своих предположениях. Значение может быть усилено лексическими показателями *оло* ‘может быть’, *оло нош* ‘может быть’, *кадь* ‘словно’, *дыр* ‘наверное’, *лэся* ‘кажется’. Например: *Ох, уг пот вал пияшлэн мынэм, оло нош, сюлмыз шодйськем, лэся* ‘Ох, не хотел было парень идти, но его сердце, может быть, **чувствовало**’ (Г. Красильников «Оксана», 1971). *Картэз войнаын бырем, нылпиосыз öвöл. Жеч кышномурт, анай кадь...* *Адзод ай* ‘Ее муж на войне **погиб**, детей нет. Хорошая женщина, как мать... Посмотришь же’ (В. Сергеев «Уйвотын усе лымы», 1988).

Значение неконтролируемого действия. Значение характерно прежде всего для форм 1-го лица и выражает немного иную семантику в отличие от остальных эвиденциальных значений в современном удмуртском языке. Однако значение неконтролируемого действия также входит в поле эвиденциальности, поскольку если «ранее была определенная отстраненность, дистанцированность говорящего от события, то при его воспроизведении появляется возможность указать на источник информации»²⁷. На эту функцию в удмуртском языке также обратили внимание венгерские исследователи Д. Сабо²⁸ и Р. Кубич²⁹. Значение неконтролируемого действия может выражаться и «в отсутствии контроля, осознания и преднамеренности»³⁰. Например: *Созэ öй вала, клубе ачим-а мыйськем, вордйськем нуналме ачимтэк пусйисьёс-а нузы...* ‘Это я не понял, в клуб разве я сам **ходил**, мой день рождения без меня отмечающие провели...’ (Ф. Пукроков «Кизили ныл», 1997). *Öй но шодды, кызьы ми нош ик матэктйськеммы но, бамъёсмь ваче вулльям* ‘Я и не почувствовал, как мы снова **сблизились** и наши лица наедине **оказались**’ (Ф. Пукроков «Кизили ныл», 1997).

В большинстве случаев формы глагола прошедшего времени на *-т* выражают одновременно значения времени и эвиденциальности. Так, например, Е. А. Цыпанов считает, что «основное значение II прошедшего времени – это результативность или

²⁷ Баджанлы Э. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте: В сопоставлении с алтайским языком : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 58.

²⁸ Szabó D. Evidencialitás az udmurt nyelvben egy grammatikai funkció diacrón vizsgálatá. С. 200.

²⁹ Kubitsch R. Evidencialitás a mai udmurt nyelvben. P. 263.

³⁰ Szabó D. Evidencialitás az udmurt nyelvben egy grammatikai funkció diacrón vizsgálatá.

перфект»³¹. Иначе говоря, эвиденциальная сема может отсутствовать, и данная форма будет выражать только значение времени. По мнению Р. Кубич, «в функциях, не связанных с источником информации, включение формы глагола второго прошедшего времени не считается обязательным по правилам языка, поэтому его употребление будет более непоследовательным»³². Мы поддерживаем эту точку зрения и для ее подтверждения провели анализ 2 500 словоупотреблений глагола в форме прошедшего времени на *-m*, извлеченных из Национального корпуса удмуртского языка, на предмет отсутствия эвиденциальной семантики, стараясь исключить присутствие каждого из пяти перечисленных выше значений, относящихся к полю эвиденциальности. В результате проведенного анализа выяснилось, что только 8 % словоупотреблений не имели эвиденциальной семантики. Более того, в случаях, когда форма на *-m* не имеет эвиденциального значения, она без потери смысла может быть заменена формой на *-i*. Таким образом, мы можем не согласиться с мнением Ф. Зигля о том, что «пермские языки не имеют грамматикализованной системы выражения эвиденциальности, потому что II прошедшее не является исключительно средством выражения эвиденциальности»³³. В качестве промежуточного вывода можно определить, что формы прошедшего времени глагола на *-m* несут в своем базовом грамматическом значении семантику прошедшего времени и эвиденциальности, которые неразрывно связаны в данной грамматической форме. Употребление этой формы в неэвиденциальном значении не является последовательным, не считается обязательным по правилам удмуртского языка и может быть заменено без потери смысла на соответствующие формы прошедшего времени, не имеющие грамматикализованной эвиденциальности.

В то же время форма прошедшего времени на *-i* является нейтральной с точки зрения эвиденциальности, поскольку ее употребление не подразумевает указания на то, что говорящий не был свидетелем описываемых событий. Использование специальных лексических маркеров эвиденциальности, таких как *ne* ‘мол’, *оло* ‘может быть’, в сочетании с формой прошедшего времени на *-i* дает в результате косвенную эвиденциальность, не являющуюся грамматикализованной. Форма прошедшего времени на *-i* не может грамматикализовать прямую эвиденциальность или «очевидность» действия, потому что далеко не все высказывания можно строго разделить на «очевидные» и «неочевидные», как предлагают авторы удмуртских грамматик³⁴.

Перейдем к темпоральным значениям, которые выражаются синтетическими формами глагола прошедшего времени. Говоря о них, исследователи чаще всего обозначают форму на *-m* как перфект³⁵ [6; 7]. Форма прошедшего времени на *-i* может выражать перфектные и аористные значения³⁶. Стоит отметить, что в разных языках под перфектом понимаются формы с разным семантическим содержанием. По мнению Л. Б. Андерсона, «такая грамматическая категория, как перфект, не будет иметь точно такой же диапазон использования в одном языке, как в другом»³⁷. Подобную мысль о несовпадении семантики грамматических категорий, называемых перфектом, в разных языках также высказывают В. А. Плунгян, В. Б. Кашкин³⁸ [8]. Мы считаем, что перфектные значения в удмуртском языке (как и аористные) могут выражать обе синтетические формы глагола прошедшего времени. Ранее аналогичные выводы были сделаны для горномарийского

³¹ Цыпанов Е. А., Лейнонен М. Эвиденциальная сема II прошедшего времени в коми языке // Коми слово в грамматике и словаре. Сыктывкар, 2000. С. 83.

³² Kubitsch R. Evidencialität a mai udmurt nyelvbën. P. 269.

³³ Siegl F. The 2nd Past in the Permic Languages. Form, Function and a Comparative Analysis from a Typological Perspective. P. 162.

³⁴ ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. С. 202–208.

³⁵ Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 118.

³⁶ Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: учеб. пособие. Глазов: Глазовский гос. пед. ин-т им. В. Г. Короленко, 2000. С. 69.

³⁷ Anderson L. B. The “Perfect” as a Universal and as a Language-Specific Category // Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics. Typological Studies in Language. Amsterdam, 1982. P. 227.

³⁸ Кашкин В. Б. Функциональная типология перфекта. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. С. 31.

языка: «замена одного синтетического прошедшего времени на другое не влияет ни на акциональную, ни на аспектуальную семантику клаузы» [9, с. 158]. Все существующие формы удмуртского плюсквамперфекта также не несут в себе аспектуальных отличий [10]. С диахронической точки зрения обе грамматические формы имеют совершенно разное происхождение, следовательно, темпоральная семантика обеих форм изначально должна была различаться. Для современного удмуртского языка исследователи приводят наличие эвиденциальной семы у формы прошедшего времени на *-m* как основной критерий отличия двух синтетических форм. На сегодняшний день грамматическая форма на *-i* является более частотной. Е. А. Цыпанов отмечает, что «на экспансию и дистрибуцию I прошедшего времени вместо модального перфекта прямое и сильное влияние оказывает русский язык», который обладает грамматикализованной эвиденциальностью [11, с. 171].

Мы предполагаем, что эволюция семантики синтетических форм глагола прошедшего времени проходила следующим образом. Прототипическое перфектное значение формы на *-m* приобрело эвиденциальную семантику, и данная форма начала использоваться в аористных значениях. В то же время форма на *-i* стала употребляться в перфектном значении для передачи нейтрального (неэвиденциального) значения. Подобную точку зрения относительно ненецкого языка высказывает А. Ю. Урманичева [12]. Таким образом, темпоральные значения синтетических форм глагола в удмуртском языке практически полностью совпадают. М. Лейнонен подтверждает, что «в удмуртском языке измерение эвиденциальности явно преобладает над значением “настоящей актуальности”, характерным для прототипического перфекта»³⁹.

Синтетические формы удмуртского глагола прошедшего времени с терминологической точки зрения можно обозначить как претерит индикатива (*-i*) и претерит эвиденциалиса (*-m*). Под претеритом мы понимаем финитные синтетические формы удмуртского глагола, обозначающие референцию к прошедшему времени, имеющие, согласно темпоральной семантике, две основные области значений: перфектную и аористную. Данные формы также могут выражать граммы имперфекта и итератива, однако это происходит только у глаголов с многократным способом глагольного действия. Прежде всего для нас интересно базовое значение времени, передаваемое глаголами, нейтральными по отношению к категории способов глагольного действия.

Область перфектных значений. Говоря о перфекте, некоторые ученые определяют его через результатив⁴⁰. Мы считаем результатив достаточно близким к перфекту понятием, однако в удмуртском языке существуют специальное морфологическое выражение граммы результатива, в то же время удмуртский результатив (*ӧс усътэмын* ‘дверь открыта’) сам по себе не имеет четкой референции ко времени (за исключением результатива в связке со вспомогательными неизменяемыми глаголами *вал* ‘было’, *вылэм* ‘было, оказывается’). Для понимания разницы между двумя этими понятиями следует отметить, что результатив становится перфектом, когда первый «утрачивает стативное значение и начинает обозначать не только результирующую фазу некоторой ситуации, но и саму эту ситуацию» [13, с. 21]. В нашем понимании перфектное значение опирается на состояние в настоящем как результат действия в прошлом (статальный перфект) или на «текущую релевантность» какого-либо события в прошлом для настоящего (акциональный перфект)⁴¹. Также глаголы в перфектном значении не выражают одновременность действия, поскольку повествование о событиях в прошлом не относятся к области перфектных значений. Рассмотрим примеры:

³⁹ Leinonen M., Vinkula M. Past Tenses in Permic Languages // Tense and Aspect in the Languages of Europe (Empirical Approaches to Language Typology Eurotyp 20–6). Berlin : Mouton de Gruyter. 2000. P. 508.

⁴⁰ Цыпанов Е. А. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар : Ин-т языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН, 2005. С. 163; Лейнонен М., Цыпанов Е. А. Грамматическая семантика эвиденциальности в коми языке (на материале модального перфекта) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб. : Наука, 2007. С. 405.

⁴¹ Маслов Ю. С. Перфект // Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 505.

Туннэ мон бертійсько кыдѣкысь пичи гуртам. Отысен кутскиз мынам улон сюресэ. Отын ик улон шурелэн ошмесэз но пѳзе ‘Сегодня я возвращаюсь издалека в мою маленькую деревню. Отсюда **началась** моя дорога жизни. Здесь же бьет родник моей жизненной реки’ (В. Сергеев «Лыдья, лыдья, кикые...», 1988). В данном контексте глагол *кутскиз* ‘начался’ употреблен в перфектном значении, поскольку результат описанного действия сохраняется на момент речи.

Бускель гуртэ шудонэ ветлїллям, табере берто ‘В соседнюю деревню играть **ходили**, оказывается, теперь возвращаются’ (Ф. Пукроков «Кизили ныл: Роман, повестьёс», 1997). Глагол *ветлїллям* ‘ходили, оказывается’ употреблен в перфектном значении, поскольку результат описанного действия сохраняется на момент речи. Также стоит отметить, что говорящий не был очевидцем события, описываемого в первой части предложения.

Перейдем к описанию статального и акционального перфекта и реализации этих видов в современном удмуртском языке.

Статальный перфект. Данная темпорально-семантическая функция имеет низкую частотность в современном удмуртском языке, поскольку на временной оси плотно прилегает к зоне настоящего времени. В родственном удмуртскому коми языке исследователи выделяли прежде всего значение статального перфекта и смешивали его с результатом⁴². Мы понимаем статальный перфект как «ослабленный результатив», который выражает темпорально-таксисные значения, в то время как «результатив» – аспектуальные. В удмуртском языке граммымы результатива реализуются с помощью причастий, а граммымы перфекта – с помощью форм прошедшего времени. Рассмотрим примеры:

Таня валзэ уробо бордаз думиз но, шур дуре васькыса, киоссэ но ымнырзэ миськиз. Али гинэ адѳиз со бур кызлзэс кыкетї мур нярзэмзэ, вир потэмзэ ‘Таня привязала лошадь к телеге и, спускаясь к реке, вымыла руки и лицо. Только сейчас она **увидела** идущую кровь из глубокой мозоли на правой руке’ (Т. Архипов «Лудзи шур дурын», 1985). Здесь с помощью глагола *адѳиз* ‘увидела’ реализуется значение результата предшествующего действия.

Выль арозь кылиз на эшио одїг сутка ‘До нового года **остались** еще одни сутки’ (В. Сергеев «Уйвѳтын усе лымы», 1988). С помощью глагола *кылиз* ‘осталось’ реализуется значение состояния, имеющего текущую релевантность для описываемой в примере ситуации.

Вез изьытэк, солэн синъёсыз ѳжытак гордэктїллям ‘Ночь не закрываясь, его глаза немного **покраснели**’ (Г. Красильников «Веросьёс», 1955). В примере говорящий опирается только на результат действия, который не видит. Действие, обозначенное глаголом, только предполагается, поэтому используется эвиденциальная форма.

– Нош ик атаед кудѳем-а? Бамыз суронме ни кадь солэн ‘Твой отец снова **напился**? Его лицо уже, как моя кожа’ (У. Бадретдинов «Чушъял вордїське веньѳстэк: Повестьёс, веросьёс, пьесаос», 2007). В данном примере говорящий опирается только на результат предшествующего действия, который не видит. Действие, обозначенное глаголом, не воспринято визуально, поэтому используется эвиденциальная форма.

Акциональный перфект. В отличие от статального, акциональный перфект опирается на «текущую релевантность» события в прошлом для настоящего. Действие может быть достаточно удаленным от момента речи. Одним из частных значений этого типа является референция к прошедшим событиям из собственного опыта говорящего. Данный тип значения уже не опирается на результат действия в прошлом. «Текущую релевантность» часто называют значением перфекта, «близкого к статусу инварианта» [14, с. 62]. Это характерно и для удмуртского языка, однако мы считаем, что перфектные значения в современном удмуртском языке имеют тенденцию уступать аористным (о которых речь пойдет далее), что подтверждает общелингвистическую тенденцию магистрального пути развития перфекта [14]. Обратимся к некоторым примерам:

Путкарадзе сярись тодэ вайыса, мылкыд сураськиз ‘Когда вспоминал о Путкарадзе, настроение **пугалось**’ (В. Сергеев «Уйвѳтын усе лымы», 1988). В данном примере

⁴² Лейнонен М., Цыпанов Е. А. Грамматическая семантика эвиденциальности в коми языке (на материале модального перфекта) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб. : Наука, 2007. С. 405.

ситуация в прошлом имеет релевантность для настоящего вне зависимости от того, насколько давно произошли описываемые события.

Озбы ик кошкиз. Ачим аджи Оксаналэсь келяськемзэ, милям коркаос вожмин гинэ сыло, укноетий ваньмыз таچه ик адзиське: Онтонэз капка сьорозяз келяса потйз, чыртыяз жыгиртйськиз но, уг ни лэзиськы 'Тоже ушла. Сам видел проводы Оксаны, наши дома наискосок стоят, в окно тоже видно: Онтон вышел проводить за калитку, по шею обнялись, не отпускают друг друга' (Г. Красильников «Оксана», 1971). Говорящий лично наблюдал описываемую им ситуацию, и это указывает на то, что данный факт актуален для момента речи.

– *О-о, землякёс пумиськиллям. Умой, умой! Кылзы-ай, старшой лейтенант эш пыр-поч тодйськод-а тон та старшина сярьсь? – юаз майор 'Да, земляков встретили. Хорошо, хорошо! Послушай, товарищ страший лейтенант, ты хорошо знаешь об этом старшине? – спросил майор' (М. Лямин «Тыл пыртй: Очеркёс», 1945).* В примере говорящий описывает события, имеющие релевантность для момента речи, поскольку разговор идет о воспоминаниях. Глагол содержит эвиденциальную сему, так как реализуется миративное значение, т. е. говорящий не ожидал, что встреча с земляками состоится.

Нош Савалей доры кин сыче пырем? 'А к Савалею кто такой зашел?' (Г. Красильников «Кошкисез мед кошкоз: Веросьёс», 1971). Пример демонстрирует актуальность события в прошлом для момента речи, поскольку говорящий задает вопрос. Также присутствует эвиденциальная сема, указывающая на то, что говорящий не был свидетелем описываемых событий.

Прошедшее в значении будущего. Такое значение будет являться лишь модальным, поскольку действие или событие, обозначаемое одной из описываемых нами форм прошедшего времени, будет носить ирреальный характер. Употребление «будущего в прошедшем» можно отнести к нефутуральному будущему, такие контексты будут иметь вневременной характер. Употребления описываемых форм прошедшего времени в таком значении будут носить смысл возможности, предположения, побуждения к действию, наглядного примера и т. д.⁴³ Прошедшее время в значении будущего относится к перфектной зоне на том основании, что имеет непосредственную актуальность для момента речи. Такое значение следования за моментом речи реализуется «на основе контекстуальной нейтрализации временной семы предшествования и модальной семы изъявительного наклонения» [15, с. 556].

Мон кошки, ява, Света, жеч лу, мон кошки... 'Я ушел, ладно, Света, пока, я ушел...' (Е. Панфилова «Мумы», 2008). В примере озвучивается действие, которое только должно произойти, однако говорящий использует форму глагола прошедшего времени.

– *Бырим асьмеос, – шыпыртйз со кыз улын артана вöзын сылйсь Ильялы '– Мы с тобой погибли, – прошептал он под елью сидящему рядом с поленицей Илье' (И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын», 1982).* Говорящий озвучивает действие, которое может произойти с большой вероятностью, используя при этом форму глагола прошедшего времени.

– *Асьмеос мыномы шат, Аннок? Нош атаед бöрысь чаш поттоз, дыр, пöсьсэ быдтйллям шуоз '– Мы с тобой разве пойдем, Аннок? Но твой отец потом шум поднимет, наверное, жар [в бане] закончили, скажет' (Г. Красильников «Огшоры нунал: Веросьёс», 1953).* Здесь говорящий рассуждает об ирреальных событиях, которые могут произойти в будущем. Событие, обозначенное глаголом прошедшего времени, предшествует точке отсчета, но остается в будущем относительно момента речи, следовательно, действие относится к плану будущего времени.

Куссэ шонервятэк, Глаша жёытозь бакчазы ужаз, ас понназ возьма ни вал: тани Олексан бертоз но паймоз, огнад со мында лэсьтыны вуэмед 'Не разгибая спины, Глаша до вечера работала в их огороде, про себя ждала уже было: вот Олексан вернется и удивится, как одна столько сделать успела' (Г. Красильников «Тöлсяська», 1976). В данном контексте говорящий использует форму прошедшего времени глагола относительно действий, которые

⁴³ Стойнова Н. М. Будущее время [Электронный ресурс] // Русская корпусная грамматика. URL: http://rusgram.ru/Будущее_время (дата обращения: 20.07.2024).

могут произойти в будущем. Поскольку предполагается, что вероятный собеседник удивится, говорящий использует форму прошедшего времени глагола на *-т* в миративном значении.

Область аористных значений. Аорист в качестве языковой универсалии можно определить как прошедшее время, не имеющее точных временных границ. Поскольку мы относим обе синтетические формы прошедшего времени в удмуртском языке к претериту, то, на наш взгляд, аористные значения являются более поздними по возникновению, нежели перфектные. По крайней мере, это характерно для формы на *-т*. Диахронически перфект реализуется в виде «расширения сферы его функционирования на более широкую семантическую зону. Это расширение приводит к разложению перфекта как такового, превращению его в темпоральную форму, связанную с выражением абсолютного предшествования»⁴⁴. Таким образом, одно из расширений перфекта – это приобретение им в удмуртском языке аористных значений. Основное значение аориста заключается в четком предшествовании события моменту речи и несвязанности с моментом речи. Стоит отметить, что в некоторых случаях невозможно точно отделить перфектные значения (прежде всего акционального перфекта) от аористных, особенно из-за существования этих значений в рамках одной формы прошедшего времени – претерита. Семантику аориста в современном удмуртском языке могут выражать обе синтетические формы глагола прошедшего времени, причем форма на *-т* добавляет эвиденциальную семантику, т. е. намеренно будет подчеркиваться на грамматическом уровне, что говорящий не был свидетелем описываемых событий.

– *Соиз озьы ини, брат, – лулзиз Микол. Жож тусын Федя шоры учкиз* ‘– Так оно уже, брат, – **вздыхнул** Микол. С грустным лицом **посмотрел** на Федю’ (В. Сергеев «Уйвöтын усе лымы», 1988). Пример демонстрирует повествование о событиях в прошлом, которые завершились до момента речи.

Азьвыл төдбы офицер колхозын кема ужамтэ, палэнэ кошкем ‘Бывший белый офицер в колхозе долго **не проработал**, на сторону **ушел**’ (У. Бадретдинов «Чушъял вордйське веньёстэк: Повестьёс, веросьёс, пьесаос», 2007). Глаголы передают нарративное значение аориста: говорящий пересказывает события из прошлого, свидетелем которых он не был.

Перейдем к более узким подзначениям в рамках области аористных значений.

Прошедшее индифферентное. Говоря о временной дистанции между моментом речи и событием в прошлом, самым частым маркером можно определить специализированную темпоральную лексику. Однако если мы говорим о темпоральной семантике, которую выражает какая-либо конкретная глагольная словоформа, имеющая референцию к прошедшему времени, то только у плюсквамперфекта есть возможность без дополнительных лексических средств указывать на значительную удаленность в прошлое. Данное подзначение реализуется как событие в прошлом, которое уже завершилось к моменту речи, но определить, когда конкретно произошло событие, можно только с помощью темпоральной лексики.

Нош көня мурт нылкышноосты зыгыръяз? ‘Но сколько чужих женщин **обнял**?’ (Л. Малых «Вужер», 2020). Действие, выраженное глаголом прошедшего времени, произошло в прошлом, однако точный момент его совершения определить невозможно.

Песятай соосты улмоен куноятйз ‘Дедушка их **угостил** яблоками’ (Г. Красильников «Женялэн песятаез», 1955). В данном контексте нельзя определить, когда было совершено действие.

Куамын пöлысь дас одйгез гинэ сочинениосазы колхозэ кыльыны мылкыд каремзэс вераллям ‘Из тридцати только одиннадцать в сочинениях **рассказали**, что имеют желание остаться в колхозе’ (У. Бадретдинов «Чушъял вордйське веньёстэк», 2007). В примере сообщается определенный факт из прошлого без точной временной локализации и характера протекания действия. Также говорящий подчеркивает, что не был свидетелем этого факта, с чем связано употребление формы прошедшего времени на *-т*.

Песятаез Будённей дорын эскадронэн кивалтэм ‘Его дед у Будённого эскадронем **руководил**’ (В. Сергеев «Лыдья, лыдья, кикые», 1988). Говорящий сообщает о факте из

⁴⁴ Кашкин В. Б. Функциональная типология перфекта. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1991. С. 31–32.

прошлого, не уточняя временную локализацию и характер протекания действия. Также он подчеркивает, что не был свидетелем этого факта, с чем связано употребление формы прошедшего времени на *-т*.

Нарративное прошедшее. Это значение реализуется чаще всего при наличии нескольких глагольных актантов. Именно в таком случае можно определить порядок действий относительно друг друга – одновременность либо последовательность. Для таких случаев становится наиболее важным контекст. Это подзначение находится в наибольшей оппозиции к области перфектных значений.

Пёсь гур дорын Наталь шуназ, мылкыдыз ик капчи луиз кадь ‘У жаркой печки Наталья согрелась, ее настроение же **сделалось** как будто легким’ (К. Митрей «Вожмин», 1989). Перед нами повествование, поскольку говорящий перечисляет определенные действия, которые совершает субъект.

Сое адъыса, Максилэн сюлмыз ик золгес жугиськыны ёдъяз, чемысь шоканы кутскиз ‘Когда Макси это увидел, его сердце **начало** сильнее биться, чаще дышать **начал**’ (Л. Нянькина «Макси», 1996). Здесь также легко считывается семантика повествования, поскольку действия субъекта не имеют текущей релевантности.

Векчи езэз куасалляса, соос усътон лэсьтйллям ‘Согнув короткую проволоку, они ключ **сделали**, оказывается’ (Ф. Пукроков «Кизили ныл: Роман, повестьёс», 1997). Семантика повествования здесь реализуется с помощью глагола и деепричастного оборота, выражающего добавочное действие. Также с помощью выделенной в тексте формы глагола говорящий подчеркивает, что не был очевидцем описываемых действий.

Кык экзаменэз сётэм ини, нош кызьы но мар – соиз сярсы пал кыл но поттылымтэ ‘Два экзамена **сдал** уже, но как и что – об этом слов **не было сказано**, оказывается’ (Г. Красильников «Веросьёс», 1955). Говорящий пересказывает события, которые не наблюдал, т. е. присутствует эвиденциальная сема. События происходили последовательно, этим и обусловлена нарративная семантика.

Синтетические формы прошедшего времени в сочетании с другими грамматическими категориями могут выражать и иные семантические значения: например, вместе с многократным способом глагольного действия они способны выражать значения имперфекта (длительного действия в прошлом, которое могло завершиться до момента речи либо иметь продолжение и в настоящем).

Выль закон косэмъя люкылйськом шуыса, ог арын быдэс гуртэн музьемзэс люкылйзы ‘По новому принятому закону о разделе в один год целой деревней их землю **делили**’ (К. Митрей «Вожмин», 1989). Использование глагола многократного способа действия нейтрализует перфектную и аористную семантику.

Солэн но нырысь озьы пёрмылэм ‘И у него сначала так **получалось**, оказывается’ (Р. Валишин «Дэрем мугоръя луыны кулэ», 1990). Имперфектное значение выражено семантикой неоднократного действия, описанный процесс проходил на протяжении какого-либо времени до момента речи. Также использование неочевидной формы подчеркивает то, что говорящий не был свидетелем этого процесса.

Заключение

В рамках исследования мы проанализировали эвиденциальную и темпоральную семантику двух синтетических форм глагола прошедшего времени в удмуртском языке. С точки зрения темпоральной семантики обе формы могут быть взаимозаменяемыми в выявленных нами пяти темпорально-семантических типах. С точки зрения характера протекания действия обе формы можно обозначить как претерит, обладающий достаточно широкой темпоральной функциональностью. Относительно эвиденциальной семантики форма на *-i* является нейтральной по отношению к эвиденциальности, в то время как форма на *-т* выражает косвенную эвиденциальность. Мы предполагаем, что вместе с аналитическими формами прошедшего времени удмуртского глагола, которые имеют вторым компонентом вспомогательный неизменяемый глагол *вылэм* ‘было, оказывается’, форма на *-т* составляет «неочевидное наклонение», или «эвиденциалис» (удм. *тодмотэм сям*).

Это утверждение основано на том, что нейтральные формы индикатива противостоят эвиденциальным. Следовательно, форму на *-i* можно обозначить как претерит индикатива, а форму на *-m* – как претерит эвиденциалиса. Перспективы дальнейшего исследования данных грамматических форм заключаются в полном описании категории времени глагола в удмуртском языке, изучении межкатегориальных связей в области морфологии удмуртского языка, а также в улучшении машинного перевода текстов на удмуртском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каксин А. Д. Выражение эвиденциальности в северных диалектах хантыйского языка: основные коннотации и формы // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 1 (56). С. 291–293. URL: <https://amnko.ru/index.php/russian/journals/> (дата обращения: 20.07.2024).
2. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104. URL: <https://vja.ruslang.ru/archive/1994-3/92-104> (дата обращения: 20.07.2024).
3. Saraheimo M., Kubitsch R. Discourse-Interactional Functions of Udmurt *Val* and *Yylem* // Linguistica Uralica. 2023. Vol. 59, issue 2. P. 130–153. <https://doi.org/10.3176/lu.2023.2.04>
4. DeLancey S. Mirativity: The Grammatical Marking of Unexpected Information // Linguistic Typology. 1997. Vol. 1, issue 1. P. 33–52. <https://doi.org/10.1515/lity.1997.1.1.33>
5. Каксин А. Д. Средства выражения эвиденциальности и митаривности в контексте дискурсивного исследования // Коммуникативные исследования. 2014. № 1. С. 252–259. URL: <http://www.com-studies.org/ru/issues> (дата обращения: 20.07.2024).
6. Сердобольская Н. В. Глагольная множественность и аспект в бесермянском диалекте удмуртского языка: множественность показателей множественности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2012. Т. 8, № 2. С. 735–785. URL: <https://alp.iling.spb.ru/issues/viii2.ru.html> (дата обращения: 20.07.2024).
7. Карпова Л. Л. Реализация категории времени глагола в диалектах северного наречия удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14, № 2. С. 199–213. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-2-199-213>
8. Плунгян В. А. К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12, № 2. С. 7–36. URL: <https://alp.iling.spb.ru/issues.ru.html> (дата обращения: 20.07.2024).
9. Голосов Ф. В., Козлов А. А. Наблюдатель в системе прошедших времен горномарийского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2018. Т. 14, № 2. С. 154–194. URL: <https://alp.iling.spb.ru/issues/xiv2.ru.html> (дата обращения: 20.07.2024).
10. Saraheimo M. The Finite Remote past Tense in Udmurt: From Temporal to Modal and Pragmatic Functions // Finnisch-Ugrische Forschungen. 2022. № 67. P. 161–203. <https://doi.org/10.33339/fuf.113825>
11. Цыпанов Е. А. К вопросу о факторах, определяющих употребление I и II прошедших времен в коми языке // Linguistica Uralica. 2002. Т. 38, № 3. С. 165–175. <https://doi.org/10.3176/lu.2002.3.02>
12. Урманчиева А. Ю. «Антиподы» перфекта в самодийских языках: ненецкое прошедшее время // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12, № 2. С. 475–533. URL: <https://alp.iling.spb.ru/issues.ru.html> (дата обращения: 20.07.2024).
13. Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. Перфект в старославянском: был ли он результативным? // Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2017. № 2. С. 13–56. URL: https://slovene.ru/2017_2_Plungian_Urmanchieva.pdf (дата обращения: 20.07.2024).
14. Горбова Е. В. Результативность, экспириенциальность, инклюзивность, иммедиадность: чем определяется значение перфекта? // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12, № 2. С. 39–66. URL: https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XII_2.pdf (дата обращения: 20.07.2024).
15. Ахмадиева З. А. Прошлое в будущем // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13, № 3. С. 554–558. EDN: KZAWTX

REFERENCES

1. Kaksin A.D. Expression of an Evidentiality in Northern Dialects Khanty Language: Main Connotations and Forms. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*. 2016;(1):291–293. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://amnko.ru/index.php/russian/journals/> (accessed 20.07.2024).

2. Kozintseva N.A. [Category of Evidentiality (Problems of Typological Analysis)]. *Topics in the Study of Language*. 1994;(3):92–104. (In Russ.) Available at: <https://vja.ruslang.ru/archive/1994-3/92-104> (accessed 20.07.2024).
3. Saraheimo M., Kubitsch R. Discourse-Interactional Functions of Udmurt *Val* and *Vylem*. *Linguistica Uralica*. 2023;59(2):130–153. <https://doi.org/10.3176/lu.2023.2.04>
4. DeLancey S. Mirativity: The Grammatical Marking of Unexpected Information. *Linguistic Typology*. 1997;1(1):33–52. <https://doi.org/10.1515/lity.1997.1.1.33>
5. Kaksin A.D. Means of Expressing an Evidentiality and Mirative in a Context of a Discourse Research. *Communication Studies*. 2014;(1):252–259. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.com-studies.org/ru/issues> (accessed 20.07.2024).
6. Serdobolskaya N.V. [Verbal Plurality and Aspect in the Besermyan Dialect of the Udmurt Language: Plurality of Plurality Indicators]. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2012;8(2):735–785. (In Russ.) Available at: <https://alp.iling.spb.ru/issues/viii2.ru.html> (accessed 20.07.2024).
7. Karpova L.L. Implementation of the Category of the Tense of the Verb in the Northern Dialects of the Udmurt Language. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2020;14(2):199–213. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-2-199-213>
8. Plungian V.A. [Towards the Typology of the Perfect in the Languages of the World: Preface]. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2016;12(2):7–36. (In Russ.) Available at: <https://alp.iling.spb.ru/issues.ru.html> (accessed 20.07.2024).
9. Golosov F.V., Kozlov A.A. [Observer in the Past Time System of the Mountain Mari Language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2018;14(2):154–194. (In Russ.) Available at: <https://alp.iling.spb.ru/issues/xiv2.ru.html> (accessed 20.07.2024).
10. Saraheimo M. The Finite Remote past Tense in Udmurt: From Temporal to Modal and Pragmatic Functions. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2022;(67):161–203. <https://doi.org/10.33339/fuf.113825>
11. Cypanov Je. K voprosu o faktorach, opredel'jajushčich upotreblenie I i II prošedšich vremen v komi jazyke. *Linguistica Uralica*. 2002;38(3):165–175. (In Slovak) <https://doi.org/10.3176/lu.2002.3.02>
12. Urmanchieva A.Yu. [“Antipodes” of the Perfect in Samoyed Languages: Nenets Past Tense]. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2016;12(2):475–533. (In Russ.) Available at: <https://alp.iling.spb.ru/issues.ru.html> (accessed 20.07.2024).
13. Plungian V.A., Urmanchieva A.Yu. The Perfect in Old Church Slavonic: Was It Resultative? *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2017;(2):13–56. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://slovene.ru/2017_2_Plungian_Urmanchieva.pdf (accessed 20.07.2024).
14. Gorbova E.V. [Effectiveness, Experimentality, Inclusiveness, Immediacy: What Determines the Meaning of the Perfect?]. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2016;12(2):39–66. (In Russ.) Available at: https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XII_2.pdf (accessed 20.07.2024).
15. Akhmadieva Z.A. [The Past in the Future]. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*. 2008;13(3):554–558. (In Russ.) EDN: **KZAWTX**

Информация об авторе:

Ефимов Кирилл Сергеевич, аспирант кафедры общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета (426034, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2220-2706>, SPIN-код: **9550-3913**, kirill_udm@vk.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 05.08.2024; одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

Information about the author:

Kirill S. Efimov, Postgraduate Student of the Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (1 University St., Izhevsk 426034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2220-2706>, SPIN-code: **9550-3913**, kirill_udm@vk.com

Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 05.08.2024; revised 23.09.2024; accepted 30.09.2024.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL STUDIES

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.431-443>

EDN: <https://elibrary.ru/lchzvb>

УДК / UDC 314.9(=511.1)

ISSN 2076-2577

eISSN 2541-982X

<https://csfu.mrsu.ru>

Оригинальная статья / Original article

Этнодемографические процессы у удмуртов Кировской области в советский период

Н. В. Чернышева

Институт демографических исследований

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,

г. Москва, Российская Федерация

✉ natich84@mail.ru

Аннотация

Введение. Исторически российское общество складывалось как многонациональное, и сегодня его состав претерпевает изменения, которые во многом обусловлены ассимиляционными процессами. В этом ключе актуальной, но малоизученной является этнодемографическая тематика. Длительный период времени в СССР демографические сведения были засекречены, а позднее выяснилось, что существующие источники содержат в себе информацию об этнодемографических процессах лишь за отдельные годы, а учет велся неполный. В связи с этим исследователям необходимо привлекать дополнительные источники информации, междисциплинарные исследования, которые отчасти восполнят имеющиеся статистические пробелы. Цель исследования – проанализировать демографические процессы у удмуртов Кировской области с момента ее образования до распада СССР.

Материалы и методы. Материалом анализа послужили сведения всесоюзных переписей населения 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг., а также Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг., данные текущего учета естественного движения населения. В процессе работы применялись различные методы исследования: общенаучные на основе анализа, систематизации и обобщения позволили определить основные демографические изменения у удмуртов; специальные исторические методы, в частности историко-сравнительный, применялись для соотношения тенденций воспроизводства удмуртов и населения региона в целом; с помощью историко-генетического метода определялись этнодемографические тенденции; историко-системный использовался при анализе характеристик процессов воспроизводства.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования были определены основные этнодемографические характеристики удмуртов Кировской области в советский период. Установлено, что демографические изменения происходили в русле общероссийских и региональных тенденций, в то же время для удмуртов были характерны специфические черты в процессах воспроизводства и ассимиляции населения.

Заключение. К моменту образования Кировской области численность и удельный вес удмуртов в составе региона значительно уменьшились, что явилось следствием прежде всего административно-территориальных преобразований. В целом за советский период численность удмуртского населения региона несколько сократилась, но удельный вес незначительно возрос, что определялось завершением демографического перехода, ассимиляционными процессами, активной миграцией в города. Постепенно меняется состав удмуртской семьи, все больше заключается этнически неоднородных браков. Данные процессы способствовали изменению демографической ситуации.

Ключевые слова: СССР, Кировская область, переписи населения, этнодемографические процессы, удмурты

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01604 (<https://rscf.ru/project/23-28-01604/>) в Удмуртском государственном аграрном университете.

© Чернышева Н. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чернышева Н. В. Этнодемографические процессы у удмуртов Кировской области в советский период // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 4. С. 431–443. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.431-443>

Ethnodemographic Processes among the Udmurts of the Kirov Region during the Soviet Period

N. V. Chernysheva

Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
✉ natiche84@mail.ru

Abstract

Introduction. Historically, Russian society has developed as a multiethnic one, and today its composition is undergoing changes largely driven by assimilation processes. In this context, the topic of ethnodemography is relevant yet underexplored. For a long time in the USSR, demographic data were classified, and later it was revealed that existing sources contain information on ethnodemographic processes only for certain years, with incomplete records. Therefore, researchers need to utilize additional information sources and interdisciplinary studies, which may help fill existing statistical gaps. The aim of this study is to analyze demographic processes among the Udmurts of the Kirov region from its formation until the collapse of the USSR.

Materials and Methods. The analysis was based on data from the All-Union Population Censuses of 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, and 1989, as well as from the All-Russian Population Censuses of 2002, 2010, and 2020, along with data from the ongoing registration of natural population movement. Various research methods were employed during the study. General scientific methods of analysis, systematization, and synthesis allowed for the identification of major demographic changes among the Udmurts. Special historical methods, in particular the historical-comparative method, were used to correlate reproduction trends among the Udmurts and the regional population as a whole. The historical-genetic method helped define ethno-demographic trends, while the historical-systemic method was used in analyzing the characteristics of reproduction processes.

Results and Discussion. In the course of the research, the main ethnodemographic characteristics of the Udmurt people in the Kirov region during the Soviet period were identified. It was found that demographic changes followed all-Russian and regional trends; however, the Udmurts exhibited specific features in population reproduction and assimilation processes.

Conclusion. By the time the Kirov Region was established, the number and proportion of Udmurts within the region had significantly decreased, primarily due to administrative and territorial reforms. Overall, during the Soviet period, the Udmurt population in the region somewhat declined in absolute terms, though its proportion slightly increased. This was influenced by the completion of the demographic transition, assimilation processes, and active migration to urban areas. The composition of Udmurt families has gradually shifted, with an increasing number of ethnically mixed marriages. These processes contributed to changes in the demographic situation.

Keywords: USSR, Kirov region, population census, ethnodemographic processes, Udmurts

Funding: The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01604, available at <https://rscf.ru/project/23-28-01604/>, at the Udmurt State Agrarian University.

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Chernysheva N.V. Ethnodemographic Processes among the Udmurts of the Kirov Region during the Soviet Period. *Finno-Ugric World*. 2024;16(4):431–443. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.431-443>

Введение

Современная Кировская область – этнически неоднородна, и это многообразие во многом делает регион привлекательным с точки зрения этнографических, демографических, исторических исследований, однако этнодемографическая сторона слабо изучена в научных трудах. В период СССР произошли существенные административно-территориальные изменения преимущественно на территории, где проживало удмуртское население, однако регион оставался многонациональным по своему составу, а удмурты – одним из автохтонных народов, численность и удельный вес которого в составе Кировской

области начал сокращаться в постсоветский период¹. Тенденция к снижению численности удмуртов наблюдалась по стране в целом [1]. Обозначенные выше тезисы определили цель исследования, направленную на анализ демографических процессов у удмуртов Вятского региона с момента его образования и до распада Советского Союза.

Обзор литературы

Этнодемографическое исследование основано на использовании историко-демографических трудов, в которых затронуты этнические сюжеты, определены тенденции демографического развития страны в целом, ее отдельных республик и их территориальных единиц. В исследованиях А. А. Исупова², В. И. Козлова³, В. Б. Жиромской⁴, С. А. Кропачева⁵ [2; 3] отражены демографические и этнодемографические аспекты, позволяющие определить особенности процессов воспроизводства населения у отдельных народов СССР. Авторы опираются на сведения переписей населения, а также учет текущей статистики. Привлекались также этнографические работы, затрагивающие финно-угорскую тематику и удмуртов в частности. В них содержится информация о численности, расселении, этнодемографических тенденциях населения. Исследование И. Ю. Трушковой посвящено национальным меньшинствам Приуралья, она рассматривает вопросы их культурной и исторической адаптации, взаимодействия с другими народами региона. Однако демографическая составляющая представлена лишь в контексте общей демографической ситуации⁶. В статье С. Б. Волковой затронуты вопросы жизни и быта удмуртской деревни в период 1920-х гг., а материалы анкетирования дают сведения об отношении к браку и семье в условиях становления советского общества⁷. Этнодемографические характеристики удмуртов в разные исторические периоды представлены в трудах С. Н. Уварова, А. И. Ажигуловой, Н. В. Чернышевой [4–6]. В научной публикации Ф. Г. Сафина, Э. А. Мухтасароваой и А. И. Халиулиной рассмотрены вопросы этнодемографического и этноязыкового развития финно-угорских народов Урало-Поволжья [1]. Следующая группа работ – исследования по истории Вятского региона (Л. Д. Макаров, М. В. Гришкина, Т. Е. Ложкина)⁸ [7], где содержатся сведения о процессе колонизации Приуралья, народах, проживавших на его территории, укладе жизни, семейных традициях, а также об административно-территориальных изменениях, повлиявших на этническую картину региона.

Материалы и методы

В ходе подготовки публикации использовались сведения Всесоюзных 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. и Всероссийских 2002, 2010 и 2020 гг. переписей населения, материалы текущего учета (естественное движение населения). Применялись

¹ Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=49 (дата обращения: 06.04.2024); Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etcn_10.php?reg=52 (дата обращения: 06.04.2024); Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 06.04.2024).

² Исупов А. А. Национальный состав СССР (по итогам переписи 1959 г.) / Под ред. П. Г. Подъячих. М. : Статистика, 1964. 60 с.

³ Козлов В. И. Национальности СССР (этнодемографический обзор). М. : Статистика, 1975. 263 с.

⁴ Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М. : РОССПЭН, 2001. 277 с.

⁵ Кропачев С. А. Этнос в России по Всесоюзной переписи населения 1926 г. / Отв. ред. В. Б. Жиромская. М. : Директ-Медиа, 2022. 132 с.

⁶ Трушкова И. Ю. Национальные меньшинства в Приуралья в XIX – начале XXI вв.: вопросы истории и культурной адаптации. Киров : Аверс, 2014. 396 с.

⁷ Волкова С. Б. Жизнь удмуртской деревни (по материалам анкет Вятского научно-исследовательского института краеведения 1924–1927 гг.) // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Глазов, 2013. С. 122–124. EDN: RHCDEV

⁸ Макаров Л. Д. Начало русской колонизации Вятского края // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров : Киров. гос. пед. ин-т, 1989. С. 13–14; Гришкина М. В. Удмурты. Этюды из истории IX–XIX вв. Ижевск : Удмуртия, 1994. 168 с.

опубликованные (статистические сборники, демографические данные⁹) и неопубликованные материалы Российского государственного архива экономики (Ф-1562. Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР), Центрального государственного архива Кировской области (Ф. Р-2344. Кировское областное статистическое управление). На их основе проанализированы динамика численности, изменение состава удмуртского населения, установлены показатели воспроизводства у удмуртов, расчетным путем определены демографические коэффициенты.

Использовались общенаучные (анализ, обобщение, систематизация), специальные исторические (историко-сравнительный, историко-генетический, историко-системный), а также статистические методы, применяемые в демографии (расчет демографических показателей, метод средних величин). С их помощью удалось определить тенденции этнодемографического развития удмуртов в изучаемый период.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде чем затронуть основные результаты исследования, необходимо остановиться на изменениях административно-территориального устройства региона, так как они непосредственным образом отразились на его этническом составе. В первые годы Советской власти началось реформирование старого административно-территориального устройства страны. Данный «период отличался неустойчивостью административно-территориального деления внутри Вятской губернии и изменениями ее внешних границ» [7, с. 176]. В ноябре 1920 г. из 4-х уездов Вятской губернии (Глазовского, Малмыжского, Сарапульского и Елабужского) Декретом ВЦИК и СНК РСФСР была образована Вотская автономная область. В 1929–1934 гг. она входила в состав Нижегородского (с 1932 г. – Горьковского) края; 1 декабря 1932 г. Постановлением ВЦИК РСФСР переименована в Удмуртскую АО, которая в 1934–1936 гг. включена в состав Кировской края, будучи переименованной в Удмуртскую АССР. В 1936 г. Удмуртская АССР была выделена из состава Кировского края, так была образована Кировская область. В 1937 и 1939 гг. в состав Удмуртской АССР передано еще 5 районов Кировской области (Воткинский, Сарапульский, Каракулинский, Киясовский и Кизнерский районы).

Вплоть до конца 1930-х гг. изменения административно-территориального устройства касались районов наибольшего проживания в регионе удмуртского населения. На территории региона автохтонным населением считаются русские, удмурты, татары, мари, коми – в этом заключается его специфика [7]¹⁰. Таким образом, наиболее «устойчивым» с точки зрения изучения этнодемографических процессов у удмуртов является период с момента образования Кировской области и до сегодняшнего дня.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала на территории СССР около 200 этнических единиц (принадлежность к народу записывалась непосредственно со слов переписываемого) [2; 3]. В 1930 гг. этническая картина в стране меняется под воздействием массовых миграций, насильственных переселений народов, изменения положения женщин и иных причин [2, с. 109–110]. В Вятской губернии насчитывалось 38 559 вотяков, или 1,7 % населения¹¹. В Вотской АО – 395 607 чел., или 52,3 %¹².

Удмурты относились к национальностям (наряду с марицами, чеченцами, бурятами), чья доля горожан была очень низкой (среди всех удмуртов – 1,2 %) ¹³. У удмуртов сохранялось преобладание этнически однородных браков преимущественно в сельской

⁹ Институт демографии НИУ ВШЭ им. А. Г. Вишневого [Электронный ресурс]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01023/index.php> (дата обращения: 20.04.2024).

¹⁰ Трушкова И. Ю. Национальные меньшинства в Приуралье в XIX – начале XXI вв.: вопросы истории и культурной адаптации. С. 259.

¹¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Национальный состав населения по регионам [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=552 (дата обращения: 20.04.2024).

¹² Всесоюзная перепись населения 1926 г. РСФСР и ее регионы. Населенные места. Наличное городское и сельское население [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_26.php?reg=227 (дата обращения: 20.04.2024).

¹³ Козлов В. И. Национальности СССР (этнодемографический обзор). С. 84.

местности. По сведениям В. И. Козлова, в 1926 г. 96,3 % сельских удмуртов состояли в этнически однородном браке. В городах ситуация была иной: мужчины-удмурты заключали брачные союзы преимущественно с русскими женщинами (59,6 %), и лишь треть из них – с удмуртками (35,2 %) ¹⁴.

В 1937 г. в Кировской области проживало 41 064 удмуртов, их удельный вес составлял 1,7 % ¹⁵. Столь значительное сокращение количества и доли удмуртов в составе населения региона обусловлено разными причинами, но в наибольшей степени – административно-территориальными преобразованиями.

В период с 1939 по 1989 г. численность удмуртов Кировской области несколько сократилась, но их удельный вес увеличился (табл. 1). Их доля колебалась в пределах от 1,07 % до 1,36 %.

В изучаемый период среди удмуртского населения региона зафиксирована половая диспропорция, которая достигла своего максимума в период с 1939 по 1959 г. Данная тенденция была характерна для населения всей страны и являлась результатом демографических потерь, вызванных Великой Отечественной войной (рис. 1). Дисбаланс среди полов в данный период был характерен и для удмуртов, проживающих на территории Удмуртской АССР [5].

Таблица 1. Численность и удельный вес удмуртского населения Кировской области по данным переписей населения в 1939–1989 гг.

Table 1. The number and proportion of the Udmurt population of the Kirov region according to the population censuses of 1939–1989

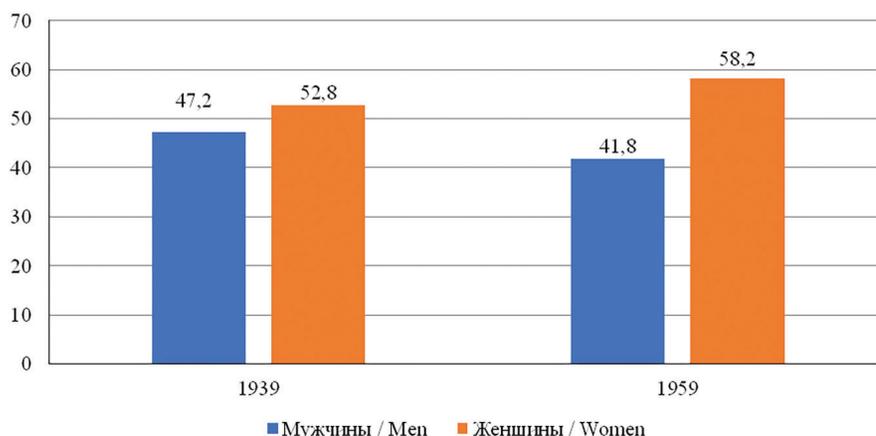
Категории / Categories	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Всего, тыс. чел. / Total, thousand people	2 226 193	1 916 493	1 727 348	1 666 923	1 694 008
Удмурты, тыс. чел. / Udmurts, thousand people	23 845	22 201	22 705	22 187	22 955
Удельный вес удмуртов, % / Proportion of Udmurts, %	1,07	1,15	1,31	1,33	1,36

Источник: Распределение городского и сельского населения регионов РСФСР по национальности и полу [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php?reg=31&gor=3&Submit=OK (дата обращения: 06.04.2024); Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=35 (дата обращения: 06.04.2024); Всесоюзная перепись населения 1970 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=26 (дата обращения: 06.04.2024); Всесоюзная перепись населения 1979 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=26 (дата обращения: 06.04.2024); Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=33 (дата обращения: 06.04.2024).

Source: [Distribution of urban and rural population of the regions of the RSFSR by nationality and gender]. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php?reg=31&gor=3&Submit=OK (accessed 06.04.2024); [All-Union Population Census of 1959. National composition of the population by regions of Russia]. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=35 (accessed 06.04.2024); [All-Union Population Census of 1970. National composition of the population by regions of Russia]. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=26 (accessed 06.04.2024); [All-Union Population Census of 1979. National composition of the population by regions of Russia]. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=26 (accesses 06.04.2024); [All-Union Population Census of 1989. Distribution of urban and rural population of regions and territories of the RSFSR by gender and nationality]. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=33 (accessed 06.04.2024).

¹⁴ Козлов В. И. Национальности СССР (этнодемографический обзор).

¹⁵ Всероссийская перепись населения 1937 года: Общие итоги : сборник документов и материалов. М. : РОССПЭН, 2007. С. 30.

Р и с. 1. Распределение удмуртов Кировской области по полу (по данным Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг.), %*

F i g. 1. Distribution of Udmurts in the Kirov region by gender (according to the All-Union population censuses of 1939 and 1959), %*

Источник: Распределение городского и сельского населения регионов РСФСР по национальности и полу [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php?reg=31&gor=3&Submit=OK (дата обращения: 06.04.2024); Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 300. Л. 9.

Source: Distribution of urban and rural population of the regions of the RSFSR by nationality and gender. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php?reg=31&gor=3&Submit=OK (accessed 06.04.2024); [Russian State Archive of Economics (hereinafter referred to as RGAE). F. 1562. Op. 336. D. 300. L. 9].

К 1970 г. удельный вес мужчин-удмуртов несколько увеличился, а рост мужского населения, хоть и незначительный (максимум 0,7 %), сохранялся в последующие десятилетия¹⁶.

Для удмуртов, так же как и для всего населения региона, была характерна постепенная миграция в города. В изучаемый период удельный вес удмуртов, проживающих в городской местности Кировской области, увеличился с 6,8 до 49,8 % (рис. 2). Особенно интенсивно данные процессы протекали в межпереписной период 1939–1959 гг., увеличив удельный вес удмуртского населения в городах в 3 раза, однако доля удмуртов-горожан оставалась значительно меньшей, чем доля городского населения региона в целом: 18,1 и 36,8 % соответственно¹⁷. В последующий межпереписной период доля городских удмуртов увеличилась еще на 13,6 %, но по-прежнему оставалась меньше, чем по региону в целом.

¹⁶ Всесоюзная перепись населения 1970 г. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php?reg=33 (дата обращения: 06.04.2024); Всесоюзная перепись населения 1979 г. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности Кировской области [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=33 (дата обращения: 06.04.2024); Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности. Кировская область [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=33 (дата обращения: 06.04.2024).

¹⁷ Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=35 (дата обращения: 06.04.2024); Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 г. по республикам, краям и областям РСФСР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (дата обращения: 06.04.2024).

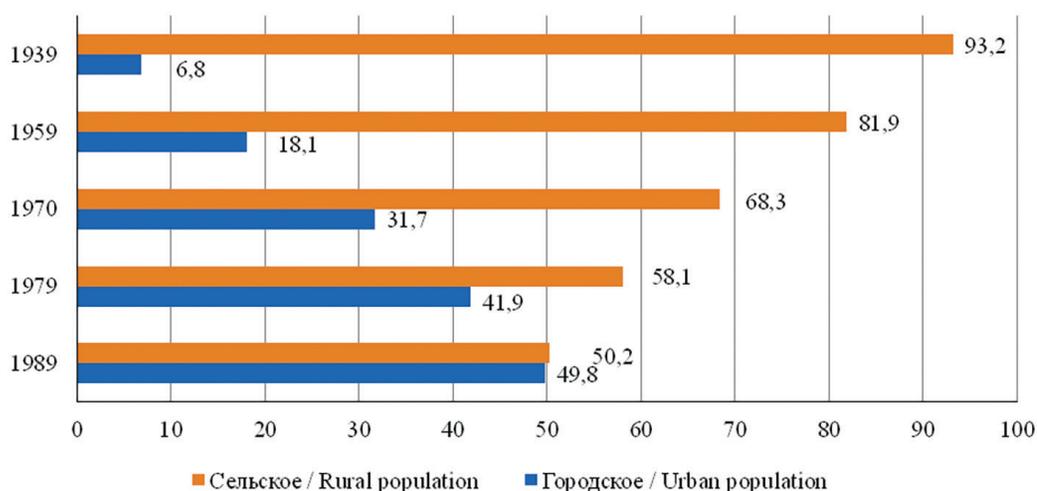

Рис. 2. Распределение удмуртов по типу населения (по данным Всесоюзных переписей населения), %*
 Fig. 2. Distribution of Udmurts by settlement type (according to All-Union population censuses), %*

Источник: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение городского и сельского населения регионов РСФСР по национальности и полу. Киров область [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php?reg=31&gor=3&Submit=OK (дата обращения: 08.04.2024); Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=33 (дата обращения: 08.04.2024); Всесоюзная перепись населения 1970 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php?reg=33 (дата обращения: 08.04.2024); Всесоюзная перепись населения 1979 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности Кировской области [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=33 (дата обращения: 08.04.2024); Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности. Кировская область [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=33 (дата обращения: 08.04.2024).

Source: All-Union Population Census of 1939. Distribution of Urban and Rural Population of the Regions of the RSFSR by Nationality and Gender. Kirov Oblast. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php?reg=31&gor=3&Submit=OK (accessed 08.04.2024); [All-Union Population Census of 1959. Urban and Rural Population of the Regions and Territories of the RSFSR by Gender and Nationality]. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=33 (accessed 08.04.2024); [All-Union Population Census of 1970. Urban and Rural Population of the Regions and Territories of the RSFSR by Gender and Nationality]. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php?reg=33 (accessed 08.04.2024); [All-Union Population Census of 1979. Urban and rural population of the regions and territories of the RSFSR by sex and nationality of the Kirov Region]. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=33 (accessed 08.04.2024); [All-Union Population Census of 1989. Distribution of urban and rural population of the regions and territories of the RSFSR by sex and nationality. Kirov Region]. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=33 (accessed 08.04.2024).

Во второй половине XX в. заметным фактором демографических изменений у удмуртов Кировской области становится ассимиляция. В смешанных браках детей, как правило, относили к русским¹⁸. Русский язык был важнейшим фактором ассимиляционных процессов среди народов, где доля владеющих им велика. Данные переписей населения

¹⁸ Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. Р-2344. Оп. 75. Д. 41. Л. 11.

подтверждают эту тенденции. В 1939 г. среди удмуртов Кировской области абсолютное большинство в качестве родного языка использовали язык своей национальности – 97,1 %; через 20 лет таких насчитывалось уже 85,6 %; в 1970-е гг. – 72–77 %, на закате советского периода – 62,5 %¹⁹. В то же время удельный вес удмуртов, определяющих русский в качестве основного языка, нарастал и в период с 1939 по 1989 г. (увеличился с 2,8 до 37,4 %²⁰).

В советский период статистические органы вели форму учета № 3 «Сведения о родившихся и умерших в _____ году по национальностям», знакомство с которой и периодичность ее ведения позволяют утверждать, что сведения об этнодемографических процессах у удмуртов в регионе заполнялись лишь в 1938–1939 и 1958–1959 гг. Далее, в соответствии с «Инструктивными указаниями», удмурты «выпали» из обязательной статистики. В послевоенный период форма № 3 несколько видоизменилась и не предусматривала заполнение сведений о браках и разводах, но в ней стали указывать в числе родившихся тех детей, у которых национальность отца и матери отличалась (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Сведения о воспроизводстве населения Кировской области в 1938–1939 и 1958–1959 гг. (общерегиональные и среди удмуртов), чел.*

Table 2. Information on population reproduction in the Kirov region in 1938–1939 and 1958–1959 (overall and among the Udmurts), persons*

Национальность / Nationality	Родивших (без мерт- ворожден- ных) / Births (excluding stillbirths)	Умерших / Deceased	В том чис- ле детей до года / Including children under one year old	Вступив- ших в брак / Married individuals	Разведенных / Divorced
1938 г.					
Всего / Total	87 547	58 147	21 235	29 468	2 042
Удмурты / Udmurts	1 600	1 262	476	167	3
В городской местности / In urban areas	62	25	12	17	0
В сельской местности / In rural areas	1 538	1 237	464	150	3
1939 г.					
Всего / Total	87 124	50 141	18 191	24 494	1 896
Удмурты / Udmurts	1 302	769	366	91	1
В городской местности / In urban areas	63	47	18	23	0
В сельской местности / In rural areas	1 239	722	348	68	1

¹⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 300. Л. 9; ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 44. Д. 974. Л. 1; Оп. 45. Д. 178. Л. 6; Оп. 75. Д. 49. Л. 111; Д. 179. Л. 26.

²⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 300. Л. 9; ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 44. Д. 974. Л. 1; Оп. 45. Д. 178. Л. 6; Оп. 75. Д. 49. Л. 111; Д. 179. Л. 26.

1958 г.					
Всего / Total	48 673 / 1 503***	16 804	2 240	**	**
Удмурты / Udmurts	702 / 59***	196	44	**	**
В городской местности / In urban areas	97 / 19***	21	5	**	**
В сельской местности / In rural areas	605 / 40***	175	39	**	**
1959 г.					
Всего / Total	47 104 / 1 425***	17 972	2 339	**	**
Удмурты / Udmurts	770 / 86***	194	42	**	**
В городской местности / In urban areas	127 / 35***	21	1	**	**
В сельской местности / In rural areas	643 / 51***	173	41	**	**

Примечание: **сведения в Форме № 3 не велись; ***в том числе отец другой национальности.

Note: **the information in Form No. 3 was not recorded; ***including the father of a different nationality..

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 124. Л. 33–35; Д. 152. Л. 38–39, 41; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1958_nac.php?year= (дата обращения: 08.04.2024); Чернышева Н. В., Ажигулова А. И., Уваров С. Н. Этнодемографические процессы у удмуртов во второй половине 1930-х – 1950-х годах // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 93, 95. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21828>

Source: the RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 124. L. 33–35; D. 152. L. 38–39, 41; Natural movement of the population of the regions of the RSFSR by nationality, 1958–1968. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1958_nac.php?year= (accessed 08.04.2024); Chernysheva N.V., Azhigulova A.I., Uvarov S.N. Ethnodemographic Processes among the Udmurts from the Mid-1930s through the 1950s // Demographic Review. 2024. Vol. 11, issue 2. P. 93; 95. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21828>

В 1938–1939 гг. наметилась тенденция к снижению показателей воспроизводства населения, что обусловлено ухудшением международной обстановки и внутривосточной ситуации. Но это воздействие не будет столь существенным, как у населения региона в целом, а естественный прирост увеличится с 388 чел. в 1938 г. до 533 чел. в 1939 г. Однако причины, способствовавшие изменению воспроизводства у удмуртов, наметились еще в 1920-е гг. и были обусловлены революционными изменениями. Так, материалы анкетирования национальных меньшинств, в частности удмуртов, которое было проведено Вятским научно-исследовательским институтом в 1924–1927 гг., позволяют говорить о наличии изменений в брачно-семейных отношениях (отказ от традиций предков, религиозного брака, снижение авторитета родителей и ценностей старшего поколения у молодежи)²¹. У удмуртов постепенно складывались предпосылки для изменения типа рождаемости, но данный процесс был прерван коллективизацией и голодом начала 1930-х гг., а затем Великой Отечественной войной.

²¹ Волкова С. Б. Жизнь удмуртской деревни (по материалам анкет Вятского научно-исследовательского института краеведения 1924–1927 гг.) // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Глазов, 2013. С. 122–124. EDN: RHCDEV

В 1958–1959 гг. количественные показатели воспроизводства удмуртского населения сократились по сравнению с предвоенным периодом, что является следствием Великой Отечественной войны. В 1959 г. рождаемость у удмуртов была выше, чем в 1958 г., а по региону в целом она существенно сократилась. В городах больше детей рождалось в межэтническом союзе, ассимиляционные процессы шли интенсивнее: в 1958 г. родилось 97 младенцев, удмуртов по национальности, у 19 из них отец был другой национальности; в 1959 г. – 127, у 35 – отец другой национальности. В сельской местности по-прежнему преобладали этнически однородные семьи.

Исходя из имеющихся данных, представим полученные расчетным путем демографические коэффициенты (табл. 3).

Показатели воспроизводства у удмуртов в 1939 г. были значительно выше, чем по региону в целом. Уровень рождаемости в 1939 г. был очень высоким, как и уровень смертности, главным образом за счет сверхвысоких показателей младенческой смертности. За межпереписной период (1939–1959 гг.) показатели воспроизводства у удмуртов сократились: рождаемость снизилась с 54,6 до 34,7 ‰, фактически достигнув уровня рождаемости по региону в целом в предвоенные годы; смертность сократилась в 3,7 раза, а младенческая смертность – в 4,6 раза.

Показатели детности среди удмуртов СССР в 1959 и 1970 гг. свидетельствуют о переходе удмуртов к простому воспроизводству населения (табл. 4).

Т а б л и ц а 3. Основные показатели воспроизводства населения Кировской области в 1939 и 1959 г. (общерегиональные и среди удмуртов), ‰*

T a b l e 3. Main indicators of population reproduction in the Kirov region in 1939 and 1959 (regional and among Udmurts), ‰*

Национальность / Nationality	Рождаемость / Birth rate	Смертность / Mortality	Младенческая смертность / Infant mortality
1939 г.			
Всего / Total	39,1	22,5	208,5
Удмурты / Udmurts	54,6	32,2	261,2
1959 г.			
Всего / Total	24,6	9,3	49,1
Удмурты / Udmurts	34,7	8,7	56,2

Источник: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение городского и сельского населения регионов РСФСР по национальности и полу [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php?reg=36&gor=3&Submit=OK (дата обращения: 08.04.2024); Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 года по республикам, краям и областям РСФСР [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (дата обращения: 08.04.2024); Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1958_nac.php?year=1958 (дата обращения: 08.04.2024); РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 152. Л. 38.

Source: [All-Union Population Census of 1939. Distribution of Urban and Rural Population of the Regions of the RSFSR by Nationality and Gender]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php?reg=36&gor=3&Submit=OK (accesses 08.04.2024); [All-Union Population Census of 1959. The Number of Actual Population of Cities and Other Settlements, Districts, District Centers, and Large Rural Population Places as of January 15, 1959, by Republics, Territories, and Regions of the RSFSR]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (accessed 08.04.2024); [Natural Movement of Population of the Regions of the RSFSR by Nationality, 1958–1968]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1958_nac.php?year=1958 (accessed 08.04.2024); [RGAE. F-1562. Op. 20. D. 152. L. 38].

Т а б л и ц а 4. Показатели детности у удмуртов в 1959 г. и 1970 г. (сведения по СССР)
 Table 4. Childhood rates among Udmurts in 1959 and 1970 (Information about the USSR)

Число детей в возрасте 0–9 лет на 1000 женщин 20–49 лет в 1959 г. / Number of children aged 0–9 years per 1000 women aged 20–49 years in 1959			Число детей в возрасте 0–9 лет на 1000 населения 20–49 лет / Number of children aged 0–9 years per 1000 population aged 20–49 years	
Всего / Total	Городское / Urban population	Сельское / Rural population	1959 г.	1970 г.**
1 131	835	1 207	678	638

Примечание: **число детей в возрасте 0–10 лет.

Note: **number of children aged 0–10 years.

Источник: Козлов В. И. Национальности СССР (этнодемографический обзор). М.: Статистика, 1975. С. 180.

Source: Kozlov V. I. [Nationalities of the USSR (ethnodemographic review)]. Moscow, 1975. P. 180.

Всесоюзная перепись населения 1979 г. позволяет проанализировать состав семей по национальности. Тогда в Кировской области насчитывалось 443 935 семей с преобладанием тех, в составе которых двое и трое детей. Средний размер семьи в регионе составлял 3,2; в том числе у русских – 3,2; татар – 3,5; марийцев – 3,9; удмуртов – 3,5²².

Удмуртских семей насчитывалось 3 806, численность совместно проживающих членов семьи – 13 496 чел. По количеству членов семьи удмурты распределялись следующим образом (табл. 5). У удмуртских семей, проживавших в городах средний размер семьи составлял 3,3; в сельской местности – 3,7.

Т а б л и ц а 5. Распределение удмуртских семей Кировской области по количеству членов (сведения Всесоюзной переписи населения 1979 г.)

Table 5. Distribution of Udmurt families in the Kirov region by number of members (data from the All-Union population census of 1979)

Количество членов семьи / Number of family members	Количество семей / Number of families	%
2	1 129	29,70
3	939	24,70
4	865	22,70
5	498	13,10
6	229	6,00
7	92	2,40
8	38	1,00
9	14	0,35
10 и более	2	0,05

Источник: ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 75. Д. 184. Л. 48.

Source: [CGAKO. F. R-2344. Op. 75. D. 184. L. 48].

²² ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 75. Д. 184. Л. 48.

Выявленные в последующей переписи населения 1989 г. сведения не позволяют определить состав удмуртской семьи региона.

Заключение

Анализ статистических источников позволяет говорить о наличии определенных пробелов в этнодемографической статистике (сведения не велись либо не заполнялись). Данные проблемы лишь отчасти могут быть восполнены иными источниками информации, которые способны дать некоторые представления об этнодемографических процессах (численность и состав семьи, взаимоотношение полов, положение женщины и т. д.).

В результате административно-территориальных преобразований в 1930-е гг. этническая картина в Вятском регионе изменилась. Численность и удельный вес удмуртов Кировской области существенно сократились. В дальнейшем удельный вес удмуртов незначительно увеличился, несмотря на сокращение численности удмуртского населения региона. Данные тенденции определялись, с одной стороны, завершением демографического перехода и ассимиляционными процессами у удмуртов, активной миграцией в города; с другой – более значимыми демографическими изменениями (снижением уровня смертности и рождаемости, т. е. более ранним демографическим переходом) у других народов, в первую очередь у русских.

Постепенно менялся состав удмуртской семьи, все больше заключалось этнически неоднородных браков. К концу 1970-х годов данные тенденции несли устойчивый характер.

Таким образом, в научной работе уточнены и представлены сведения о демографических процессах у удмуртов, проживавших на территории Кировской области с момента ее образования и начала 1990-х годов, определены процессы, влиявшие на изменение этнодемографической динамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сафин Ф. Г., Мухтасарова Э. А., Халиулина А. И. Этнодемографическое и этноязыковое развитие финно-угорских народов в Урало-Поволжье // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 2. С. 152–167. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167>
2. Кропачев С. А. Эволюция моделей демографического поведения этносов России в 1930-е годы // Русская старина. 2020. Т. 11, № 2. С. 109–128. <https://doi.org/10.13187/rs.2020.2.109>
3. Кропачев С. А. Демографическое развитие российских этносов в 1920-е годы // Историческая демография. 2022. № 2 (30). С. 10–22. URL: <https://clck.ru/3EQhmS> (дата обращения: 03.04.2024).
4. Уваров С. Н. Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1930-е гг. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 4. С. 664–677. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-4-664-677>
5. Ажигулова А. И., Чернышева Н. В., Уваров С. Н. Динамика брачного состояния удмуртов Удмуртии в 1959–1989 гг. // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 301–309. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.301-309>
6. Чернышева Н. В., Ажигулова А. И., Уваров С. Н. Этнодемографические процессы у удмуртов во второй половине 1930-х – 1950-х годах // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 86–99. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21828>
7. Ложкина Т. Е. Административно-территориальное устройство Вятского края в XVIII–XXI вв. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2–5. С. 174–180. EDN: **OWCLEB**

REFERENCES

1. Safin F.G., Mukhtasarova E.A., Khaliulina A.I. Ethno-Linguistic and Ethno-Demographic Development of Finno-Ugric Nations in the Ural-Volga Region. *Finno-Ugric World*. 2019;11(2):152–167. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167>
2. Kropachev S.A. Evolution of Models of Demographic Behavior of Russian Ethnic Groups in the 1930s]. *Russkaia starina*. 2020;11(2):109–128. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.13187/rs.2020.2.109>

3. Kropachev S.A. Demographic Development of Russian Ethnic Groups in the 1920s. *Istoricheskaya demografiya*. 2022;(2):10–22. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3EQhmS> (accessed 03.04.2024).

4. Uvarov S.N. Ethnodemographic Processes in Udmurtia in the 1930s. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2019;13(4):664–677. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-4-664-677>

5. Azhigulova A.I., Chernysheva N.V., Uvarov S.N. Dynamics of Marital Status among the Udmurts in Udmurtia from 1959 to 1989. *Finno-Ugric World*. 2023;15(3):301–309. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.301-309>

6. Chernysheva N.V., Azhigulova A.I., Uvarov S.N. Ethnodemographic Processes among the Udmurts from the Mid-1930s through the 1950s. *Demographic Review*. 2024;11(2):86–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21828>

7. Lozhkina T.E. [Administrative-Territorial Structure of the Vyatka Region in the 18th–21st Centuries]. *Vestnik Viatkogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2011;(2–5):174–180. (In Russ.) EDN: **OWCLEB**

Информация об авторе:

Чернышева Наталья Викторовна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, руководитель отдела исторической демографии Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1492-5368>, SPIN-код: **5179-4022**, natich84@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 04.09.2024; одобрена после рецензирования 13.09.2024; принята к публикации 20.09.2024.

Information about the author:

Natalia V. Chernysheva, Dr.Sci. (Hist.), Associate Professor, Chief Researcher, Head of Historical Demography Department Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, bld. 1 Fotieva St., Moscow 119333, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1492-5368>, SPIN-code: **5179-4022**, natich84@mail.ru

Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 04.09.2024; revised 13.09.2024; accepted 20.09.2024.

Оригинальная статья / Original article

Финны-ингерманландцы и кросс-культурность пригородной зоны Санкт-Петербурга

В. Л. Мартынов¹, О. А. Балабейкина², Л. А. Королёв², И. Е. Сазонова¹¹ *Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*² *Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*✉ lwowich@herzen.spb.ru

Аннотация

Введение. Кросс-культурность была и остается характерной чертой тех территорий, где взаимодействуют между собой представители различных этнокультурных групп. На Северо-Западе России наибольшего развития данный процесс достиг в Санкт-Петербурге и его пригородах. Но если кросс-культурность города так или иначе рассматривалась исследователями, то пересечение культур в пригородной зоне изучались крайне редко. Цель исследования – выявить и охарактеризовать проявление кросс-культурности в пригородной зоне Санкт-Петербурга на примере ареалов проживания финнов-ингерманландцев.

Материалы и методы. Объектом исследования выступают территории компактного расселения финнов-ингерманландцев в пределах пригородной зоны Санкт-Петербурга, где и был сосредоточен почти весь данный субэтнос. Для оценки кросс-культурности выбранного региона была разработана и применена авторская система индикаторных показателей, которые послужили проведению критериального анализа. В качестве материалов задействованы данные переписей населения, опубликованные в открытом доступе сведения официальных интернет-сайтов различных организаций (религиозных, музейных и т. д.), а также сведения, собранные в полевых условиях на основе метода включенного наблюдения.

Результаты исследования и их обсуждение. Авторами была апробирована методика критериальной оценки кросс-культурности региона на примере ареала проживания финнов-ингерманландцев в Санкт-Петербурге и некоторых районах Ленинградской области. Использованы такие индикаторы, как количественные и качественные составляющие топонимической системы, число объектов лютеранской культурной инфраструктуры, этнический состав населения в ретроспективе и современности, наличие на территории музейных экспозиций и туристских маршрутов, тематически связанных с материальной культурой финнов-ингерманландцев.

Заключение. Сделанные авторами выводы вносят вклад в развитие исследований этно-конфессиональной направленности, тематически связанных с финнами, проживавшими на территориях, прилегающих к Санкт-Петербургу. Представленная модель оценки кросс-культурности региона универсальна и может быть применена к другим объектам. Материалы статьи могут быть полезны при разработке тематических туристских маршрутов, охватывающих пригородные зоны Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: кросс-культурность, Санкт-Петербург, пригородная зона, финны-ингерманландцы, система расселения, топонимика, Евангелическо-лютеранская церковь

Финансирование: исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда (проект № 23-27-10001 «Петербургские пригороды: природа и люди»).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Финны-ингерманландцы и кросс-культурность пригородной зоны Санкт-Петербурга / В. Л. Мартынов [и др.] // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 4. С. 444–458. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.444-458>

© Мартынов В. Л., Балабейкина О. А., Королёв Л. А., Сазонова И. Е., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Finns-Ingermanlanders and Cross-Cultural Dynamics of the Suburban Area of Saint Petersburg

V. L. Martynov^{a,✉}, O. A. Balabeykina^b, L. A. Korolyov^b, I. E. Sazonova^a

^a Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation

^b Saint-Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation

✉ lwowich@ Herzen.spb.ru

Abstract

Introduction. Cross-culturality has always been and remains a defining feature of territories where representatives of various ethno-cultural groups interact. In Northwestern Russia, this process has reached its greatest development in Saint Petersburg and its suburbs. While the cross-culturality of the city has been studied to some extent by researchers, the intersection of cultures in the suburban area has been explored far less frequently. The aim of this study is to identify and characterize manifestations of cross-culturality in the suburban areas of Saint Petersburg, using the residential zones of the Finns-Ingermanlanders as a case study.

Materials and Methods. The research object is the areas of compact settlement of the Finns-Ingermanlanders within the suburban zone of Saint Petersburg, where almost the entire subethnic group was concentrated. To assess the cross-cultural characteristics of the selected region, an original system of indicative indicators was developed and applied, serving as the basis for a criterion analysis. The materials utilized include census data, publicly available information from official websites of various organizations (religious, museum-related, etc.), as well as data collected in the field through the participant observation method.

Results and Discussion. The authors tested a methodology for the criterial assessment of a region's cross-cultural characteristics, using the example of the area inhabited by the Finns-Ingermanlanders population in Saint Petersburg and certain districts of the Leningrad Region. Indicators such as the quantitative and qualitative components of the toponymic system, the number of Lutheran religious infrastructure objects, the ethnic composition of the population in historical and contemporary contexts, and the presence of museum exhibits and tourist routes thematically linked to the material culture of the Finnish-Ingrians were utilized.

Conclusion. The authors' conclusions contribute to the development of research on ethno-confessional topics related to Finns who lived in areas adjacent to St. Petersburg. The proposed model for assessing the cross-cultural nature of the region is universal and can be applied to other locations. The materials of the article may be useful in the development of thematic tourist routes covering the suburban areas of St. Petersburg.

Keywords: cross-culturalism, St. Petersburg, suburban zone, Finns-Ingermanlanders, settlement system, toponymy, Evangelical Lutheran Church

Funding: The research was carried out at the expense of a joint grant from the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation (project No. 23-27-10001 "St. Petersburg Suburbs: Nature and people").

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Martynov V.L., Balabeykina O. A., Korolyov L. A., Sazonova I.E. Finns-Ingermanlanders and Cross-Cultural Dynamics of the Suburban Area of Saint Petersburg. *Finno-Ugric World*. 2024;16(4):444–458. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.444-458>

Введение

Понятие «кросс-культурность» вошло в отечественный научный оборот через заимствование англоязычного элемента «cross», в дословном переводе означающего «крест, перекрестье, скрещение, пересечение; пересекать, перечеркивать». В первую очередь оно получило закрепление в исследованиях по философии и культурологии [1], затем было экстраполировано на другие сферы знаний¹ [3]. Результатом привлечения кросс-культурности в качестве смыслообразующего термина стали и попытки рассмотрения некоторых аспектов функционирования городских территорий через призму влияния разных культур [4]. Однако применительно к регионам (за редким исключением [5]) таких исследований не проводилось.

Между тем актуальность их для России высока, особенно для территорий Северо-Запада страны, характеризующихся сложным этно-религиозным составом и многоэтапным формированием границ по причине часто менявшейся в истории государственно-территориальной принадлежности.

Устоявшееся общепринятое определение кросс-культурности на данный момент отсутствует, хотя авторы касаются методологических принципов исследований в данной области, что открывает возможности для авторской трактовки². Применительно к комплексным исследованиям, где объектом выступают территориальные образования, кросс-культурными регионами предлагается именовать те из них, ключевые характеристики которых сформировались под влиянием разных этнических и конфессиональных культур, в результате их взаимодействия.

Одним из наиболее интересных с точки зрения кросс-культурности регионов России является Санкт-Петербург и его ближайшие окрестности. Кросс-культурность Санкт-Петербурга в дореволюционное время определялась тем, что значительную часть населения города составляли немцы и представители других западноевропейских народов. Воздействие их на развитие города часто выступало предметом изучения исследователей. В окрестностях (или пригородной зоне) Санкт-Петербурга ситуация была совершенно иной: большинство населения здесь до 40-х гг. XX в. составляли финны-ингерманландцы – потомки переселившихся сюда из Финляндии в XVII в. крестьян.

На протяжении сотен лет они были преимущественно сельскими жителями. Их культура, как и культура проживавшего в пригородах Санкт-Петербурга русского населения, была крестьянской, ушедшей вместе со своими носителями. Здесь сформировалась система «межэтнического» разделения труда: финны-ингерманландцы занимались главным образом сельским хозяйством, а русское население Ингерманландии – отхожими промыслами, ремеслом, торговлей³.

Вследствие выселения финно-ингерманландцев вглубь территории СССР в 30–40-е гг. XX в. и трансформации системы расселения «кросс-культурность» пригородной зоны значительно снизилась. В процессе урбанизации XX в. часть пригородной зоны дореволюционного Санкт-Петербурга вошла в его состав, а в той части, которая осталась в пределах Ленинградской области, на месте финно-ингерманландских и русских сел и деревень выросли города, коттеджные поселки и дачные поселения.

О положении пригородной зоны Санкт-Петербурга «на перекрестке» русской и финно-ингерманландской культур свидетельствуют топонимика, культовые сооружения и даже кладбища. Обширный материал по кросс-культурности этих территорий собран в краеведческих музеях, однако предметом изучения она становилась крайне редко.

Цель исследования – выявление основных тенденций и особенностей формирования и развития кросс-культурности финно-ингерманландского населения современной пригородной зоны Санкт-Петербурга в ретроспективе и современности.

Обзор литературы

В научной литературе существуют труды, содержащие ценные фактические сведения, необходимые для раскрытия темы исследования. Разными авторами актуализируются вопросы национальной безопасности в пределах территорий с полиэтничным составом [6; 7], приводятся и трактуются данные об этническом составе населения России по материалам переписи населения [8], предлагается и апробируется расчетный инструмент для определения этнической контактности [9; 10], подчеркивается влияние национального состава региона на его экономику [11; 12].

Некоторое количество работ посвящено непосредственно Карельскому перешейку и Ингерманландии как территориям, в пределах которых сохранились материальные свидетельства о принадлежности ее коренным народам в прошлом⁴ [13; 14] и отражении этого факта в настоящем [16; 17].

² Тоноян М. К. Литвокультурология. межкультурная коммуникация и кросс-культурная лингвистика. С. 286–287.

³ Трипольская А. А. Русские Ингерманландии: история и культура (XVIII – начало XX в.) : дис. ... канд. ист. наук. СПб. : СПбГУ, 2005. 227 с.

⁴ Российская Фенноскандия. Актуальные проблемы регионального развития / О. В. Артемьева, О. А. Балабейкина, А. Г. Бездудная [и др.]. СПб. : СПб ГЭУ, 2023. 173 с.

На данный момент в науке представлен широкий эмпирический опыт, отражающий особенности рассматриваемых территорий как особых этнокультурных зон, но при этом отсутствуют работы, связанные напрямую с оценкой кросс-культурности регионов.

Материалы и методы

Ключевым методом исследования послужил критериальный анализ, для реализации которого специально была разработана система индикаторов, призванных оценить кросс-культурность региона. Исходная информация с целью последующей обработки извлекалась из опубликованных результатов переписей населения, официальных интернет-сайтов музеев, религиозных организаций, туристических фирм и т. д. Некоторые сведения были собраны в полевых условиях в ходе включенного наблюдения. В результате получены неопубликованные ранее фотодокументы, представляющие собой отдельный источник.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде чем перейти к анализу и оценке кросскультурности на современном этапе, следует определить, насколько значительным было взаимодействие культур на исследуемых территориях. Самый простой и в то же время эффективный способ выявления масштабов такого взаимодействия – анализ трансформации этнического состава населения

Перепись населения 1926 г. выделяет финнов-ингерманландцев под необычным названием «финны ленинградские». Их численность в Ленинградской губернии (итоги переписи подводились по существовавшим до 1927 г. административным единицам) определяется в 115 тыс. чел., из которых в сельской местности проживало 108 тыс. чел.⁵ Перепись 1939 г. не разделяет финнов по субэтническим группам, их численность в Ленинградской области определяется в 107 тыс. чел.⁶ Перепись 1959 г. фиксирует 20 тыс. финнов, проживающих в Ленинградской области, без разбивки их по субэтносам⁷. Примерно таким же количество представителей рассматриваемого этноса определяется и переписью 1970 г. К 1979 г. численность финнов в Ленинградской области составляла уже 16 тыс. чел.⁸ Последняя Всесоюзная перепись населения (1989 г.) определила численность финнов в Ленинградской области в 11 тыс. чел.⁹

Всероссийская перепись населения 2002 г. учитывала отдельно финнов и финнов-ингерманландцев. Финнов в Ленинградской области на 2002 г. проживало около 8 тыс. чел., финнов-ингерманландцев – 35 чел.¹⁰ По данным переписи 2010 г., в Ленинградской области проживало примерно 4,4 тыс. финнов, из них 49 чел. – финнов-ингерманландцев¹¹. Согласно итогам переписи 2020 г., общая численность финнов в Ленинградской области составила примерно 1,4 тыс. чел., из которых 130 были финнами-ингерманландцами; 53 финна-ингерманландца относились к городскому населению, 77 – к сельскому¹². Интересно, что при сокращении общей численности финнов

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М. : Стат. изд-во ЦСУ СССР, 1928–1929. Т. 9.

⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=37 (дата обращения: 07.11.2023).

⁷ Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=41 (дата обращения: 07.11.2023).

⁸ Всесоюзная перепись населения 1979 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=8 (дата обращения: 07.11.2023).

⁹ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=9 (дата обращения: 07.11.2023).

¹⁰ Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=25 (дата обращения: 07.11.2023).

¹¹ Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etcn_10.php?reg=26 (дата обращения: 07.11.2023).

¹² Национальный состав населения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 07.11.2023).

число финнов-ингерманландцев росло, но абсолютные показатели настолько малы, что учет их изменений не имеет смысла. Можно утверждать, что финны-ингерманландцы (субэтнос, численность которого около ста лет назад существенно превышала 100 тыс. чел.) фактически исчезли.

Естественно, что в настоящее время кросс-культурный процесс прошлого трудно проследить, но столетие назад это взаимодействие шло очень активно, особенно там, где концентрировалось подавляющее большинство финно-ингерманландского населения – в пригородной зоне нынешнего Санкт-Петербурга. Как утверждает Ю. А. Ступин, «наиболее крупные очаги расселения финнов располагались в центральной части Ленинградской области, и первый из них был локализован на Карельском перешейке. В административном отношении это были Куйвозовский, Парголово и Ленинский районы. Финские поселения занимали большую часть его территории, доходя на юге до Колтушской возвышенности. <...> Всего в трех районах Карельского перешейка сосредоточивалась почти треть (31 %) финского населения ЛО. Здесь они составляли 44 % населения, а в Куйвозовском районе – почти 80 %...» [18, с. 84–85]. Куйвозовский район позднее был переименован в Токсовский, его территория была включена в состав Парголово района; в настоящее время часть бывшего Парголово района входит в состав Санкт-Петербурга, другая часть – в состав непосредственно граничащего с городом Всеволожского района Ленинградской области, в конце 20-х гг. именовавшегося Ленинским.

Второй крупный ареал финно-ингерманландского расселения, где, согласно сведениям Ю. А. Ступина [18], проживало примерно 40 % финно-ингерманландцев, располагался к югу от Финского залива между Петергофом, Красным Селом и Гатчиной. Следует отметить, что на этой территории существовал сплошной массив финно-ингерманландского населения, превосходивший по своему значению аналогичный район на Карельском перешейке. Судя по сохранившимся зданиям лютеранских храмов и памятников на финских кладбищах, финны-ингерманландцы здесь жили существенно богаче, чем к северу от Санкт-Петербурга. За пределами двух главных ареалов расселения финно-ингерманландцев, к северу и югу от тогдашнего Ленинграда, существовали относительно небольшие заселенные ими территории, но никаких следов этого народа там уже не осталось, оценить уровень кросс-культурности не представляется возможным.

Оценка кросс-культурности региона предполагает опору на систему критериев:

- актуальные топонимы финно-угорского происхождения. Сосуществование разноязычных топонимических систем – один из признаков территории, в пределах которой взаимодействуют разные культуры;
- число объектов лютеранской культово-культурной инфраструктуры, в том числе в соотношении с православной;
- этнический состав населения;
- наличие этнографических музеев и экспозиций, посвященных культуре коренных народов;
- содержание действующих экскурсионно-познавательных маршрутов, тематически базирующихся на культурном наследии коренных народов региона.

Составляющие современной топонимической системы использованы в качестве критерия оценки показателя, выбранного за основу исследования, поскольку структурные элементы этой системы признаны устойчивыми во времени трансляторами этнокультурной информации [19]. Топонимы подразделяются на несколько видов: ойконимы, гидронимы, дримонимы, оронимы, дромонимы и др., обозначая, соответственно, названия населенных пунктов, водоемов, лесных массивов, форм рельефа, путей сообщения.

Приоритет традиционно отводится ойконимической подсистеме, превосходящей другие количественно, однако, учитывая природные особенности пригородных зон Санкт-Петербурга и Ленинградской области, гидронимы имеют не меньшую важность.

Топонимия территорий, прилегающих к Санкт-Петербургу, складывалась на протяжении нескольких веков, пережив не одну этническую смену населения. В результате русскоязычные названия представлены в ее пределах наряду с прибалтийско-финскими (финскими, водскими, ижорскими) и карельскими. Многие из них подверглись полному переименованию в советский период, но существуют и те, что сохранились как в исконном варианте, так и в адаптированной для русскоязычного употребления форме. Чаще всего встречаются финско-русские топонимические пары, основанные на семантической (в результате перевода) и фонетической близости [20].

В пригородных зонах Санкт-Петербурга, образованных его муниципальными районами (Курортный) или их частями (Красносельский), ранее существовавшие отдельные поселения ликвидировались путем объединения и заняты жилой застройкой [21]. Но даже в пределах городских границ фиксируются примеры, когда названия снятых с учета населенных пунктов продолжают свидетельствовать о сложной и многоэтапной этнической истории территории. Так, в состав муниципального образования Горелово Красносельского района входит упраздненная еще в 1930-х гг. деревня Тóрики (фин. *Torikka*), которая указывается частью юридического адреса строений, расположенных на ул. Политрука Пасечника.

Для выявления степени сохранности топонимии коренных народов следует рассматривать удаленные пригородные зоны, образующие отдельную систему расселения. С этой целью перечень официальных наименований топонимической системы ранжировался на группы в зависимости от генезиса ойконимов (табл. 1).

Таблица 1. Генезис ойконимов муниципальных образований Ленинградской области, исторически заселенных финно-угорскими народами, 2023 г.

Table 1. The genesis of the oikonyms of municipalities of the Leningrad region, historically inhabited by Finno-Ugric peoples, 2023

	Всеволожский / Vsevolozhsky	Выборгский / Vyborgsky	Гатчинский / Gatchina	Ломоносовский / Lomonosovsky	Приозерский / Priozersky
Образованные на основе семантической близости с финно-угорскими (кол-во/доля от общего числа, %) / Formed on the basis of semantic proximity with Finno-Ugric (number/share of the total population, %)	5/3,1	7/4,0	5/2,0	6/4,1	6/5,8
Образованные на основе фонетической близости с финно-угорскими (кол-во/доля от общего числа, %) / Formed on the basis of phonetic proximity with Finno-Ugric (number/share of the total population, %)	82/52,8	6/3,5	133/55,6	58/40,2	0/0

Русскоязычного происхождения (кол-во/доля от общего числа, %) / Of Russian-speaking origin (number/share of the total population, %)	79/40,3	159/92,4	101/42,2	80/55,5	97/94,1
Всего / Total	159	172	239	144	103

Источник: в таблицах 1–2: Атлас Ленинградской области / гл. ред. Д. А. Субетто. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. 112 с.

Source: in tables 1–2: [Atlas of the Leningrad region] / Chief editor D. A. Subetto. St. Petersburg : Publishing House of A. I. Herzen State Pedagogical University, 2022. 112 p.

Среди ойконимов финно-угорского происхождения лидируют те, которые образованы по фонетической близости. В Гатчинском и Ломоносовском муниципальных районах Ленинградской области, заселенных некогда финнами-ингерманландцами, таковые составляют 55,6 и 40,2 % соответственно; более половины проявляется и в названиях поселений Всеволожского района.

Интересны примеры финских ойконимов, сохранившихся практически в неизменном звучании. Это деревни и поселки Ломоносовского района: Алакюля (фин.¹³ *Alakylä*), Аропаккузи (фин. *Aropakkasi*), Виллози (фин. *Villasi*), Кавелахта (фин. *Kavilahti*), Карвала (фин. *Karvala*), Келози (фин. *Kelosi*), Куттузи (фин. *Kuttusi*), Мюреля, Перекюля (фин. *Peräkylä*), Райкузи (фин. *Raikusi*), Ретселя (фин. *Rötsälä*); Гатчинского района: Кямряя (фин. *Kämärä*), Мута-Кюля (фин. *Mutakylä*), Вытти (фин. *Vuitti*), Саванкюля (фин. *Savonkylä*); Всеволожского района: Хирвосты (фин. *Hirvosi*), Аро (фин. *Aro*), Хáпо-Óе (фин. *Haapoja*), Токкари (фин. *Tokkari*), Лехтуси (фин. *Lehtusi*), Пери (фин. *Peri*), Рохма (фин. *Rohma*).

На границе Красносельского района Санкт-Петербурга и Ломоносовского района Ленинградской области находится пос. Пески (фин. *Hiekka*) – яркий пример переводного ойконима, как и Малое Карлино (фин. *Pieni-Karhila*), Черная Лахта (фин. *Mustalahti*) и др.

В противоположность южным районам Ленинградской области, а также Всеволожскому району, Выборгский и Приозерский (особенно последний) характеризуются небольшим числом финских по происхождению ойконимов.

Это объясняется особенностями процесса переименования поселений, имевшего место в конце 1940-х гг. на присоединенных к СССР по результатам советско-финляндской войны территориях Карельского перешейка. Он был инициирован указаниями исполкома областного Совета депутатов трудящихся. Ставилась задача переименования населенных пунктов и железнодорожных станций, носящих финские названия.

В конечном счете сохранились лишь некоторые из них. В Приозерском районе это только пять из существующих ныне поселений, названия которых образованы по семантической близости финским: Пятиречье (фин. *Vijsjoki*), Светлое (фин. *Valkeamatka*), Петровское (фин. *Petäjärvi*), Петяярви (поселок при железнодорожной станции), Мыс (фин. *Noisniemi*), Новая Деревня (фин. *Uusikylä*). Поселений, названия которых образованы по фонетической общности с финскими, не было выявлено.

В Выборгском районе звучание финских названий сохранилось: поселения Лейпясуо, Майнило, поселки при железнодорожных станциях Каннельярви, Местерьярви и др. Были утверждены при переименовании и некоторые семантически близкие исконным финским названия: Глубокое (фин. *Syvälähti*, *Putkola*), Земляничное (фин. *Mansikkala*), Пруды (фин. *Kalalampi*), Подгорье (фин. *Moisander*, *Väärämäki*), Лужайка (фин. *Nurmi*). Гидронимы имеют едва ли не наибольшее значение в топонимической системе региона, особенно когда речь идет об изучении древнейших периодов освоения территории, поскольку они

¹³ фин. – финский язык.

характеризуются очень высокой устойчивостью и сохраняют реликтовые формы языка заселявших ее народов.

Финская кросс-культурность прослеживается в гидронимии ближайших и удаленных пригородов Санкт-Петербурга. Примерами являются р. Дудергофка (швед.¹⁴ *Duderhof*, фин. *Tuutari*), протекающая через Дудергоф (в 1950–2016 гг. – Можайский), Красное Село, Горелово, Старо-Паново, Лигово; р. Сестра (фин. *Siestarjoki* – «черносмородиновая река») в Курортном районе.

В пределах территорий Ленинградской области, исторически заселенных прибалтийско-финскими народами (наиболее крупный – финны-ингерманландцы), гидронимы, сохранившие память о коренном населении, представлены широко. Внимание авторов сосредоточено на двух типовых примерах – Выборгском и Гатчинском муниципальных районах, соответствующих территориям нового и старого освоения соответственно (табл. 2).

Степень сохранности исконных гидронимов в пределах рассматриваемых территорий почти одинаково невысокая, фиксируется несколько лимнонимов с компонентом *ярви* (фин. *järvi* – озеро) и потамонимов с компонентом *йоки* (фин. *joki* – река) в Выборгском районе. Это озера Лайхярви, Лаппярви, Нуйямаярви, Панкюярви, Покулусъярви, Уоккюярви протока Виха-Йоки, р. Ильменьйоки, Соскуанйоки, Унтернискайоки, свидетельствующие о проживании вдоль их побережий или в непосредственной близости к ним прибалтийско-финских народов. Это относится и к лимнонимам с семантическим генезисом: оз. Большое Красноперское (фин. *Suuri-Särkijärvi*), Малое Красноперское (фин. *Pieni-Särkijärvi*), Длинное, или Долгое (фин. *Pitkäjärvi* – длинное озеро), Красавица (фин. *Kaukjärvi*) и др.

В Гатчинском районе некоторые финно-угорские гидронимы образуют топонимические пары с расположенными рядом поселениями. Пример – оз. Верепья и дер. Верепье (фин. *Vereppi*), упраздненная в 1971 г. Компонент *йоки* утерян у современного названия реки Суйда (фин. *Suijanjoki*), но фонематическая близость с исконным потамонимом сохранилась.

Важным культурообразующим индикатором территории выступает традиционное вероисповедание ее населения [22]. Финляндия длительный период была частью Шведского Королевства – первого государства, признавшего лютеранскую церковь официальной еще в конце XVI в. Примерно тогда финны приняли новую христианскую конфессию практически без сопротивления [23]. Присоединение к Российской Империи в 1809 г. губерний, составлявших Финляндию, не повлекло попыток насильственного насаждения православия среди местного населения. В то же время была учреждена независимая от Швеции Финская Евангелическо-лютеранская церковь, наделенная широкими правами автономии.

Таблица 2. Генезис гидронимов Выборгского и Гатчинского муниципальных районов Ленинградской обл., 2023 г.

Table 2. The genesis of the hydronyms of the Vyborg and Gatchina municipal districts of the Leningrad region, 2023

	Выборгский / Vyborgsky	Гатчинский / Gatchina
Образованные на основе семантической близости с финно-угорскими (кол-во/доля от общего числа, %) / Formed on the basis of semantic proximity with Finno-Ugric (number/share of the total population, %)	11/4,8	0/0
Образованные на основе фонетической близости с финно-угорскими (кол-во/доля от общего числа, %) / Formed on the basis of phonetic proximity with Finno-Ugric (number/share of the total population, %)	15/6,6	11/12,94
Современного русскоязычного происхождения (кол-во/доля от общего числа, %) / Of modern Russian-speaking origin (number/share of the total population, %)	200/88,5	84/87,0
Всего / Total	226	96

¹⁴ швед. – шведский язык.

К ее юрисдикции относились все лютеранские приходы Великого автономного княжества Финляндского, к 1812 г. насчитывавшие 503 единицы.

Меньшая часть Карельского перешейка – современный Сестрорецк, Юкки, Рябово, Токсово, Колтуши, Новосаратовка, а также Гатчинский и Ломоносовский районы нынешней Ленинградской области – относились к Евангелическо-лютеранской церкви Российской Империи. Названные религиозные организации были канонически и доктринально близки, но абсолютно независимы друг от друга в церковно-административном плане.

Низовой административно-территориальной единицей Евангелической лютеранской Церкви является приход. Когда к Швеции в 1617 г. по Столбовскому миру перешла территория Ореховецкого, Копорского, Ямского и Ивангородского уездов, получившая под шведской властью общее название «Ингерманландия» (Корельский уезд формально был передан Швеции по Выборгскому договору 1609 г. и в состав Ингерманландии не входил), туда стали переселяться финские крестьяне – носители лютеранства, выходцы из Восточной Финляндии [26]. В результате помимо старейшего лютеранского прихода в Копорье стали открываться новые – в Дудергофе, Губаницах, Колпанах, Лемболово, Токсово и т. д. К середине XVII в. в Ингерманландии (Ингрии) действовало 58 приходов, позднее несколько сократившихся за счет укрупнения [26]. После заключения в 1721 г. Ништадтского мирного договора за многотысячным финским населением этой территории сохранилось право исповедания лютеранства. К началу Первой Мировой войны на всей ее территории действовали 29 сельских приходов, из которых числом прихожан выделялись Славянка (12 тыс.), Токсово (10,8 тыс.), Скворицы-Ропша (9,7 тыс.) [24].

В лютеранском приходе числилось несколько тысяч финских крестьян, проживавших в десятках расположенных недалеко друг от друга деревень. Так, приход Туутари (Дудергоф), ныне входящий в ближайшую пригородную зону Санкт-Петербурга, к 1917 г. состоял из 6161 чел. и 73 поселений (среди них деревни Виллози, Кавелахта, Мюреля и др.). Здание приходского Троицкого храма на горе Кирхгоф было разобрано в 1953 г. и утрачено безвозвратно, поскольку на его месте выстроен горнолыжный подъемник Туутари-парка. Но зарегистрированный в 1993 г. евангелическо-лютеранский приход Дудергофский с 2000 г. регулярно проводит богослужения в приобретенном с этой целью здании по адресу пос. Можайский, ул. Малая Горская, д. 33. (д. Пикколово Ломоносовского района).

В XVIII в. из состава, достигшего 10 тыс. прихожан Туутари, самостоятельным был выделен приход Хиетамяки, что в переводе с финского языка означает «гора мелкого песка» (*hieta* – мелкий песок и *mäki* – гора). Приходской храм в честь свв. апп. Петра и Павла находился в д. Яльгелево, но в 1941 г. подвергся разрушению. На начало XX в. община состояла из 4 462 чел., проживавших в 52 финских деревнях. Территории некоторых из них на данный момент находятся в пределах Санкт-Петербурга (Торики, Горелово), а другие – на примыкающих к Петербургу территориях Ленинградской области – Аннино, Рюмки, Большие Томики, Иннолово. В последней в 1994 г. восстановленный приход стал действовать на базе переданного ему в дар из Финляндии сборном деревянном здании (рис. 1). В Яльгелево сохранились остатки старого финского кладбища, где также иногда проходят богослужения.

Рис. 1. Евангелическо-лютеранский приход «Хиетамяки», д. Иннолово, Ломоносовский район Ленинградской обл. Автор изображения: О. А. Балабейкина, 2023 г.
 Fig. 1. Evangelical Lutheran parish “Hieta-mäki”, Innolovo village, Lomonosov district, Leningrad region. The author of the image: O. A. Balabeikina, 2023

На территориях, некогда образовывавших лютеранские приходы, фиксируются и прочие материальные свидетельства о проживании там финнов-ингерманландцев (рис. 2).

На данный момент лютеранство в Ленинградской области и пригородах Санкт-Петербурга представлено преимущественно приходами Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии. Исключением являются Теологическая семинария и часовня при ней, относящиеся к Евангелическо-Лютеранской Церкви России в д. Новосаратовка Всеволожского района.

Из 21 лютеранского прихода Ленинградской области 17 находятся в пределах рассматриваемых территорий. Причем в ближайших пригородах расположены действующие храмы Пушкина, Ломоносова, Зеленогорска, д. Иннолово и д. Пикколово (Ломоносовский район).

Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии – лидирующая по числу храмовых зданий неправославная христианская религиозная организация в Ленинградской области, но на фоне числа культово-культурных объектов Русской православной церкви их доля невелика (табл. 3).

Рис. 2. Надпись на жилом доме, напоминающая о выселении финнов-ингерманландцев во время сталинских репрессий. Автор изображения:

О. А. Балабейкина, 2023 г.

Fig. 2. An inscription on an apartment building, reminiscent of the eviction of Finns-Ingermanlanders during Stalin's repressions. The author of the image: O. A. Balabeikina, 2023

Таблица 3. Храмы в пригородных районах Ленинградской области, 2023 г.

Table 3. Temples in suburban areas of the Leningrad region, 2023

Районы / Districts	ЕЛЦИ / ELCI		ЕЛЦР / ELCR		РПЦ / ROC		Всего / Total	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Выборгский / Vyborgsky	5	13	0	0	33	87	38	100
Приозерский / Priozersky	1	3	0	0	36	97	37	100
Всеволожский / Vsevolozsky	4	11	1	3	30	86	35	100
Ломоносовский / Lomonosovky	2	7	0	0	27	93	34	100
Гатчинский / Gatchinskiy	4	11	0	0	33	89	44	100

Примечание: ЕЛЦИ – Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии; ЕЛЦР – Евангелическо-лютеранская церковь России; РПЦ – Русская православная церковь. Для каждой конфессии: 1 – количество храмов, 2 – доля от общего количества храмов в данном районе, %.

Note: ELCI – Evangelical Lutheran Church of Ingria; ELCR – Evangelical Lutheran Church of Russia; ROC – Russian Orthodox Church. For each denomination: 1 – the number of temples, 2 – the share of the total number of temples in the area, %.

Источник: Официальный сайт Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии [Электронный ресурс]. URL: <https://elci.ru/> (дата обращения: 19.10.2023); Официальный сайт Союза Евангелическо-лютеранских церквей (Союз ЕЛЦ) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elkras.ru/> (дата обращения: 19.10.2023); Официальный сайт Русской православной церкви Ингрии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/> (дата обращения: 19.10.2023).

Source: [The official website of the Evangelical Lutheran Church of Ingria]. Available at: <https://elci.ru/> (accessed 19.10.2023); [Official website of the Union of Evangelical Lutheran Churches (Union of the ELC)]. Available at: <https://www.elkras.ru/> (accessed 19.10.2023); [Official website of the Russian Orthodox Church of Ingria]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/> (accessed 19.10.2023).

В контексте кросс-культурности важно отметить, что в условиях почти полного исчезновения финно-ингерманландского населения в пригородной зоне Санкт-Петербурга сохраняется его «национальная» церковь – Евангелически-лютеранская церковь Ингрии. При этом во многих населенных пунктах пригородной зоны храмы этой церкви появились намного раньше, чем православные, в силу когда-то существовавшего решающего преобладания там финно-ингерманландского населения. Так, в деревне Юкки Всеволожского района Ленинградской области, практически слившейся с пос. Осиновая Роща, входящем в состав Санкт-Петербурга, лютеранский приход, называвшийся «Хаапакангас» (финское название Осиновой Рощи), существовал с 1908 г. Храм был закрыт в 1937 г., настоятель расстрелян, здание перестроено и использовалось в качестве сельского дома культуры до конца 80-х гг. XX в., затем вновь переделано в храм, каковым является и по сей день. Первая же в Юкках за всю их историю православная церковь была построена в 2011 г. Для оценки численности прихожан каждой из этих церквей можно использовать число подписчиков на их группы в социальной сети «ВКонтакте». У группы православной церкви Рождества Иоанна Предтечи в Юкках – около 13 тыс. подписчиков, а у группы кирхи ЕЛЦИ – около 500.

Традиционная культура и быт прибалтийско-финских народов, включая финнов-ингерманландцев, отражаются в тематических музейных экспозициях, самой крупной из которых является историко-этнографический музей-заповедник «Ялкала» недалеко от Зеленогорска. В нем сохранился уникальный деревянный хуторской финский дом с немногими подлинными предметами быта.

Скромнее по объему коллекция предметов, отражающих быт финнов в конце XIX – начале XX в., представлена в краеведческом музее г. Приморска (фин. *Koivusto*). Он расположен в сохранившемся здании лютеранского храма св. Марии Магдалины, выстроенном по проекту известного финского зодчего Йозефа Стенбека.

В качестве современной тенденции можно отметить некоторые частные инициативы этнокультурной тематики. Примером является частный музей хутор Милка (*Milka*) в пос. Кузнечное (фин. *Kaarlahti* – изогнутый залив). Он функционирует на базе перенесенного и реконструированного станционного дома (фин. *aseman talo*) 1916 г. постройки, изначально предназначенного для проживания рабочих железной дороги и уготованного в 2010-х гг. под снос. В настоящее время там регулярно проводятся экскурсии и интерактивные мероприятия.

На территории Гатчинского и Ломоносовского районов и в пределах окраин юго-запада Санкт-Петербурга этнографических музейных экспозиций нет, но некоторые действия в отношении перспектив развития данного направления предпринимаются. Так, в 2016 г. был учрежден Центр культуры ингерманландских финнов «Natsina» (ЦКИФ), деятельность которого ориентирована на ее сохранение и возрождение. При центре работает мужской ансамбль «Нореаjärvi» («Серебряное озеро»), исполняющий финские народные песни. ЦКИФ активно участвует в различных культурно-массовых и благотворительных мероприятиях, совместно с работой библиотек, образовательных учреждений проводит мастер-классы, интерактивные программы, организует передвижные выставки, экспонирующие коллекцию старинных предметов быта финнов-ингерманландцев, повествующих о традиционных занятиях и ремеслах, а также о произведениях финского и карельского эпоса.

Территории окраин Санкт-Петербурга и Ленинградской области, в пределах которых компактно проживало прибалтийско-финское население, широко вовлекаются в организованные тематические пешеходные и автобусные экскурсионно-познавательные маршруты. Причем тематика и содержание последних базируется именно на материальном и нематериальном наследии коренных народов. В перечне предложений от туристических фирм можно выделить такие, как «Зеленогорск – очень финский город»; «Оллинпя – заповедник старых дач – между Териойками и Келомьяками»; «Дудергофские высоты. Воронья

гора и Нагорный парк на Ореховой горе». Следует отметить событийные экскурсии, связанные с памятью о праздниках календарной обрядности финнов: «Зажигаем первую свечу Рождества в Каарлахти. Адвент на Карельском перешейке»; «Свечи святой Люсии на хуторе Милка»; «Праздник Люсии в Выборгском замке»; «Отмечаем День Туомаса в Круглой башне Выборга» и др.

Заключение

Пригородная зона Санкт-Петербурга – один из наиболее ярких и значимых примеров проявления кросс-культурности в пределах Северо-Запада России. Основными этнокультурными общностями, которые взаимодействовали здесь, были финны-ингерманландцы и русские. Финны-ингерманландцы представляли собой потомков финских крестьян, переселенных в Ингерманландию (территории Ивангородского, Ямского, Копорского, Ореховецкого уездов, отошедших от Московского государства к Швеции в 1617 г.). С возвращением Ингерманландии в состав России в начале XVIII в. ее жители стали развиваться отдельно от остального финского этноса, оставаясь исключительно сельским населением.

Субэтнос располагался на Карельском перешейке, а также к югу и юго-востоку от Санкт-Петербурга. К 20-м гг. XX в. численность финнов-ингерманландцев превышала 100 тыс. чел. На протяжении XX – первых десятилетий XXI в. финны-ингерманландцы почти исчезли, сейчас их численность измеряется десятками человек, что связано как с политическими и военными событиями XX в., так и с процессами урбанизации, «поглотившими» за это время почти всю традиционную территорию их расселения.

Кросс-культурность пригородной зоны Петербурга в настоящее время прослеживается в сохранившейся финно-ингерманландской топонимике, представленной названиями населенных пунктов, гидрографических и иных объектов. Часть финно-ингерманландских географических названий сохранилась в неизменном виде, часть была «переосмыслена» и изменена в русскоязычные, а некоторые были просто переведены с финского на русский язык.

В качестве индикаторов кросс-культурности выступают также сохранившиеся здания и сооружения, свидетельствующие о былом значении и процветании финнов-ингерманландцев. Это главным образом здания лютеранских храмов и других религиозных объектов, финно-ингерманландские кладбища. В этом контексте особую важность имеет продолжающая деятельность «национальная» Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии, приходы которой действуют во многих населенных пунктах пригородной зоны, хотя финно-ингерманландского населения там практически не осталось.

Авторами впервые проведен комплексный анализ кросс-культурного развития пригородной зоны Санкт-Петербурга. Установлено, что на протяжении значительной части истории этого региона, а именно с XVII в. до 30–40-х гг. XX в., ключевое значение в этом развитии имели финны-ингерманландцы, «крестьянский» субэтнос, начавший формироваться, когда территория Ингерманландии принадлежала Шведскому королевству, и продолживший свое существование уже в составе России. Невзирая на практически полное исчезновение самих финнов-ингерманландцев, связанное с событиями XX в. (сталинские репрессии 30-х гг., насильственное выселение во время Великой Отечественной войны, послевоенная урбанизация пригородных территорий Ленинграда), их воздействие на формирование пространственной структуры общества в пригородной зоне Санкт-Петербурга остается весьма значительным, что прослеживается в системе расселения, топонимике, деятельности церковных и общественных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прокопья Г. В. Семантика понятия «кросс-культурный подход» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 3. С. 63–70. EDN: RUCALT

2. Мехдиев Ш. З., Чистяков М. С. Кросс-культурность управления многонациональным персоналом в международной корпорации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 9. С. 88–99. <https://doi.org/10.17513/vaael.1307>
3. Новикова Э. Ю. Лингвосомиотика города: кросскультурный фокус территориального брендинга // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2018. № 3. С. 31–38.
4. Дуганов Г. С. Дачный район побережья Финского залива как пространство кросс-культурного взаимоотношения (1899–1914 гг.) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26, № 1. С. 118–135. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.26.9>
5. Рожкова Л. В., Михнева С. Г., Маслов Д. Г. Межэтнические взаимодействия в поликультурных регионах как фактор обеспечения национальной безопасности // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 2. С. 82–92. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.2.9>
6. Lundén T. U. The Emergence and Decline of Ethnic Minorities in Baltic Borderlands // Etninių mažumų iškilimas ir išnykimas baltiškuosiuose paribiuose. 2012. Vol. 5, No. 5. P. 128–144. <https://doi.org/10.3846/20297475.2012.744368>
7. Манаков А. Г., Васильев Н. М., Кондратьева П. А. Этническая неоднородность населения в разрезе уездов и округов Российской империи по итогам переписи 1897 г. // Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 23–35.
8. Манаков А. Г. Динамика индекса этнической поляризации в республиках России в контексте концепции этноконтактных зон // Псковский регионологический журнал. 2023. Т. 19, № 3. С. 33–52. <https://doi.org/10.37490/S221979310026861-0>
9. Теренина Н. К. Индекс этнической контактности как инструмент изучения территорий со смешанным национальным составом населения // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18, № 1. С. 101–116. <https://doi.org/10.37490/S221979310018427-2>
10. Буфетова А. Н., Коломак Е. А., Михалёва М. М. Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17, № 3. С. 143–157. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-3-143-157>
11. Cross-Border Knowledge Transfer and Innovation in the European Neighbourhood: Tourism Cooperation at the Finnish-Russian Border / T. Makkonen, A. Williams, A. Weidenfeld [et al.] // Tourism management. 2018. Vol. 68, No. 3. P. 140–151. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2018.03.008>
12. Гусева С. Е. Историческое развитие планировочной структуры Карельского перешейка // Вестник гражданских инженеров. 2020. № 1. С. 14–20. <https://doi.org/10.23968/1999-5571-2020-17-1-14-20>
13. Исаев С. А. Устройство Евангелическо-Лютеранской церкви в России по Уставу 1832 г. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3. С. 205–213. https://doi.org/10.47132/2587-8425_2021_3_205
14. Каранов Д. П. Этнокультурное развитие ингерманландских финнов во второй половине XIX в.: основные компоненты процесса // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 1. С. 82–86.
15. Scott J. W. Constructing Familiarity in Finnish-Russian Karelia: Shifting Uses of History and the Re-Interpretation of Regions // European Planning Studies. 2012. Vol. 21, issue 1. P. 1–18. <https://doi.org/10.1080/09654313.2012.716240>
16. Ступин Ю. А. События середины 1930-х гг. на Карельском перешейке в судьбах финнов-ингерманландцев // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 83–108.
17. Муллонен И. И. Ойконимическая система южной Карелии в развитии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 4. С. 567–577. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-4-567-577>
18. Амбросиани П. Параллельные названия в прибалтийско-финской и русской ойконимии Ингерманландии // Вопросы ономастики. 2008. № 6. С. 83–92.
19. Дегусарова В. С., Мартынов В. Л., Сазонова И. Е. Геодемографические особенности пригородной зоны Санкт-Петербурга // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 19–40. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-2>
20. Балабейкина О. А., Дмитриев А. Л., Янковская А. А. Трансформация структурных элементов современного конфессионального пространства Европы // Мир перемен. 2021. № 4. С. 177–189. https://doi.org/10.51905/2073-3038_2021_4_177
21. Lotman P. The Christian Church, Spoken Language and Written Word. Confessional Tensions in Ingrida Between the Swedish Lutheran and the Russian Orthodox Church during the Seventeenth Century // Entangled Religions. 2023. Vol. 14, No. 6. <https://doi.org/10.46586/er.14.2023.10839>
22. Шкаровский М. В. Скандинавское влияние на религиозную жизнь Северо-Запада России в XVII–XX веках // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 243–256. <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2018-10071>

REFERENCES

1. Prokopenya G.V. [Semantics of the Concept of “Cross-Cultural Approach”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta*. 2007;(3):63–70. (In Russ.) EDN: [RUCALT](#)
2. Mekhdiev Sh.Z., Chistyakov M. S. [Cross-Cultural Management of Multinational Personnel in an International Corporation]. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020;(9):88–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.17513/vaael.1307>
3. Novikova E.Yu. [Linguosemiotics of the City: Cross-Cultural Focus of Territorial Branding]. *IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*. 2018;(3):31–38. (In Russ.)
4. Duganov G.S. Dacha Area of the Coast of the Gulf of Finland as a Space of Cross-Cultural Relationship (1899–1914). *Russia in the Global World*. 2023;26(1):118–135. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.26.9>
5. Rozhkova L.V., Mikhneva S.G., Maslov D.G. Cross-Ethnic Interaction in Multicultural Regions as a Factor of National Security. *Logos et Praxis*. 2017;16(2):82–92. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.2.9>
6. Lundén T.U. The Emergence and Decline of Ethnic Minorities in Baltic Borderlands. *Etninių mažumų iškilimas ir išnykimas baltiškuosiuose paribiuose*. 2012;5(2):128–144. <https://doi.org/10.3846/20297475.2012.74436>
7. Manakov A.G., Vasiliev N.M., Kondratieva P.A. Ethnic Heterogeneity of the Population in the Context of Counties and Districts of the Russian Empire According to the Results of the Census of 1897. *Bulletin of Pskov State University. Series: Natural, Physical and Mathematical Sciences*. 2023;16(2):23–35. (In Russ., abstract in Eng.)
8. Manakov A.G. Dynamics of the Index of Ethnic Polarization in the Republics of Russia in the Context of the Concept of Ethno-Contact Zones. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2023;19(3):33–52. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37490/S221979310026861-0>
9. Terenina N.K. Ethnic Contact Index as a Tool for Studying Territories with a Mixed National Composition of the Population. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2022;18(1):101–116. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37490/S221979310018427-2>
10. Bufetova A.N., Kolomak E.A., Mikhaleva M.M. National Diversity and Economic Development in Russian Region. *World of Economics and Management*. 2017;17(3):143–157. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-3-143-157>
11. Makkonen T, Williams A, Weidenfeld A, Kaisto V. Cross-Border Knowledge Transfer and Innovation in the European Neighbourhood: Tourism Cooperation at the Finnish-Russian Border. *Tourism Management*. 2018;68(3):140–151. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2018.03.008>
12. Guseva S.E. The Historical Development of the Planning Structure of the Karelian Isthmus. *Bulletin of Civil Engineers*. 2020;(1):14–20. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23968/1999-5571-2020-17-1-14-20>
13. Isaev S.A. The Structure of the Evangelical-Lutheran Church in Russia according to the Church Ordinance of 1832. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*. 2021;(3):205–213. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.47132/2587-8425_2021_3_205
14. Karanov D.P. [Ethno-Cultural Development of Ingermanland Finns in the Second Half of the XIX Century: The Main Components of the Process]. *Terra Humana*. 2014;(1):82–86. (In Russ.)
15. Scott J.W. Constructing Familiarity in Finnish-Russian Karelia: Shifting Uses of History and the Re-Interpretation of Regions. *European Planning Studies*. 2012;21(1):1–18. <https://doi.org/10.1080/09654313.2012.716240>
16. Stupin Yu.A. The Events of the Mid-1930s on the Karelian Isthmus in the Fate of Ingrian Finns. *Modern History of Russia*. 2016;(1):83–108. (In Russ., abstract in Eng.)
17. Mullonen I.I. Oikonymic System of South Karelia in Its Development. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2022;16(4):567–577. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-4-567-577>
18. Ambrosiani P. [Parallel Names in Baltic-Finnish and Russian Oikonymy of Ingermanlandia]. *Voprosy Onomastiki*. 2008;(6):83–92. (In Russ.)
19. Degusarova V.S., Martynov V.L., Sazonova I.E. Geodemography of the Saint Petersburg Suburbs. *Baltic Region*. 2018;10(3):19–40. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-2>
20. Balabeikina O.A., Dmitriev A.L., Yankovskaya A.A. [Transformation of Structural Elements of the Modern Confessional Space of Europe]. *Mir Peremen*. 2021;(4):177–189. (In Russ.) https://doi.org/10.51905/2073-3038_2021_4_177
21. Lotman P. The Christian Church, Spoken Language and Written Word. Confessional Tensions in Ingria Between the Swedish Lutheran and the Russian Orthodox Church during the Seventeenth Century. *Entangled Religions*. 2023;14(6). <https://doi.org/10.46586/er.14.2023.10839>
22. Shkarovsky M.V. Scandinavian Influence on the Religious Life of North-West Russia in the 17th–20th Centuries. *Khristianskoe chtenie*. 2018;(3):243–256. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2018-10071>

Информация об авторах:

Мартынов Василий Львович, доктор географических наук, профессор кафедры экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7741-1719>, SPIN-код: 9227-2168, lwowich@herzen.spb.ru

Балабейкина Ольга Александровна, доцент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета (191023, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9520-8880>, SPIN-код: 4227-4627, olga8011@yandex.ru

Королёв Лука Александрович, бакалавр кафедры международных отношений и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета (191023, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21), ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1117-0464>, lukakorolyov@gmail.com

Сазонова Ирина Евгеньевна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3456-1223>, SPIN-код: 2903-0743, iesazonova@herzen.spb.ru

Заявленный вклад авторов:

В. Л. Мартынов – разработка концепции; научное редактирование текста.

О. А. Балабейкина – идея; сбор материала; иллюстрирование; написание статьи.

Л. А. Королёв – анализ литературы; сбор и обработка материала.

И. Е. Сазонова – анализ литературы; обработка материала; написание статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 05.09.2024; одобрена после рецензирования 01.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

Information about the authors:

Vasilii L. Martynov, Dr.Sci. (Geogr.), Professor of the Economic Geography Department, Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moyka Embankment, St. Petersburg 191186, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7741-1719>, SPIN-код: 9227-2168, lwowich@herzen.spb.ru

Olga A. Balabeykina, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Environmental Management, Saint-Petersburg State University of Economics (21 Sadovaya St., St. Petersburg 191023, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9520-8880>, SPIN-код: 4227-4627, olga8011@yandex.ru

Luka A. Korolyov, Bachelor of International Relations, Department of International Relations and Political Science, Saint-Petersburg State University of Economics (21 Sadovaya St., St. Petersburg 191023, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1117-0464>, lukakorolyov@gmail.com

Irina E. Sazonova, Cand.Sci. (Geogr.), Associate Professor, Department of Economic Geography, Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moyka Embankment, St. Petersburg 191186, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3456-1223>, SPIN-код: 2903-0743, iesazonova@herzen.spb.ru

Authors' contribution:

V. L. Martynov – concept development, text editing.

O. A. Balabeykina – idea, collection of materials, illustration, writing the article.

L. A. Korolyov – literature analysis, collection and processing of material.

I. E. Sazonova – literature analysis, processing of material, writing an article.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 05.09.2024; revised 01.10.2024; accepted 15.10.2024.

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.459-470>

EDN: <https://elibrary.ru/msbrzb>

УДК / UDC 94(470.51) "1989/2021":314.5

ISSN 2076-2577

eISSN 2541-982X

<https://csfu.mrsu.ru>

Оригинальная статья / Original article

Брачная структура населения Удмуртии в 1989–2021 гг.

А. И. Ажигулова¹, С. Н. Уваров²✉

¹ *Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Российская Федерация*

² *Удмуртский государственный аграрный университет,
г. Ижевск, Российская Федерация*

✉ sergey.uvarov@mail.ru

Аннотация

Введение. В научной статье впервые проводится историко-демографическое исследование брачного состояния населения Удмуртии за 1989–2021 гг. Актуальность темы обусловлена ее недостаточной изученностью и необходимостью выяснить причины резкого сокращения численности удмуртов за последние два межпереписных периода. Цель исследования – выявление особенностей изменения брачной структуры у удмуртов Удмуртской Республики в 1989–2021 гг.

Материалы и методы. Методологической основой исследования послужили общенаучные методы анализа, сравнения, индукции и дедукции. Были применены и частнонаучные методы: сравнительно-исторический, хронологический, статистический. В качестве источниковой базы использованы опубликованные и неопубликованные материалы переписей населения.

Результаты исследования и их обсуждение. После достижения в 1989 г. своего максимума численность удмуртов, а также удельный вес состоящих в браке начали снижаться. При этом у удмуртов второй показатель сократился менее существенно в отличие от всего населения Удмуртии. Несмотря на значительное распространение сожительства, говорить о замене институтов брака и семьи какими-то неформальными отношениями рано. Тем более современные тенденции свидетельствуют об увеличении доверия к официальным бракам. После 2002 г. уменьшились число и доля никогда не состоявших в браке. Браки у удмуртов были прочнее, о чем свидетельствует меньшая доля разведенных.

Заключение. На фоне всего населения Удмуртии брачное состояние удмуртов характеризовалось меньшей долей разведенных, отсутствием тенденции к сожительству и заключению повторных браков. Во многом за счет этого и рождаемость у удмуртов выше. Однако некоторые факторы (например, рост удельного веса разведенных/разошедшихся, увеличение удельного веса вдовых) вызывают тревогу, из-за чего следует совершенствовать государственную политику в сфере семьи и брака.

Ключевые слова: институт брака, брачная структура, брачное состояние, удмурты, Удмуртская Республика

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01604 (<https://rscf.ru/project/23-28-01604/>) в Удмуртском государственном аграрном университете.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ажигулова А. И., Уваров С. Н. Брачная структура населения Удмуртии в 1989–2021 гг. // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 4. С. 459–470. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.459-470>

© Ажигулова А. И., Уваров С. Н., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Marriage Structure of the Population of Udmurtia in 1989–2021

A. I. Azhigulova^a, S. N. Uvarov^b

^a Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

^b Udmurt State Agricultural University, Izhevsk, Russian Federation

 sergey.uvarov@mail.ru

Abstract

Introduction. The article presents, for the first time, a historical and demographic study of the marital status of the population of Udmurtia from 1989 to 2021. The relevance of the topic is due to its insufficient study and the need to understand the reasons behind the sharp decline in the Udmurt population over the last two inter-census periods. The aim of the research is to identify the characteristics of changes in the marital structure of the Udmurt population in the Udmurt Republic during the period from 1989 to 2021.

Materials and Methods. The methodological foundation of the study is based on general scientific methods such as analysis, comparison, induction, and deduction. The following specialized scientific methods were also applied: comparative-historical, chronological, and statistical. The source base includes both published and unpublished census materials.

Results and Discussion. After reaching its peak in 1989, the population of Udmurts, as well as the proportion of those who are married, began to decline. However, among the Udmurts, the latter indicator decreased less significantly compared to the entire population of Udmurtia. Despite the widespread increase in cohabitation, it is too early to speak of informal relationships replacing the institutions of marriage and family. Moreover, current trends indicate growing trust in official marriages. Since 2002, both the number and proportion of those who have never been married have decreased. Marriages among Udmurts were more stable, as evidenced by the lower proportion of divorces.

Conclusion. Compared to the overall population of Udmurtia, the marital status of the Udmurt people was characterized by a lower proportion of divorced individuals, the absence of cohabitation trends, and fewer instances of remarriage. Largely due to these factors, the birth rate among the Udmurt people is higher. However, certain factors, such as the increasing proportion of divorced/separated individuals and the growing number of widowed Udmurts, raise concerns, highlighting the need for improvements in state policy regarding family and marriage.

Keywords: institution of marriage, marital structure, marital status, Udmurts, Udmurt Republic

Funding: The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation Grant No. 23-28-01604 (available at <https://rscf.ru/en/project/23-28-01604/>) at the Udmurt State Agricultural University.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Azhigulova A.I., Uvarov S.N. Marriage Structure of the Population of Udmurtia in 1989–2021. *Finn-Ugric World*. 2024;16(4):459–470. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.459-470>

Введение

Сохранение численности, языка, культуры российских народностей – приоритетная задача нашего государства. Одним из коренных народов, населяющих Россию, являются удмурты, проживающие в большинстве на территории Удмуртской Республики. По данным переписи населения 1989 г., удмурты занимали десятое место по численности в России и насчитывали 714 833 чел. (0,49 %). Перепись 2002 г. зафиксировала у них уже 12-е место (636 906 чел., или 0,44 %), 2010 г. – 13-е место (552 299 чел., или 0,39 %), а 2021 г. – 21-е место (386 465 чел., или 0,26 %)¹.

Причинами столь резкого сокращения численности населения удмуртов могут быть естественная убыль и ассимиляция, и они обе неразрывно связаны с институтом семьи, в рамках которого происходит большая часть рождений и где в случае межэтнического характера семейных связей теряется этническая идентичность последующих поколений. Не случайно в последнее время с целью решения демографических проблем в стране все чаще говорят о поддержке семей с детьми, сохранении традиционных ценностей;

¹ Национальный состав населения по регионам России в 1989 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (дата обращения: 10.07.2024); Итоги ВПН-2002. Т. 4. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 10.07.2024); Итоги ВПН-2010. Т. 4. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.07.2024); Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 10.07.2024).

2024 г. объявлен Годом семьи, а в последнем послании президента был анонсирован национальный проект «Семья»².

Целью статьи является рассмотрение изменений брачной структуры удмуртов на территории их преимущественного проживания, т. е. Удмуртской Республики, на всем протяжении снижения их численности – с 1989 по 2021 г. Под брачной структурой понимается распределение населения по состоянию в браке.

Обзор литературы

Проблемы семьи и брака в российском обществе в последние годы не раз становились объектом исследования, при этом большая роль в их изучении принадлежала социологам. Т. А. Гурко [1], С. В. Захаров [2], О. В. Кучмаева, Т. К. Ростовская [3], А. Б. Синельников [4; 5] рассматривали в том числе и демографический аспект. Исследуя межэтнические браки в России [6], ученые отмечают негативные тенденции развития брачно-семейной структуры в нашей стране (рост числа разводов, большая доля сожительства, позднее вступление в брак, малодетность и др.). Спектр предлагаемых ими практических рекомендаций в сфере государственной политики в области семьи и брака включает в себя различные предложения: от увеличения материальной поддержки семьям с детьми до учета региональных особенностей демографического поведения.

Поскольку значительную долю населения России занимают финно-угорские народы, то, по нашему мнению, демографические процессы у них уже превратились в отдельное направление историографии. В его рамках исследователи Н. Н. Логинова, Т. П. Реброва [7], Ф. Г. Сафин, Э. А. Мухтасарова, А. И. Халиулина [8], А. Б. Мясникова [9], В. В. Фаузер [10] отмечали сокращение численности финно-угров в современный период, объясняя это депопуляцией и ассимиляцией. При этом их брачная структура оставалась малоизученной. Для преодоления тревожных демографических тенденций финно-угорские исследователи предлагают в первую очередь изменить языковую политику, чтобы замедлить ассимиляцию [11; 12]. Ряд предложений посвящен поощрению сельских поселений, где проживает основная масса финно-угорского населения [13]. Удмуртской семье и межэтническим бракам также уделялось внимание [14–16].

Материалы и методы

Источниковой базой исследования явились материалы проводившихся в заявленный период переписей населения. Они примечательны тем, что фиксировали все многообразие брачного состояния, выделяя состоявших в браке (с 2002 г. – и в незарегистрированном), никогда не состоявших, вдовых, разведенных/разошедшихся. В качестве крайних дат были выбраны 1989 и 2021 гг. Последняя Всесоюзная перепись населения подытожила советский период брачного состояния удмуртов и стала начальной точкой, позволяющей сопоставить последующие показатели. Итоги переписи 2021 г. еще мало проанализированы, но они в определенной мере отражают результаты снижения рождаемости в 1990-е гг., из-за которой уменьшилось количество потенциальных семейных пар.

Методологической основой исследования явилась концепция «второго демографического перехода». Были применены общенаучные методы анализа, сравнения, индукции и дедукции, из частнонаучных были использованы хронологический, сравнительно-исторический, статистический. Эти методы позволили проследить динамику изменений брачной структуры, обнаружить сходства и различия брачного состояния удмуртов в рассматриваемый период с опорой на количественные данные переписей.

Результаты исследования и их обсуждение

Вплоть до 1989 г. переписная численность удмуртов увеличивалась, достигнув в Удмуртской АССР 496 522 чел. Большая их часть (55,3 %) по-прежнему представляла собой сельское население (табл. 1), у которого отношение к семье и браку было более традиционным. Средняя удмуртская семья была несколько крупнее, чем общереспубликанская, именно за счет сельских семей [16]. К 1989 г. динамика показателей брачного состояния у удмуртов УАССР была положительной. В сравнении с предыдущей переписью значительно увеличилось число состоящих в браке (на 19,1 %), уменьшилось количество

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 29 февраля 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 10.07.2024).

Таблица 1. Доля удмуртов в населении Удмуртии в 1989–2021 гг.
Table 1. The proportion of Udmurts in the population of Udmurtia in 1989–2021

	1989			2002			2010			2021		
	УАССР*, чел. / UASSR, people	Удмурты / Udmurts		УР, чел. / Udmurtia, people	Удмурты / Udmurts		УР, чел. / Udmurtia, people	Удмурты / Udmurts		Удмурты / Udmurts		
		Чел. / People	%		Чел. / People	%		Чел. / People	%	Чел. / People	%	
Вся республика / The whole republic	1 605 663	496 522	30,9	1 570 316	460 584	29,3	1 521 420	410 584	27,0	1 452 914	299 874	20,6
Город / City	1 119 773	221 865	19,8	1 094 338	204 266	18,7	1 052 153	183 644	17,5	954 245	92 072	9,6
Село / Countryside	485 890	274 657	56,5	475 978	256 318	53,9	469 267	226 940	48,4	498 669	207 802	41,7

Примечание / Note: *Удмуртская Автономная Советская Социалистическая Республика / Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic.

Источники: Национальный состав населения по регионам России в 1989 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (дата обращения: 10.07.2024); Итоги ВПН-2002. Т. 4. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 10.07.2024); Итоги ВПН-2010. Т. 4. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.07.2024); Итоги ВПН-2020. Т. 5. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 10.07.2024).

Source: [Ethnic Composition of the Population by Regions of Russia in 1989]. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (accessed 10.07.2024); [Results of the All-Russian Population Survey-2002]. Vol. 4. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed 10.07.2024); [Results of the All-Russian Population Survey-2010]. Vol. 4. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 10.07.2024); [Results of the All-Russian Population Survey-2020]. Vol. 5. Available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed 10.07.2024).

никогда не состоявших в браке (на 62,1 %), вдовых (на 12,6 %), разведенных и разошедшихся (на 14,1 %). То есть 1979–1989 гг. – один из самых благополучных периодов для брачной структуры удмуртов республики [14].

Период конца XX – начала XXI в. сопровождался рядом коренных изменений в жизни нашей страны, которые негативно отразились на численности, воспроизводстве, брачном состоянии удмуртов. После 1989 г. у титульной нации Удмуртской Республики стала уменьшаться доля состоящих в браке. У мужчин в возрасте 16 лет и старше она снизилась с 72,4 до 68,7 %, у женщин – с 59,1 до 54,9 % (табл. 2). Как можно заметить, кардинального понижения не произошло, чего нельзя сказать обо всем населении Удмуртии. У мужчин республики сокращение произошло с 72,4 до 55,2 %, у женщин – с 59,5 до 44,5 %.

Возможно, это резкое падение связано с неполнотой учета во время последней переписи, ведь в 2002 и 2010 гг. показатели брачности у населения Удмуртии были гораздо ближе к 1989 г. Провал случился именно в 2021 г. Если в 1989 г. в Удмуртии из тех, кому исполнилось 16 лет, не указали свое брачное состояние 2 462 чел., в 2002 г. – 1 812 чел., в 2010 г. – 37 290 чел., то в 2021 г. – 188 059 чел. (а большинство из них не указало и национальность). Правда, подавляющее большинство не указавших в 2021 г. состояние в браке – это горожане (177 276 чел.), а удмурты в основном проживали в сельской местности, где процент не указавших брачное состояние был крайне низок. К тому же в 2021 г. в Удмуртии при проведении опроса не назвали свою национальность 210 052 чел., и вновь это были почти одни городские жители (198 950 чел.). Таким образом, по нашему мнению, во время последней переписи учет удмуртов был полнее, чем населения Удмуртии в целом.

Самой многочисленной из находящихся в браке в 1989 г. у удмуртов являлась когорта 30–34-летних: 20 875 мужчин и 21 365 женщин³. Это были лица, родившиеся во второй половине 1950-х гг. В то время наблюдался настоящий всплеск рождаемости. Даже когда в 2021 г. родившиеся во второй половине 1950-х гг. достигли возраста 60–64 года, а состоящих в браке у данной возрастной группы осталось уже всего 11 837 мужчин и 11 644 женщины, то и в таком объеме она являлась крупнейшей.

Если сравнивать не абсолютные, а относительные показатели, то в 1989 г. наибольшая доля состоящих в браке у удмуртских мужчин наблюдалась в возрасте 55–59 лет – 92,4 % (в Удмуртии в целом в этой возрастной категории в браке состояло 90,4 % мужчин). Замужние чаще всего встречались в возрастной категории 30–34 года (84,7 % – у удмуртских женщин, 82,8 % – в целом у всех женщин республики).

К 2021 г. у удмуртских мужчин самый высокий удельный вес состоящих в браке сдвинулся в возрастные категории 60–64 года и 65–69 лет с одинаковым процентом 83,3 %. У мужчин Удмуртии в целом лидировал возраст 60–64 года, но показатель был ощутимо ниже – 73,1 %.

У удмурток в том же году наибольший удельный вес состоящих в браке по-прежнему имели 30–34-летние (74,3 %). В Удмуртии в возрасте 30–34 лет замужем находилось 57,1 % женщин, но все же в возрасте 35–39 лет состоящих в браке было чуть больше – 57,4 %.

Стоит отметить, что в течение рассматриваемого времени у удмуртов ранних браков становится меньше: если в 1989 г. в возрасте 16–19 лет состояли в браке 1,8 % мужчин и 9,7 % женщин, то в 2021 г. только 1,0 и 2,7 % соответственно.

Далее рассмотрим незарегистрированные браки, которые как отдельный вид начали фиксироваться с 2002 г. Тогда у удмуртов в сожительстве находилось 10,6 % мужчин и 11,2 % женщин (табл. 3). Эти цифры были меньше, чем у населения Удмуртии в целом (11,4 % у мужчин и 11,3 % – у женщин). В городских поселениях Удмуртии сожительствовало 9,9 % удмуртских мужчин (5 040 чел.) и 10,9 % женщин (5 881 чел.), а в сельской местности – 11,1 и 11,4 % (6 917 и 7 394 чел.) соответственно. Получается, что в селе незарегистрированные браки были более распространены.

³ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 1080. Л. 33.

Таблица 2. Брачное состояние удмуртов УАССР/УР в 1989–2021 гг.
 Table 2. Marital Status of Udmurts in UASSR/UR in 1989–2021

Чел. / People, %		1989		2002*		2010		2021		
		Чел. / People	%	Чел. / People	%	Чел. / People	%	Чел. / People	%	
Все население УАССР/УР в возрасте 16 лет и старше / The entire population of Udmurtia aged 16 years and older	Мужчины / Men	Всего / Total	524 502	100	567 912	100	561 078	100	526 291	100
		Состоящие в браке / Married	379 708	72,4	370 032	65,2	361 476	64,4	290 567	55,2
		Никогда не состоявшие в браке / Never married	111 177	21,2	146 887	25,9	134 770	24,0	105 753	20,1
		Вдовы / Widows	11 266	2,1	17 185	3,0	16 381	2,9	15 956	3,0
		Разведенные / Divorced	21 219	4,0	32 948	5,8	25 456	4,5	27 970	5,3
	Разошедшиеся / Separated					5 881	1,0	5 904	1,1	
	Не указавшие состояние в браке / Those who did not indicate their marital status	1 132	0,3	860	0,2	17 114	3,1	80 141	15,2	
	Женщины / Women	Всего / Total	642 343	100	690 155	100	689 926	100	654 666	100
		Состоящие в браке / Married	382 456	59,5	372 383	54,0	363 988	52,8	291 387	44,5
		Никогда не состоявшие в браке / Never married	103 370	16,1	139 434	20,2	122 921	17,8	89 903	13,7
Вдовы / Widows		114 920	17,9	119 970	17,4	121 950	17,7	105 884	16,2	
Разведенные / Divorced		40 267	6,3	57 416	8,3	51 909	7,5	51 548	7,9	
Разошедшиеся / Separated					8 982	1,3	8 026	1,2		
Не указавшие состояние в браке / Those who did not indicate their marital status	1 330	0,2	952	0,1	20 176	2,9	107 918	16,5		

Удмурты УАССР/УР в возрасте 16 лет и стар- ше / Udmurts of Udmurtia aged 16 years and older	Мужчины / Men	Всего / Total	162 570	100	167 713	100	154 422	100	113 650	100
		Состоящие в браке / Married	117 749	72,4	113 315	67,6	106 996	69,3	78 023	68,7
		Никогда не состоявшие в браке / Never married	36 680	22,6	41 664	24,8	35 109	22,7	23 297	20,5
		Вдовы / Widows	3 450	2,1	5 350	3,2	5 167	3,3	4 176	3,7
		Разведенные / Divorced	4 347	2,7	7 363	4,4	5 484	3,6	5 540	4,9
		Разошедшиеся / Separated					1 660	1,1	1 092	1,0
		Не указавшие состояние в браке / Those who did not indicate their marital status	344	0,2	21	0,0	6	0,0	1 522	1,3
		Всего / Total	209 101	100	211 295	100	199 152	100	145 770	100
		Состоящие в браке / Married	123 465	59,1	119 002	56,3	113 283	56,9	80 045	54,9
Женщины / Women		Никогда не состоявшие в браке / Never married	37 305	17,8	40 983	19,4	33 866	17,0	19 573	13,4
		Вдовы / Widows	39 364	18,8	39 919	18,9	39 944	20,1	33 081	22,7
		Разведенные / Divorced	8 486	4,1	11 371	5,4	9 916	5,0	9 243	6,3
		Разошедшиеся / Dispersed					2 139	1,1	1 315	0,9
		Не указавшие состояние в браке / Those who did not indicate their marital status	481	0,2	20	0,0	4	0,0	2 513	1,7
		Всего / Total	209 101	100	211 295	100	199 152	100	145 770	100
		Состоящие в браке / Married	123 465	59,1	119 002	56,3	113 283	56,9	80 045	54,9
		Никогда не состоявшие в браке / Never married	37 305	17,8	40 983	19,4	33 866	17,0	19 573	13,4
		Вдовы / Widows	39 364	18,8	39 919	18,9	39 944	20,1	33 081	22,7
	Разведенные / Divorced	8 486	4,1	11 371	5,4	9 916	5,0	9 243	6,3	
	Разошедшиеся / Dispersed					2 139	1,1	1 315	0,9	
	Не указавшие состояние в браке / Those who did not indicate their marital status	481	0,2	20	0,0	4	0,0	2 513	1,7	

Примечание / Note: *включая лиц в возрасте до 16 лет, указавших состояние в браке / including persons under the age of 16 who have indicated their marital status.
Источники: Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 1080. Л. 33; Национальный состав населения по регионам России в 1989 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (дата обращения: 22.03.2024); Итоги ВПН-2002. Т. 4. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 22.03.2024); Итоги ВПН-2010. Т. 4. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2010>. Т. 4. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 22.03.2024); Итоги ВПН-2020. Т. 5. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 22.03.2024).
Source: [Central State Archive of the Udmurt Republic (Hereinafter – CSA UR). F. R-845. Op. 5. D. 1080. L. 33]; [National Composition of the Population by Regions of Russia in 1989]. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (accessed 03.22.2024); [Results of VPН-2002]. Vol. 4. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed 03.02.2024); [Results of VPН-2010]. Vol. 4. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accesses 03.22.2024); [Results of the VPН-2020]. Vol. 5. Available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed 22.03.2024).

Таблица 3. Сведения о состоящих в браке в Удмуртии в 2002, 2010, 2021 гг.
Table 3. Information on Married Individuals in Udmurtia in 2002, 2010, and 2021

	Состоящие в браке / Married		2002*		2010		2021	
			Женщ. / Women	Мужч. / Men	Женщ. / Women	Мужч. / Men	Женщ. / Women	Мужч. / Men
Все население Удмуртии в возрасте 16 лет и старше / The entire population of Udmurtia aged 16 years and older	Зарегистрированном / Registered	Чел. / People	32 7912	330 402	303 959	306 363	260 317	261 187
		%	88,6	88,7	84,1	84,2	89,6	89,6
	Незарегистрированном / Unregistered	Чел. / People	42 120	41 981	57 517	57 625	30 250	30 200
		%	11,4	11,3	15,9	15,8	10,4	10,4
Удмурты УАССР/ УР в возрасте 16 лет и старше / Udmurts of Udmurtia aged 16 years and older	Зарегистрированном / Registered	Чел. / People	101 358	105 727	92 112	96 651	70 611	72 208
		%	89,4	88,8	86,1	85,3	90,5	90,2
	Незарегистрированном / Unregistered	Чел. / People	11 957	13 275	14 884	16 632	7 412	7 837
		%	10,6	11,2	13,9	14,7	9,5	9,8

Примечание / Note: *в том числе лица до 16 лет, указавшие состояние в браке / including persons under the age of 16 who have indicated their marital status.

Источник: Итоги ВПН-2002. Т. 4. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 22.03.2024); Итоги ВПН-2010. Т. 4. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 22.03.2024); Итоги ВПН-2020. Т. 5. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 22.03.2024).

Source: [Results of the VPN-2002]. Vol. 4. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed 22.03.2024); [Results of the VPN-2010]. Vol. 4. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 22.03.2024); [Results of the VPN-2020]. Vol. 5. Available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed 22.03.2024).

К 2010 г. эрозия традиционных семейных отношений стала еще заметнее. В Удмуртии официально не зарегистрировали свои отношения 15,9 % состоящих в браке мужчин и 15,8 % женщин. У удмуртов удельный вес сожительства вырос до 13,9 % у мужчин, до 14,7 % – у женщин. Таким образом, преобладание незарегистрированных браков у удмурток не только сохранилось, но даже и несколько увеличилось относительно мужчин. Относительно типа поселения ситуация изменилась, сожительства стали чаще встречаться у городских удмуртов: у них не зарегистрировали браки 14,0 % мужчин (6 389 чел.) и 15,5 % женщин (7 616 чел.). В сельской местности сожительства занимали 13,8 % браков у мужчин (8 495 чел.) и 14,0 % – у женщин (9 016 чел.).

К 2021 г. ситуация поменялась в лучшую сторону. На уровне всего населения перепись зафиксировала лишь 10,4 % сожительства среди состоящих в браке и у мужчин, и у женщин. В целом по республике у удмуртов-мужчин незарегистрированными были 9,5 % браков, у женщин – 9,8 %. Возможно, удельный вес сожительства уменьшился в результате активно проводимой в последние годы демографической и семейной политики, а также при помощи мер по защите традиционных ценностей. Этот вопрос требует отдельной проработки. Можно сделать вывод о сохранении приверженности традиционной форме брака, однако остающаяся доля сожительства не может не настораживать.

До 2002 г. наблюдался рост, а после – происходило уменьшение числа и доли никогда не состоявших в браке. По данным последней переписи, у удмурток этот показатель составил 13,4 % от числа всех женщин в возрасте 16 лет и старше, у мужчин – 20,5 %.

Негативной тенденцией следует признать увеличение у удмуртов удельного веса вдовых. В то время как этот показатель у населения Удмуртии большей частью стагнировал, у титульной нации он неуклонно рос. У удмуртских мужчин за рассматриваемый период удельный вес вдовых увеличился с 2,1 до 3,7 %, у женщин – с 18,8 до 22,7 %. Мы видим, что в сравнении с населением Удмуртии доля вдовцов у удмуртов была близка к аналогичному показателю у мужчин республики, а в 1989 г. даже была идентичной. Среди женщин республики удельный вес вдов был все время выше у удмурток, причем разница нарастала. Это могло произойти и из-за меньшего распространения повторных браков и преждевременной смертности у мужчин.

Что касается повторных браков, то сведения о них можно узнать лишь из данных микропереписи 1994 г. Выяснилось, что у удмуртов в зарегистрированном браке повторно состояло 4,5 % мужчин и 6,5 % женщин. Это было меньше в сравнении с остальным населением Удмуртии. Для всех мужчин республики повторными оказались 7,4 % официальных браков, для женщин – 8,3 %⁴.

О большей прочности браков, в которых состояли удмурты, говорит и меньший удельный вес разведенных. В 1989 г. у удмуртов в разводе состояло 2,7 % мужчин в возрасте 16 лет и старше, в 2002 г. – 4,4 %, в 2010 г. – 4,7 %, в 2021 г. – 5,9 %. У мужчин Удмуртии за эти же годы соответствующий процент был больше: 4,0; 5,8; 5,5; 6,4 %.

У удмуртских женщин удельный вес разведенных был значительно выше, чем у мужчин той же национальности. За переписные годы он равнялся следующим показателям: 4,1; 5,4; 6,1 и 7,2 %. Одновременно эти цифровые значения уступали показателям, имевшимся у женщин Удмуртии: 6,3; 8,3; 8,8; 9,1 %. Однако тревогу вызывает непрекращающийся рост удельного веса разведенных/разошедшихся.

В 1989 г. разведенные и разошедшиеся переписями не различались. В 2002 г. фигурировали только разошедшиеся, но под ними понимались и разведенные. Переписи 2010 и 2021 гг. уже отдельно указывали статус как разведенных официально, так и разошедшихся. Первых у удмуртов было значительно больше. Интересно, что доля разведенных увеличилась как у мужчин, так и у женщин, а разошедшихся – уменьшилась.

Заключение

Таким образом, после достижения в 1989 г. своего максимума численность удмуртов, а также удельный вес состоящих в браке начали снижаться. Очевидно, что синхронное движение этих показателей имело прямую зависимость, однако уменьшение доли состоящих в браке удмуртов было гораздо меньше размеров снижения численности народа и, очевидно, являлось не единственным его фактором. Здесь следует учитывать последствия пандемии коронавируса, которая привела к существенному росту смертности; недостатки в проведении переписи, вызвавшие недоучет; ассимиляцию и последствия демографической ямы 1990-х гг. При этом у удмуртов удельный вес состоящих в браке сократился менее значительно, чем во всем населении Удмуртии.

Отмеченные тенденции указывают на то, что брачное состояние у удмуртов практически по всем параметрам было лучше, чем у населения Удмуртии в целом. О большей прочности браков у удмуртов говорят меньшая доля разведенных, малое количество повторных брачных союзов, небольшой процент сожителства. Во многом за счет этого рождаемость у удмуртов выше. По переписи 2021 г., на тысячу женщин Удмуртии в возрасте 15 лет и более приходилось 1 886 рожденных детей, у удмурток – 1 978 детей⁵.

Однако тревогу вызывает непрекращающийся рост удельного веса разведенных/ разошедшихся, вдовых.

⁴ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 27. Д. 29. Л. 3, 7, 15, 19.

⁵ Итоги ВПН-2020. Т. 5. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 22.03.2024).

Для улучшения ситуации в сфере семьи и брака мы предлагаем поддерживать проводимую демографическую политику, а также реализовать меры, опосредованно влияющие на демографические показатели финно-угорских народов: повышение привлекательности жизни в сельской местности, изменение языковой политики с целью замедления ассимиляции.

Данная статья может поспособствовать активизации дискуссии в научной среде с целью оценки предпринятых усилий и выработки дополнительных предложений по изменению описываемой ситуации. Учитывая, что ряд программ по демографической и семейной политике рассчитан до 2025 г., то органы государственного управления должны прислушаться к мнению научного сообщества при разработке новых программ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурко Т. А. Семейные факторы репродуктивного поведения // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 72–82. URL: <https://www.socis.isras.ru/files/File/2023/12/Gurko.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).
2. Захаров С. В. Браки и разводы в современной России // Демоскоп Weekly. 2015. № 625–626. С. 1–29. URL: <https://clck.ru/3DyMBF> (дата обращения: 10.07.2024).
3. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Демографическая структура семьи: генезис методологического подхода // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 56–74. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.4>
4. Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 1. С. 95–113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>
5. Синельников А. Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 2. С. 26–39. <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00013>
6. Лурье С. В. От советского народа к российскому: проблема ассимиляции в СССР и Российской Федерации через призму межэтнической брачности // Идеи и Идеалы. 2019. Т. 11, № 4. С. 141–159. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-141-159>
7. Логинова, Н. Н., Реброва Т. П. Динамика численности финно-угорских народов России // Финно-угорский мир. 2013. № 3 (16). С. 89–97. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2013/3/89-97.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).
8. Сафин Ф. Г., Мухтасарова Э. А., Халиулина А. И. Этнодемографическое и этноязыковое развитие финно-угорских народов в Урало-Поволжье // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 2. С. 152–167. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167>
9. Мясникова А. Б. Демографические потери финно-угорского мира в конце XX – начале XXI веков // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 96–101. URL: https://www.chuvsu.ru/wp-content/uploads/2020/04/2015_2.pdf (дата обращения: 10.07.2024).
10. Фаузер В. В. Финно-угорские народы в современном мире // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 3. С. 111–125. EDN: OQRHLT
11. Говрякова Н. Н., Ржанова С. А. Демографический контекст социально-экономического развития финно-угорских народов // Регионоведение. 2011. № 3. С. 298–304. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/792> (дата обращения: 10.07.2024).
12. Шабаев Ю. П., Шилов Н. В., Денисенко В. Н. Языковая политика в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации: поиск модели // Регионоведение. 2009. № 2. С. 296–309. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/346> (дата обращения: 10.07.2024).
13. Макаркин Н. П. Неотложные меры по сохранению языков и культуры финно-угров России // Финно-угорский мир. 2012. № 3/4. С. 13–19. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2012/3-4/13-19.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).
14. Ажигулова А. И., Чернышева Н. В., Уваров С. Н. Динамика брачного состояния удмуртов Удмуртии в 1959–1989 гг. // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 301–309. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.301-309>
15. Уваров С. Н. Межэтнические браки в Удмуртии в XX веке // Вестник антропологии. 2015. № 3 (31). С. 135–144. EDN: ZEXVAY
16. Уваров С. Н. Удмуртская семья 1959–1989 гг.: демографический аспект // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, № 1. С. 127–138. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2021-15-1-127-138>

REFERENCES

1. Gurko T.A. Family Factors of Reproductive Behavior. *Sociological Studies*. 2023;(12):72–82. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.socis.isras.ru/files/File/2023/12/Gurko.pdf> (accessed 10.07.2024).
2. Zakharov S.V. [Marriages and Divorces in Modern Russia]. *Demoscope Weekly*. 2015;(625–626):1–29. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3DyMBF> (accessed 10.07.2024).
3. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. Demographic Structure of the Families: Genesis of the Methodological Approach. *Woman in Russian Society*. 2024;(1):56–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.4>
4. Sinelnikov A.B. Family and Marriage: Crisis or Modernization? *Sociological Journal*. 2018;24;(1):95–113. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>
5. Sinelnikov A.B. Transformation of Marriage and Fertility in Russia. *Population*. 2019;22(2):26–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00013>
6. Lourie S.V. Transition from the Soviet People to the All-Russia People: Assimilation Problems in the USSR and in the Russian Federation through the Prism of Interethnic Marriage. *Ideas and Ideals*. 2019;11(4):141–159. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-141-159>
7. Loginova N.N., Rebrova T.P. [Dynamics of the Number of Finno-Ugric Peoples of Russia]. *Finno-Ugric World*. 2013;(3):89–97. (In Russ.) Available at: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2013/3/89-97.pdf> (accessed 10.07.2024).
8. Safin F.G., Mukhtasarova E.A., Khaliulina A.I. Ethno-Linguistic and Ethno-Demographic Development of Finno-Ugric Nations in the Ural-Volga Region. *Finno-Ugric World*. 2019;11(2):152–167. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167>
9. Myasnikova A. B. Demographic Losses in Finno-Ugric World in Late XX – Early XXI Century. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta. Humanities*. 2015;(2):96–101. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://www.chuvsu.ru/wp-content/uploads/2020/04/2015_2.pdf (accessed 10.07.2024).
10. Fauzer V.V. The Finno-Ugric People in the Modern World. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2011;(3):111–125. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: OQRHLT
11. Govryakova N.N., Rzhanova S.A. [Demographic Context of Social and Economic Development of the Finno-Ugric Peoples]. *Regionology*. 2011;(3):298–304. (In Russ.) Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/792> (accessed 10.07.2024).
12. Shabaev Yu.P., Shilov N.V., Denisenko V.N. [Language Policy in the Regions of Living of the Finno-Ugric Peoples of Russian Federation: Search for a Model]. *Regionology*. 2009;(2):296–309. (In Russ.) Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/346> (accessed 10.07.2024).
13. Makarkin N.P. [Urgent Measures to Preserve the Languages and Culture of the Finno-Ugric Peoples of Russia]. *Finno-Ugric World*. 2012;(3/4):13–19. (In Russ.) Available at: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2012/3-4/13-19.pdf> (accessed 10.07.2024).
14. Azhigulova A.I., Chernysheva N.V., Uvarov S.N. Dynamics of Marital Status among the Udmurts in Udmurtia from 1959 to 1989. *Finno-Ugric World*. 2023;15(3):301–309. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.301-309>
15. Uvarov S.N. Interethnic Marriages in Udmurtia in the 20th Century. *Herald of Anthropology*. 2015;(3):135–144. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: ZEXVAY
16. Uvarov S.N. Udmurt Family in 1959–1989: Demographic Aspect. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2021;15(1):127–138. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2021-15-1-127-138>

Информация об авторах:

Ажигулова Альбина Исламовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета (460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1345-8447>, SPIN-код: 3390-8207, azhigylova@mail.ru

Уваров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Удмуртского государственного аграрного университета (426069, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6451-9245>, SPIN-код: 7293-2112, sergey.uvarov@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А. И. Ажигулова – поиск источников; заполнение таблиц; подбор литературы и перевод ее на английский язык.

С. Н. Уваров – научное руководство; обработка и анализ источников; оформление текста; исправление замечаний.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 06.09.2024; принята к публикации 13.09.2024.

Information about the authors:

Albina I. Azhigulova, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Studies, Orenburg State Pedagogical University (19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1345-8447>, SPIN-code: 3390-8207, azhigylova@mail.ru

Sergey N. Uvarov, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Udmurt State Agricultural University (11 Studencheskaya St., Izhevsk 426069, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6451-9245>, SPIN-code: 7293-2112, sergey.uvarov@mail.ru

Authors' contribution:

A. I. Azhigulova – search of sources; filling in tables; selection of literature; translation into English; compiling references.

S. N. Uvarov – supervising; processing and analyzing sources; drafting the text; correcting comments.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 09.07.2024; revised 06.09.2024; accepted 13.09.2024.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURAL STUDIES

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.471-483>

EDN: <https://elibrary.ru/ngaqnc>

УДК / UDC 398.42:008

ISSN 2076-2577

eISSN 2541-982X

<https://csfu.mrsu.ru>

Оригинальная статья / Original article

Сакральные пространства марийской культуры. Признаки и типологизация мифологизированного ландшафта

Г. Ю. Устьянцев^{1✉}, Д. Ю. Ефремова², Т. Л. Серебренникова³

¹ МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

² Национальный музей Республики Марий Эл им. Тимофея Евсеева, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

³ ГБОУ «Школа № 1329», г. Москва, Российская Федерация

✉ ustyan-93@mail.ru

Аннотация

Введение. На волне интереса общественности и исследователей к дохристианским природоцентричным верованиям народов Поволжья актуализировались проблемы восприятия природных ландшафтов и их использования в культовых практиках. Цель исследования – предложить факторы качественного описания сакрального ландшафта современных марийцев: степень освоенности, упорядоченность локуса, его мифологический образ и роль в культовых практиках. На основе этих факторов авторы предлагают свою типологию сакральных топосов марийской культуры.

Материалы и методы. Работа основана на полевых материалах кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 1995 г., 2021–2023 гг. и Комплексной экспедиции Национального музея Республики Марий Эл им. Тимофея Евсеева. География исследований охватывает Марий Эл, Башкортостан, Кировскую область. Основными методами являются сбор текстов о ландшафтах (фольклорные тексты, интервью) и их нарратологический анализ, визуальная фиксация памятников.

Результаты исследования и их обсуждение. В качестве критериев для описания пространств были проанализированы их физические характеристики, образ в фольклоре, связанные с ними практики и мифологические персонажи, степень антропогенного влияния. Раскрыты амбивалентные свойства сакральных ландшафтов, процесс создания новых сакральных топосов. Подробно описана внутренняя организация священных рощ, рассмотрена их роль в религиозной жизни локальных сообществ. Авторами выделено пять категорий пространств: священные рощи, неорганизованные сакральные локусы, символические места захоронений марийских героев, «нехорошие места», действующие и заброшенные места захоронений. При этом исследователи отмечают вариативность природных объектов ландшафта и возможность сочетания признаков разных типов в одном памятнике.

Заключение. Сделанные авторами выводы вносят вклад в развитие этнологического исследования марийских религиозных практик и мифологических представлений. Материалы статьи могут быть полезны при описании и систематизации ландшафтов традиционной культуры, в изучении взаимодействия человека и природы в рамках ритуальных действий.

Ключевые слова: сакральная география, священные рощи, традиционные марийские верования, марийская мифология, марийский фольклор

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Устьянцев Г. Ю., Ефремова Д. Ю., Серебренникова Т. Л. Сакральные пространства марийской культуры. Признаки и типологизация мифологизированного ландшафта // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 4. С. 471–483. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.471-483>

© Устьянцев Г. Ю., Ефремова Д. Ю., Серебренникова Т. Л., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Sacred Spaces of the Mari Culture. Signs and Typologization of the Mythologized Landscape

G. Yu. Ustyantsev^a, D. Yu. Efremova^b, T. L. Serebrennikova^c

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

^b Timofey Evseev National Museum of the Republic of Mari El,
Yoshkar-Ola, Russian Federation

^c GBOU "School No. 1329", Moscow, Russian Federation

[✉] ustyan-93@mail.ru

Abstract

Introduction. Amid growing interest from the public and researchers in the pre-Christian, nature-centered beliefs of the peoples of the Volga region, issues related to the perception of natural landscapes and their use in ritual practices have gained renewed relevance. The study aims to propose key factors for the qualitative description of the sacred landscape of contemporary Mari communities: the degree of development, the orderliness of the locus, its mythological image, and its role in ritual practices. Based on these factors, the authors present their own typology of sacred toposes within Mari culture.

Materials and Methods. The article is based on the field materials of the Department of Ethnology (the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University) in 1995, 2021-2023 and the Complex Expedition of the National Museum (the Republic of Mari El named after T. Evseev). The geography of research covers Mari El, Bashkortostan, and the Kirov region. The main methods are the collection of texts about the landscapes (folklore texts, interviews) and their narratological analysis, visual fixation of monuments.

Results and Discussion. As criteria for describing spaces the authors analyze their physical characteristics, the image in folklore, the practices and mythological characters associated with them, and the degree of anthropogenic influence. The ambivalent properties of sacred landscapes and the process of creating new sacred toposes are revealed in the article. The internal organization of sacred groves and their role in the religious life of local communities are described in detail. The authors identify five categories of spaces: sacred groves; unorganized sacred loci; symbolic burial sites of the Mari heroes; "bad places"; active and abandoned burial sites. At the same time, the researchers note the variability of natural landscape objects and the possibility of combining features of different types in one monument.

Conclusion. The conclusions made by the authors contribute to the development of ethnological research of Mari religious practices and mythological representations. The materials of the article can be useful in describing and systematizing the landscapes of traditional culture, in studying the interaction of people and nature within the framework of ritual actions.

Keywords: sacred geography, sacred groves, traditional Mari beliefs, Mari mythology, Mari folklore

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Ustyantsev G.Yu., Efremova D.Yu., Serebrennikova T.L. Sacred Spaces of the Mari Culture. Signs and Typologization of the Mythologized Landscape. *Finn-Ugric World*. 2024;16(4):471-483. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.471-483>

Введение

В связи с тем, что интерес современных исследователей к дохристианским природоцентричным верованиям народов Поволжья повышается, важными становятся проблемы восприятия ландшафтов и их роли в культовых практиках. В марийских традиционных верованиях (наиболее распространенное название – «марийская традиционная религия») местами проведения молитв чаще всего являются священные рощи луговых и восточных марийцев (*кўсото, юмынотто*), расположенные, как правило, в пространствах у воды, оврагов, в лесу и на возвышенностях. Кроме того, в фольклоре марийцев широко распространены былички, поверья и предания о природных локусах. Согласно этим текстам, в рощах, на возвышенностях, в оврагах происходят чудесные явления «нечистой силы». Цель исследования – выявление категории ландшафтов в культуре луговых и восточных марийцев в зависимости от нескольких критериев: природные характеристики топоса; представления о мифологических персонажах, населяющих локусы; репутация ландшафта в местной фольклорной традиции; практики, связанные с этим пространством (запреты, предписания); степень освоенности и организованности

топоса (антропогенное влияние). Предложенная авторами классификация позволит уточнить соотношение между образами природного ландшафта в фольклоре и его ролью в мифо-ритуальной системе.

Обзор литературы

Проблемы определения, типологизации природных и социокультурных ландшафтов широко освещены в работах отечественных ученых. Природа выступает объектом изучения исследователей локального фольклора, религии, сакральной географии. Так, В. А. Глухов и Н. Н. Глухова на материалах марийских паремий представили свою классификацию пространств в марийской культуре, основанием для ее создания стали категории типологии, вида, досягаемости, изученности, ценности и организованности¹. Е. А. Окладникова, исследователь сакральных топосов, следуя классификации ЮНЕСКО, предлагает разделять их на палеокультурные, или археологические (города и погребальные комплексы), и исторические (реки, озера, роши, храмы). В основе этой дифференциации лежат принципы материалности, пространственной соотнесенности, символической значимости². В классификации В. Л. Валовика священными объектами выступают места, «формулирующие внутреннее ядро сакрального ландшафта», места поклонения и проведения молитвенных действий. Сакральные локусы, согласно мнению автора, более широкая категория, «которую сознательно выделяют и маркируют священными местами», но не обязательно территория религиозных практик. При этом исследователь усложняет предложенные им модели категоризации пространств понятиями этничности, моно- и политеизма, что не позволяет рассматривать предложенную систему как целостную и универсальную. В то же время мы согласны с разделением автора сакрального ландшафта на объекты антропогенного и природного происхождения [1]. На примере материалов Симбирско-Ульяновского Поволжья коллектив авторов выделяет топофильные (святые) и топофобные (опасные, «нехорошие») места в составе социокультурного ландшафта. При этом среди священных объектов исследователи вычлениют культурные (монастыри, церкви) и природные (озера, ручьи и др.). Авторы подходят к изучению объектов, используя факторный анализ – сочетание функциональных, исторических, территориальных признаков³. На бурятском материале Б. Ц. Гомбоев предлагает несколько классификационных рядов культурных (антропогенного происхождения) и природных памятников на основе их религиозной, этнической принадлежности, географии и сезонности проводимых там молений [2]. М. Е. Кулешова типологизирует объекты, учитывая их «исторические функции и тип культуры», а также связь с творческой деятельностью человека⁴. В. Н. Калущков, исследуя ландшафты народов России, предложил разделять их на сакральные, сакрализованные и несакрализованные места. Сакральные места связаны с религией и делятся на святые и не святые (проклятые, топофобные). Данные религиозные категории актуальны и в исследовании марийского ландшафта. Другая группа объектов, названных ученым «сакрализованными», является частью светской культуры. К ним В. Н. Калущков причисляет «символические», «мемориальные», «ассоциативные» ландшафты⁵. Относительно рассматриваемого в статье поля, на наш взгляд, эта классификация не всегда может быть применима, так как содержит внутренние противоречия. Места почитания марийских

¹ Глухов В. А., Глухова Н. Н. Восприятие пространства в марийских пословицах и поговорках: виды, размерность, качество [Электронный ресурс]. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2009_7-2_11.pdf (дата обращения: 13.06.2024).

² Окладникова Е. А. Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования : моногр. М. : Директ-Медиа, 2014. 230 с.

³ Федоров В. Н., Аксенова М. Ю., Идиатуллин А. К. Локусы социокультурных ландшафтов в полиэтничном регионе (на примере Среднего Поволжья) // VII Всероссийская научно-практическая конференция «Трешниковские чтения». Современная географическая картина мира и технологии географического образования. Ульяновск : УлГПУ, 2017. С. 42–43.

⁴ Кулешова М. Е. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках. М. : Изд-во Центра охраны дикой природы, 2002. 105 с.

⁵ Калущков В. Н. Культурная география России. Теоретический и специальный разделы : учеб. пособие. М. : МГУ, 2016. Ч. 1. 140 с.

богатырей, например, могут относиться ко всем трем типам одновременно. На материалах удмуртской этнографии Н. И. Шутова выделяет четыре типа сакрального ландшафта, используя в качестве оснований для дифференциации функции пространств в религиозной жизни, их внутреннюю организацию и мифологический образ. В статье автора описаны родовые святилища, населенные божествами-покровителями; капища для молений хозяевам природы; места общественных молений, в которых почитают образы предков-покровителей. Отдельная – четвертая – группа локусов предназначена для отправления погребально-поминальных обрядов [3]. Авторы монографии о священных местах Пинежья разделяют святые места в зависимости от их функциональной значимости для сферы официальной (церковной) и неофициальной (народной) религиозности⁶.

Авторы статьи предлагают выделять в марийской природоориентированной традиции: 1) организованные места молений (священные рощи); 2) неорганизованные сакральные топосы; 3) меморативные объекты – места почитания богатырей-героев; 4) «нехорошие места»; 5) места захоронений (старые и ныне действующие кладбища). Ввиду ограниченности полевых материалов в статье будут рассмотрены первые четыре категории.

Материалы и методы

При написании статьи авторы опирались на полевые исследования кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова 1995 г. (руководитель – профессор кафедры, д-р ист. наук. К. И. Козлова), 2021–2023 гг. (руководитель – ассистент кафедры, канд. ист. наук Г. Ю. Устьянцев)⁷ и Комплексной экспедиции Национального музея Республики Марий Эл им. Тимофея Евсеева (руководитель – заместитель директора по научной работе, канд. ист. наук Д. Ю. Ефремова). География московских исследований охватывает муниципальные районы Республики Марий Эл, Республику Башкортостан и Кировскую область. Основные научные методы статьи – сбор текстов о священных и сакральных ландшафтах (фольклорные тексты, интервью) и их нарратологический анализ. В качестве источников авторами рассмотрены тексты несказочной прозы: былички, поверья, предания и интервью. Чаще всего интервью носили полуструктурированный характер и освещали не только темы религиозных культов, но и иные факты социальной жизни сообщества. Информанты – преимущественно жители сельской местности, многие из которых являются последователями марийской традиционной религии или синкретистами (сочетающими языческие и христианские практики), а также марийские жрецы (карты). Особую ценность в исследовании имеет привлечение визуального метода – фотографирование пространств для отправления культов и символических захоронений марийских богатырей. Подспорьем для авторов послужили полевые данные из архива кафедры этнологии МГУ имени М. В. Ломоносова, собранные в 1995 г., – материалы студенческих экспедиций, в частности Т. Л. Серебрянниковой, записанные в Сернурском районе Республики Марий Эл. Тогда студентам кафедры этнологии под руководством профессора К. И. Козловой удалось побывать на осенних молениях в роще у деревни Куприяново (Куприянсола). Экспедиции оказывал содействие Марийский государственный университет⁸.

Представленные в статье фрагменты интервью даются анонимно и с согласия респондентов.

Результаты исследования и их обсуждение

Некоторые термины, использованные в исследовании, необходимо конкретизировать. Сакральное трактуется авторами в соответствии с определением французского антрополога Э. Дюркгейма. Под сакральным понимается амбивалентное явление, которое включает в себя одновременно источник божественной благодати и потенциальной опасности, зла: «чистое и нечистое являются не двумя отдельными родами, но двумя разновидностями одного рода, который включает все священные предметы. Существует две разновидности сакрального: благое и пагубное, и между этими противоположными формами не

существует какого-либо разрыва: один и тот же предмет может принимать то одну, то другую форму, не меняя при этом свою природу. Именно в возможности этих трансформаций и заключается двойственность священного»⁹. Объект, воспринимаемый в культуре как проявление божественной природы, может приносить вред в случае нарушения определенных запретов и совершения оскверняющих действий. Сакральное ситуативно наделяется в фольклоре демоническим статусом в зависимости от этнографического контекста. Такая двойственность проявляется, например, в образе Керемета – персонажа марийской мифологии, одновременно воспринимаемого как демоническое существо и как «низшее божество» луговых марийцев [4]. Наиболее явственно амбивалентность сакрального проявляется в праздничных традициях. Например, в свадебном обряде мордвы, как и других народов Урало-Поволжья, репрезентированы образы появления новой семьи, деторождения и плодородия (локус божественного), а также воплощена символическая смерть молодухи в прежнем состоянии (локус «нечистого») [5]. В восприятии марийцами «иночного мира» отражено двойственное отношение к умершим. С одной стороны, в марийской культуре устойчив культ предков: их принято поминать на праздниках, обращаться с просьбами и благодарностями, с другой – есть ряд «негативных» обрядов, направленных на разграничение миров живых и мертвых, избегание нежелательных контактов с душами покойников [6].

Организованные пространства мольбищ. В марийской традиционной религии центральным местом отправления культа является роща, в которой проходят основные молитвенные действия. Для *күсото* в локальной традиции свойственно несколько важных признаков. Первый – закрытость пространств для нерелигиозных практик, табуированность нарушения их целостности и осквернения. Как правило, эти места недоступны для исследователя без санкции местных жителей и жречества. В фольклорной традиции распространены нарративы о том, как после причинения вреда роще наступали негативные последствия для людей (болезнь, смерть и др.). Так, информант рассказывает о каре за вырубку леса: «Потом рощу у нас срубили тут, все закатали землей. <...> Потом еще несколько лет назад выкапывали там орудия труда. Те, кто там убирал, – все они умерли. Вот эту рощу кто уничтожил, все умерли. Трактористом был татарин, а деревенские предупреждали: “Слушай, это же роща, ты не боишься?” А он говорит: “Мне наплевать, я татарин! Я не вашей веры”. Он, говорят, первым умер. <...> Мы стали следить, что с ними будет происходить. По-моему, чем-то заболел и умер» (ПЭЭ, Г. С., ж., Кутюк-Кинерь, июль 2022 г., Моркинский район Республики Марий Эл).

С мифологической точки зрения пространства рощ не являются вместилищем или местом обитания богов. Божеств, скорее, приглашают в эти объекты во время молений, поднося им дары: мясо, хлеб, блины, квас. Основным божеством, которому посвящены культовые действия в рощах, является *Кугу Юмо* (Большой/Великий Бог), однако в локальных традициях представлены различные пантеоны.

Священная роща может быть источником не только блага, исцеления, но и наказания за дурные поступки. Во многих местностях посещение рощ без важного повода, равно как вне коллективных молений, не допускается. Так это правило объясняет карт-восточный мариец: «...Просто так не ходили туда, не беспокоили по мелочам. Вот, например, легенда есть про Чумбылата. Почему Чумбылат перестал помогать? Некоторые приходили, они для себя просили там. Поэтому в Султан-керемет выходили только раз в год всем миром, запрещалось ходить туда по одному. Потому что, если божество общее, надо всем миром просить. <...> А то один попросит – ему поможет, а всем, когда придут просить благодати... [нет]» (ПЭЭ, В. Я., м., март 2023 г., Мишкинский район, Республики Башкортостан).

⁹ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с франц. В. В. Земсковой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 681.

Могут быть и исключительные случаи (связанные обычно с сохранением здоровья, уходом в армию), когда посещение рощи может быть непубличным и носит ситуативный характер. Например, посещение по случаю отмечено в священной роще вблизи д. Тулбень Сернурского района РМЭ¹⁰, священном месте «Курык» у д. Кукшнур Моркинского района¹¹ и др.

Помимо упомянутых, существуют предписания ходить в рощу в светлой одежде, в светлое время суток, после бани. В молениях обычно не участвуют дети, женщины в период менструации; организуют ритуальные действия мужчины: карт и его помощники. В большинстве деревень, которые посетила экспедиция Московского государственного университета, такие практики являются актуальными и сейчас. Представители иных этнических групп и конфессий могут посещать *күсото* с разрешения карта во время больших праздничных молений, куда также приглашают представителей СМИ, администрации¹². Таким образом участники конференции «Марийская традиционная религия: история и современность», организованной в 2022 г. Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. М. В. Васильева¹³, и смогли посетить моление.

Еще одно важное свойство священных рощ – четкая организация пространства. В каждом *юмыното* есть одно или несколько пространств для моления богам, оно представлено:

1) священным деревом *онапу*. Оно узнаваемо по священному «поясу» в виде лыка, проволоки или полотенца и ритуальному столу – «алтарю», на который складывают хлеб, восковые свечи и другие атрибуты молений. Здесь же на высоте роста человека с опорой на дерево могут быть расположены жерди для платков и полотенец;

2) кострищем с «козлами» (приспособлением для подвешивания котлов);

3) площадкой для подготовки жертвенных животных;

4) площадкой для принесения в жертву животных;

5) площадкой для молений пришедших людей. Здесь они становятся на колени во время общей молитвы и едят ритуальную пищу [7] (рис. 1).

Обычно в качестве священных деревьев выступают липы, березы, дубы¹⁴. С точки зрения Г. Е. Шкалиной, «онапу является средством коммуникации между тремя мирами – небесным, земным и нижним»¹⁵. В некоторых рощах встречается так называемая постройка «казначей», которая выглядит как расположенная в стороне от основных площадок беседка. Здесь карт принимает индивидуальные просьбы от жителей деревень, собирает пожертвования¹⁶.

Рощи, в которых проходят мировые моления включают несколько молельных площадок, предназначенных для обращения к нескольким богам. Так, в роще для всемарийских молений в Советском районе есть несколько *онапу*, посвященных разным богам: *Тун Юмо* (Божество Вселенной), *Мер Юмо* (Бог общины), *Курык Кугыза* (Хозяин Горы), *Шочын Ава* (Богиня Рождения) и др. По словам местного карта, каждому божеству предназначается отдельная жертва в виде животных или продуктов питания¹⁷. Возле каждого *онапу* обычно сооружается стол из сосновых веток (*шиллык*), божеству посвящается отдельный костер¹⁸.

Рис. 1. Моление в деревне Куприян-Сола, Марий Эл, 1995. Материалы экспедиций кафедры этнологии. Автор изображения: Т. Л. Серебренникова
Fig. 1. Prayer in the village Kuprian Sola, Mari El, 1995. Materials of expeditions, Department of Ethnology. The author of the image: T. L. Serebrennikova

¹⁴ ПЭЭ, сентябрь 1995 г., Сернурский район Республики Марий Эл.

¹⁵ Шкалина Г. Е. Священный мир марийский. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во. 2019. С. 138.

¹⁶ ПЭЭ, июль 2022 г., Советский район Республики Марий Эл.

¹⁷ ПЭЭ, июнь 2022 г., Советский район Республики Марий Эл.

¹⁸ ПЭЭ, сентябрь 1995 г., Сернурский район Республики Марий Эл.

Зачастую границы пространств для молений совпадают с естественными рубежами: рекой, лесом, оврагом. Вход в рощи претворяют плакаты или ворота, как, например, в Керемет Суртане в Мишкинском районе Башкортостана¹⁹ (рис. 2). Традиция огораживать моленные пространства и маркировать их для окружающих засвидетельствована этнографами еще в XIX в.²⁰ В настоящее время организация и оформление топосов является результатом творческой деятельности жреца-карта. Например, в *күсото* Советского района можно наблюдать деревянных идолов, не свойственных марийской религиозной традиции. На *онану* местный карт вешает таблички с именами богов²¹ (рис. 2).

Следующая особенность организованных молитвенных пространств – их спецификация. Каждая роща имеет свое предназначение в зависимости от:

1) времени ее посещения. Например, существуют рощи для молений в праздник Агавайрем, который проводится в мае или начале июня, сразу после посевных, а также для летних и осенних молений;

2) основных божеств, которым молятся. Например, мольбище в Волжском районе Марий Эл, «Сүрем ото», где проводятся моления в день праздника Сүрем (марийский традиционный праздник летнего жертвоприношения у луговых и восточных марийцев) возле березы. Основное божество – *Сүрем Кугу Юмо*, у него просят достатка, благополучия, успехов в хозяйстве, благодарят за помощь в посевных работах²²;

3) уровня организации молений. Есть рощи, предназначенные для общемарийских (*туня ото*), общинных (*мер ото*), родовых (*тукым ото*), деревенских (*ял ото*), семейных (*ешым ото*) молений²³.

Пространством организованных молений не всегда выступает роща. Одним из священных мест является возвышенность Курык (буквально в переводе с мар. «Гора») в Моркинском районе Марий Эл. На склон террасы местные жители приносят дары (птиц, монеты, платки и полотенца) с просьбами о здоровье, успехе в бизнесе, финансовом благополучии. Одной из самых распространенных просьб местных жителей является рождение детей, поэтому многие благодарные посетители приносят сюда кукол – своего рода ответный дар силам. По словам местного карта, на просьбы людей отвечает Хозяин Горы – *Курык Кугыза*. Если он оказывает помощь, то человек обязательно должен ответить благодарностью – жертвой или даром. В локальной традиции распространены нарративы о том, как вопрошающий игнорирует ответные обязательства, и хозяин горы забирает обратно свой дар.

В фольклоре божеств могут описывать как антропоморфных персонажей, наблюдаемых рядом со священным местом. В следующем фабулате хозяина горы визуализируют как старца с белой бородой: «Муж моей сестры рассказывает. Он охотник. Раню утром он пошел на охоту в сторону горы. <...> Дорога выходит в поле. А там, говорит, туман, прям как молоко. Ничего не видно. И какая-то движуха, говорит. Туман движется в мою сторону и закручивается

Рис. 2. Вход в священную рощу, Марий Эл, ПМЭ, 2022. Автор изображения: Г. Ю. Устьянцев
Fig. 2. The entrance to the sacred grove, Mari El, PME, 2022. The author of the image: G. Yu. Ustyantsev

¹⁹ ПЭЭ, март 2023 г., Мишкинский район Республики Башкортостан.

²⁰ Кузнецов С. К. Четыре дня у черемис во время сюрэма : этногр. очерк. СПб. : Издание ИРГО, 1879. 53 с.

²¹ ПЭЭ, июль 2023 г., Советский район Республики Марий Эл.

²² ПЭЭ, июль 2022 г., Волжский район Республики Марий Эл.

²³ Попов Н. С. К истории возрождения марийских традиционных молений в конце XX века // Этническая культура марийцев (традиции и современность) : сб. статей / науч. ред. Н. С. Попов. Йошкар-Ола : МарНИИ, 2002. Вып. 26. С. 92–120.

вот так. Мне, говорит, стало так удивительно интересно, даже не страшно. Весь туман закрутился, и из этого тумана выходит высокий старик. Выходит и заходит в Курык» (ПЭЭ, Г. С., ж., июль 2022 г., Моркинский район Республики Марий Эл).

В низине рядом с холмом протекает ручей, который, по словам местных жителей, обладает целебной силой. В рамках одного священного ландшафта совмещается сразу несколько чудесных объектов, что довольно часто встречается в местной традиции. В некоторых местах отмечается тенденция к ревитализации молений в старых заброшенных рощах, которые уже давно не функционируют. Нами отмечена тенденция к сакрализации новых пространств и расширению перечня культовых священных мест, которая объясняется практикой иеротопии – творческой деятельности по созданию сакральных топосов. Данный термин был предложен искусствоведом А. М. Лидовым применительно к памятникам христианской византийской традиции, а затем стал широко использоваться в сакральной географии²⁴. Деятельность в рамках иеротопии является прерогативой жречества и организаторов молений.

Особенность организованных священных мест – их паспортизация и продолжающийся учет исследователями. С 2018 г. изучением священных рощ марийцев занимается Комплексная экспедиция Национального музея РМЭ им. Тимофея Евсеева. Исследования проводятся по Государственным контрактам между музеем и Министерством культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл. По их результатам были подготовлены обоснования охраны памятников, где отмечены основные пункты:

- 1) уточненные названия объектов;
- 2) точный адрес расположения относительно официальных данных Публичной кадастровой карты (<https://pkk.rosreestr.ru>);
- 3) географическое описание памятника: особенности ландшафта, расположение водоемов и высотные отметки рельефа;
- 4) датировка рощи относительно прилегающей округи с привлечением исторических источников и картографии;
- 5) площадь памятника с учетом ландшафтных особенностей и данных этнографии;
- 6) периодичность моления, по возможности с указанием точного времени выхода на моления;
- 7) округа моления с учетом данных местных жителей и картографии;
- 8) основные объекты моления (деревья);
- 9) культовый статус памятника с уточнением иерархии в системе святилищ и значимости для округи.

Неорганизованные сакральные пространства. В марийской культуре мы выделяем категорию объектов, которые также воспринимаются как сакральные, но при этом не характеризуются четкой организацией. Сакральные неорганизованные локусы, в отличие от ритуальных организованных, не обязательно находятся в отдалении от мест проживания людей. К данной категории топосов мы относим водные пространства (ручьи, озера), участки леса, возвышенности, а также «точечные объекты»: деревья, камни²⁵. Так, у восточных марийцев до сих пор сохранились деревья, стоящие во дворах домов, у которых молятся родовым покровителям – *кереметам*²⁶. Отличие от предыдущей категории заключается в том, что посещение этих мест не строго регламентировано. В эти природные топосы можно ходить с индивидуальными

²⁴ Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М. : Индрик, 2006. С. 9–31.

²⁵ Федоров В. Н., Аксенова М. Ю., Идиатуллин А. К. Локусы социокультурных ландшафтов в полиэтничном регионе (на примере Среднего Поволжья) // VII Всероссийская научно-практическая конференция «Трешниковские чтения». Современная географическая картина мира и технологии географического образования. Ульяновск : УлГПУ, 2017. С. 42–43.

²⁶ ПЭЭ, март 2023 г., Мишкинский район Республики Башкортостан.

и семейными просьбами в любое время. Особо распространена в марийской традиции сакрализация родников:

– «Кто-то ходит молиться к родникам?» – «Ходят. Но не рассказывают. Если так посмотреть, поспрашивать... и к родникам ходят... к Матери Воды... никому не рассказывают. Тайком много чего проводят. Но и мне не расскажут, и вам не расскажут. Такие обряды делают, что нельзя говорить» (ПЭЭ, В. Я., м., март 2023 г., Мишкинский район Республики Башкортостан).

Часто подобные типы объектов возникают стихийно по инициативе конкретных акторов. Сакральные неорганизованные места также подлежат маркированию человеком. Местные активисты сооружают вокруг ручьев заборы, ворота, скамейки. Например, в Советском районе находится место моления богине воды *Вуд Аве*. Усилиями местного карта там оборудован спуск к роднику, огорожен участок для молений²⁷. Пространство сакрального находится под влиянием антропогенных факторов, обрастает новыми объектами, выделяется тем самым на фоне других ландшафтов природы. Особенно сильно антропогенный фактор проявляется в создании символических захоронений – могил богатырей.

Символические захоронения героев. В марийской традиционной религии объектом поклонения могут становиться и персонажи несказочной прозы, местных преданий. К ним относят богатырей-воинов и марийских князей. В некоторых деревнях в последние десятилетия наметилась тенденция к конструированию меморативных объектов, посвященных марийским героям (*марий талешке-влак*): скульптурных изображений и памятных камней. Эти социокультурные ландшафты обычно возведены в локусах, которые ассоциируются с биографиями мифологических персонажей, предполагаемыми местами их смерти. Например, на берегу р. Чемуршинки рядом с с. Сидельниково местными активистами было определено место для установки памятника местному фольклорному богатырю Пашкану Керемету²⁸ (рис. 3). Камень сотенному князю Мамич Бердею поставлен в Оршанском районе у деревни Мари-Ернур²⁹. Памятный камень герою кировских марийцев князю Полтышу (рус. Болтушу) установлен на Болтушиной горе, конкретное место для него выбрано активистами. В этом же Малмыжском районе у деревни Большой Китяк на входе в местное кладбище находится скульптура местного правителя Акпатыра [8]. У деревни Нурмучаш Волжского района сооружен целый этнокультурный комплекс, посвященный богатырю Чоткару. В центре него находится деревянная скульптура героя, памятная плита, по периметру – декоративные деревянные балки и плакаты. Также создатели комплекса провели мост к памятнику через речку, которая считается целебной [9]. В качестве места для строительства комплекса выбран участок луга, близкого к лесу, в котором, по преданию, был убит Чоткар.

Описываемый тип объектов отличается близостью к живому обитаемому ландшафту. Посещение памятников не табуировано и не ограничено рамками молитвенного ритуала, сезонностью. Более того, некоторые памятники содержат следы повреждений, хотя осквернение их не одобрено социумом. В отличие

Рис. 3. Вход в рощу Султана Керемета, Башкортостан, ПМЭ, 2023.

Автор изображения:

Г. Ю. Устьянцев

Fig. 3. Entrance to the grove of Sultan Keremet, Bashkortostan, PME, 2023.

The author of the image:

G. Yu. Ustyantsev

²⁷ ПЭЭ, июль 2023 г., Советский район Республики Марий Эл.

²⁸ ПЭЭ, июль 2022 г., Волжский район Республики Марий Эл.

²⁹ ПЭЭ, В. К., м., июль 2023 г., Оршанский район Республики Марий Эл.

от организованных и неорганизованных сакральных природных ландшафтов, эти места являются полностью рукотворными, но сооруженными в мифологизированных локусах. Согласно несказочной прозе, эти места не населены богами или духами природы, но в них могут являться образы марийских князей и богатырей-патыров. На этих местах видят призрачные фигуры средневековых воинов, слышат ржание лошадей, топот копыт: «Очень много необъяснимых явлений происходило в тех краях, где мы установили [памятник]. Ночью слышны были голоса, потом видели всадников, виртуально, не живых видели всадников в облачении, с этими ружьями старинными. И вот фактически это не люди ведь, виртуально. И вот один человек ходил на свидание в Сидельниково через Волгу, как раз там, где происходило сражение-то, увидел: из кустов выглядывает человек в старинной одежде, Пашкана увидел. Так он испугался, больше не стал ходить... испугался. А другие, я уже говорила, слышат топот копыт, будто всадник летит. Одни видят одного всадника, а другие – троих всадников видели тоже» (ПЭЭ, Г. С., ж., июль 2023 г. Сидельниково, Волжский район Республики Марий Эл).

Места меморативных объектов обладают не столько пространственной ценностью, сколько памятной. Они призваны не маркировать какой-то определенный локус, а ретранслировать мифологические образы локальной культурной памяти. На эти памятные места организуют своеобразные паломничества местные жители, особенно в дни почитания марийских героев. Более того, наблюдается тенденция к сакрализации этих ландшафтов и превращению их в объекты культа. Например, на открытии памятников приглашают картов, которые читают молитвы и «освящают» объекты. Практика молений становится регулярной. Территории рядом с памятниками содержат следы культовых практик местных жителей: вотивные предметы, полотенца, платки, свечи. Посредством социокультурных объектов ландшафта происходит коммуникация человека с образом богатыря-правителя, у которого он просит здоровья, счастья, сил и иных благ. Под влиянием культурного активизма и политики местных властей возникают новые меморативные пространства антропогенного происхождения и связанные с ними практики. Данную тенденцию уместно рассматривать в рамках концепции «изобретенной традиции» Э. Хобсбаума, то есть как появление в культуре новых явлений, которые воспринимаются местными жителями как устоявшаяся традиция [10]. Символические захоронения марийских фольклорных героев как объекты социокультурного ландшафта требуют дальнейшего описания и изучения.

«Нехорошие места». В марийской несказочной прозе распространены сюжеты о влиянии на человека нечистой силы, которая встречается (или обитает) в определенных локусах. К ним относятся места, находящиеся за гранью обжитого пространства, на периферии мира людей: овраги, леса, водоемы, поля, также участки земли, на которых ранее находились моленные рощи, церкви, жилые здания³⁰. По критериям В. А. Глухова и Н. Н. Глуховой, в фольклоре наиболее негативной коннотацией обладают локусы оврагов, рек, болот, так как они препятствуют передвижению человека³¹. По нашим наблюдениям, демонизируется обычно низменный ландшафт. В «нехороших локусах» обнаруживают следы древних поселений, находят монеты или следы жертвоприношений. В несказочной прозе после контакта человека с подобным топосом происходят негативные события. Как правило, эти места являются неорганизованными и заброшенными, никак не отмечены человеком на фоне остальной природы, а посещение их не приветствуется: «Есть у нас еще одно место – овраг между Немдой и д. Чобыком. Говорили, что в старину в этом

³⁰ Пенькова М. В., Ефремова Д. Ю., Конкка А. П. Материалы по духовной культуре марийцев (священные места и природные духи) // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири : сб. статей памяти Ю. Ю. Сурхаско. Гуманитарные исследования. Вып. 2. / Под ред. А. П. Конкка. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2009. С. 376–415.

³¹ Глухов В. А., Глухова Н. Н. Восприятие пространства в марийских пословицах и поговорках: виды, размерность, качество [Электронный ресурс]. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2009_7-2_11.pdf (дата обращения: 13.06.2024).

овраге жила Овда, и овраг называется также – овраг Овды. Он очень крутой и глубокий, когда мы были маленькими, нам запрещали туда ходить, да мы и сами боялись»³².

К насельникам этих мест относят *овду* (женский демонический персонаж марийского фольклора), разные категории чертей: *вуд ия* (черт, обитающий в водных объектах), *корем ия* (черт, обитающий в оврагах) и др. Часто в «нехороших» локусах видят *таргылтыша* – демоническое существо марийской мифологии³³. По свидетельствам этнографа Т. С. Семенова, в марийском фольклоре леса, горы, овраги и деревья населены *кереметами*³⁴. В марийской мифологии под *кереметами* понимают сложный образ, который, с одной стороны, является божеством (особенно почитается у восточных марийцев как покровитель рода) или духом природы, с другой – воспринимается как демоническое существо [4]. В локальных традициях отмечена практика моления и принесения жертв *кереметам*³⁵. В «нехороших местах» не организуют моления, эти пространства обладают негативным статусом в сознании этнофоров. В отличие от богов и духов, репрезентуемых посредством сакральных топосов, демонические персонажи не выполняют в мифологии патерналистские функции покровителей, защитников природы и людей. Как правило, они «водят», пугают человека, являются предвестниками плохих событий.

Заключение

В статье рассмотрены категории природных пространств в марийской культуре. Нами были учтены такие признаки, как природные (географические) характеристики; мифологические представления о насельниках этих мест; образы пространств в сказочной прозе; практики, связанные с этими топосами; степень освоенности и организованности ландшафта (антропогенный фактор).

Нами выделено пять категорий пространств. Первая – организованные места мольбищ (рощ), обладающие внутренней структурой, маркированные в пространстве, используемые в религиозных практиках и связанные с образами «высших сил», т. е. богами. Вторая – неорганизованные сакральные топосы. Эти ландшафты могут быть маркированы человеком, но посещения их не так жестко регламентированы. Третья категория – памятные комплексы (статуи, камни), маркирующие место гибели легендарных богатырей и правителей в локальном фольклоре. Эти места могут находиться в пределах обжитого пространства, посещать их можно свободно. Нами отмечается тенденция к сакрализации этих меморативных объектов и использование их в ритуальных действиях. К четвертому типу мы относим «нехорошие места», образы которых широко представлены в фольклоре народов Поволжья. Этот тип включает в себя овраги, леса, водные объекты, в которых особо активна деятельность демонических сил. Данные участки природного ландшафта сегрегированы от социума и неорганизованны, контакты человека с ними нежелательны. Пятая категория – места действующих и заброшенных кладбищ – требует для описания привлечение дополнительных материалов. Важно отметить, что четких границ между представленными типами не существует. Например, заброшенное место молений может фигурировать в качестве демонического локуса и в качестве «места силы», источника благ. Свойства «нехорошего» ландшафта традиция предписывает и местам захоронений марийских героев, в которых местные жители наблюдают аномальные явления (например, это свойственно Болтушиной горе в Малмыжском районе Кировской области)³⁶.

Статья имеет практическое значение для методологически близких исследований культовых пространств других этнических групп и регионов. Предложенная классификация и описательные признаки в перспективе применимы для анализа религиозных практик

³² Глухов В. А., Глухова Н. Н. Восприятие пространства в марийских пословицах и поговорках: виды, размерность, качество. С. 399.

³³ Там же. С. 376–415.

³⁴ Там же. С. 376–415; Семенов Т. С. Черемисы : этногр. очерк. М. : Тип. А. И. Снегиревой, 1893. 37 с.

³⁵ Молотова Т. Л. Марийцы-язычники в Урало-Поволжье: история и современность // Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья. Самара : Изд-во ПГСГА, 2010. С. 92.

³⁶ ПЭЭ, сентябрь 2021 г., Малмыжский район Кировской области.

обществ, исповедующих двоеверие или традиционные верования. Представляется возможным трансформация описательных признаков, уточнение предложенной терминологии в зависимости от конкретного этнографического поля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воловик В. Н. Категории сакрального ландшафта // Географический вестник. 2013. № 4 (27). С. 26–34.
2. Гомбоев Б. Ц. Святыни Утайшана как объект изучения буддийского наследия // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13, № 2. С. 385–404. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-385-404>
3. Шутова Н. И. Сакральное пространство народов камско-вятского региона: основные итоги, подходы и методы изучения // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11, № 2. С. 133–149. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/2009> (дата обращения: 13.06.2024).
4. Ефремова Д. Ю., Устьянцев Г. Ю. Бог, дух и дьявол. Статус и образ керемета в современном марийском фольклоре // Традиционная культура. 2020. Т. 21, № 1. С. 114–123. <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.1.008>
5. Логинова М. В., Лунина М. В. Амбивалентность праздничной культуры (на примере свадебного обряда мордовского этноса) // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10, № 1. С. 89–93. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.010.2018.01.089-093>
6. Устьянцев Г. Ю. Представления о «том свете» в текстах и практиках марийской культуры // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 321–333. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.321-333>
7. Данилов О. В., Ефремова Д. Ю. «Ирмарский жертвенник» – опыт реконструкции памятника // Финно-угроведение. 2017. № 1–2. С. 46–60. URL: <https://marnii.ru/zhurnal/vypuski/> (дата обращения: 13.06.2024).
8. Устьянцев Г. Ю. Богатыри и правители: герои фольклора в этнической идентичности и религиозных практиках марийцев Вятки // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2023. Т. 22, № 4. С. 532–545. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-532-545>
9. Устьянцев Г. Ю. Мифологизированное прошлое в легендах о марийских богатырях: восприятие истории в локальной культурной памяти // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6, № 3. С. 30–48. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2023-6-3-30-48>
10. Hobsbawm E. Introduction: Inventing Tradition // *The Invention of Tradition*. Cambridge University Press, 2012. P. 1–14.

REFERENCES

1. Volovik V.N. [Categories of the Sacred Landscape]. *Geographical Bulletin*. 2013;(4);26–34. (In Russ.)
2. Gomboev B.Ts. Wutaishan Shrines as Subjects of Buddhist Heritage Research. *Oriental Studies*. 2020;13(2);385–404. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-385-404>
3. Shutova N.I. Sacred Space of the Peoples in the Kama-Vyatka Region: Main Results, Approaches and Methods of Study. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2017;11(2):133–149. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/2009> (accessed 13.06.2024).
4. Efremova D.Yu., Ustyantsev G.Yu. God, Spirit and Devil: The Status and Image of Keremet in Modern Mari Folklore. *Traditional Culture*. 2020;21(1):114–123. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.1.008>
5. Loginova M.V., Lunina M.V. The Ambivalence of Festive Culture (On the Example of the Mordovian Ethnos). *Finno-Ugric World*. 2018;10(1):89–93. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.010.2018.01.089-093>
6. Ustyantsev G.Yu. Concepts of the “Otherworld” in the Texts and Practices of Mari Culture. *Finno-Ugric World*. 2023;15(3):321–333. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.321-333>
7. Danilov O.V., Efremova D.Yu. «Irmarr Altar» – Experience of the Monument Reconstruction. *Finno-Ugrovedenie*. 2017;(1–2):46–60. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://marnii.ru/zhurnal/vypuski/> (accessed 13.06.2024).
8. Ustyantsev G.Yu. Bogatyrs and Rulers: Folklore Characters in the Ethnic Identity and Religious Practices of the Vyatka Mari. *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhy Narodov. Ser.: Istorija Rossii*. 2023;22(4):532–545. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-532-545>

9. Ustyantsev G. Yu. The Mythologized Past in the Legends of the Mari Heroes: History Perception in the Local Cultural Memory. *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 2023;6(3):30–48. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2023-6-3-30-48>

10. Hobsbawm E. Introduction: Inventing Tradition. *The Invention of Tradition*. Cambridge University Press; 2012. P. 1–14.

Информация об авторах:

Устьянцев Герман Юрьевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры этнологии МГУ имени М. В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0655-3127>, SPIN-код: 6318-2400, ustyan-93@mail.ru

Ефремова Диана Юрьевна, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе ГБУК Национального музея Республики Марий Эл им. Тимофея Евсеева (424006, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, ул. Советская, д. 153), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3235-5001>, SPIN-код: 7558-3396, diana-efremva@yandex.ru

Серебренникова Тамара Львовна, преподаватель ГБОУ «Школа 1329» (119602, Российская Федерация, г. Москва, ул. Никулинская, д. 10), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3553-3620>, serebrennikovatl@sch1329.ru

Заявленный вклад авторов:

Г. Ю. Устьянцев – разработка концепции исследования; теоретический анализ источников, интерпретация результатов исследования.

Д. Ю. Ефремова – обзор источников, анализ научной литературы, предоставление полевых материалов.

Т. Л. Серебренникова – предоставление полевых материалов, рекомендации по анализу результатов исследования.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 17.09.2024; принята к публикации 19.10.2024.

Information about the authors:

German Yu. Ustyantsev, Cand.Sci. (Hist.), Assistant, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University (27, bld. 4 Lomonosovsky Prospekt, Moscow 119991, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0655-3127>, SPIN-code: 6318-2400, ustyan-93@mail.ru

Diana Yu. Efremova, Cand.Sci. (Hist.), Deputy Director for Research, Timofey Evseev National Museum of the Republic of Mari El (153 Sovetskaya St., Yoshkar-Ola 424006, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3235-5001>, SPIN-code: 7558-3396, diana-efremva@yandex.ru

Tamara L. Serebrennikova, Teacher, GBOU “School 1329” (10 Nikulinskaya St., Moscow 119602, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3553-3620>, serebrennikovatl@sch1329.ru

Authors' contribution:

G. Yu. Ustyantsev – development of the research concept; theoretical analysis of sources, interpretation of research results.

D. Yu. Efremova – review of sources, analysis of scientific literature, provision of field materials.

T. L. Serebrennikova – provision of field materials, recommendations for the analysis of research results.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 09.07.2024; revised 17.09.2024; accepted 19.10.2024.

Оригинальная статья / Original article

Этнофутуризм и традиционные представления удмуртов о будущем

Б. В. Анфиногенов*Научно-исследовательский институт национального образования,**г. Ижевск, Российская Федерация*✉ bogdananf@mail.ru

Аннотация

Введение. Проблема традиционных представлений удмуртского народа о времени, пространстве и отношении к будущему является значимой для современной науки. Несмотря на многочисленность публикаций по данной проблематике, практически отсутствуют исследования, рассматривающие преломление традиционных представлений удмуртов о будущем в движении удмуртских этнофутуристов, их видение в этом контексте будущего этнической культуры. Цель исследования – попытаться восполнить данный пробел, рассмотрев и проанализировав, какие именно традиционные представления существуют в удмуртской культуре и каким образом их используют в своем творчестве этнофутуристы.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили работы, посвященные теме будущего в традиционной удмуртской культуре, а также источники (статьи в периодических изданиях, сборники, каталоги), в которых представлено видение будущего этнофутуристами. Исследование проводилось на основе сравнительно-сопоставительного анализа источников и описанных в них явлений. В ходе полевых исследований применялся метод интервью.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование доказывает, что некоторые современные проявления и формы движения этнофутуристов связаны с образом будущего в традиционной культуре. Традиционная удмуртская модель светлого и идеального будущего представлена в концепциях этнофутуристических фестивалей и манифесте этнофутуристов. В традиционной культуре встречаются и примеры негативного (эсхатологического) сценария будущего, зафиксированного, например, в концовке удмуртского эпоса и некоторых преданиях. Близкая к ним рефлексия о будущем своего народа имеется в трудах поэтов и писателей, близких к движению этнофутуристов.

Заключение. Сделанные автором выводы вносят вклад в развитие современной этнологической науки в контексте изучения взаимосвязи новых культурных явлений в жизни удмуртского народа и его традиционной культуры и мировоззрения. Материалы статьи могут быть полезны этнологам, культурологам, искусствоведам, фольклористам, работникам социокультурной сферы, а также всем, кто интересуется современной удмуртской культурой.

Ключевые слова: этнофутуризм, Удмуртия, удмурты, этническая культура, образ будущего, удмуртский фольклор, народная протгностика, современная этническая культура

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Анфиногенов Б. В. Этнофутуризм и традиционные представления удмуртов о будущем // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 4. С. 484–496. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.484-496>

© Анфиногенов Б. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ethnofuturism and Traditional Udmurt Ideas about the Future

B. V. Anfinogenov

*Research Institute of National Education,
Izhevsk, Russian Federation*

✉ bogdananf@mail.ru

Abstract

Introduction. The problem of the traditional ideas of the Udmurt people about time and space, including their attitude to the future, is significant for modern science. Despite the numerous publications on this issue, there is practically no research on the refraction of traditional Udmurt ideas about the future in the Udmurt ethnofuturist movement, and their vision of the future of ethnic culture in this context. The purpose of the study is to try to fill this gap by examining and analyzing exactly what traditional ideas exist in Udmurt culture and how ethnofuturists use them in their work.

Materials and Methods. The research material was the works devoted to the topic of the future in the traditional Udmurt culture, as well as sources (articles in periodicals, collections, catalogs), where the vision of the future by ethnofuturists is presented. The study was conducted based on a comparative analysis of the sources and the phenomena described in them. During field research, the interview method was used.

Results and Discussion. The study proves that some modern manifestations and forms of the ethnofuturist movement are associated with the image of the future in traditional culture. The traditional Udmurt model of a bright and ideal future is presented in the concepts of ethnofuturist festivals and the manifesto of ethnofuturists. In traditional culture, there are also examples of a negative (eschatological) scenario of the future, recorded, for example, in the ending of the Udmurt epic and some legends. A reflection on the future of their people close to them is found in the works of poets and writers close to the ethnofuturist movement.

Conclusion. The author's conclusions contribute to the development of modern ethnological science in the context of studying the relationship of new cultural phenomena in the life of the Udmurt people and their traditional culture and worldview. The materials of the article can be useful to ethnologists, cultural scientists, art historians, folklorists, socio-cultural workers, and anyone interested in modern Udmurt ethnic culture.

Keywords: ethno-futurism, Udmurtia, Udmurts, ethnic culture, image of the future, Udmurt folklore, folk prognostication, modern ethnic culture

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Anfinogenov B.V. Ethnofuturism and Traditional Udmurt Ideas about the Future. *Finno-Ugric World*. 2024;16(4):484–496. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.484-496>

Введение

Этнофутуризм, одно из направлений современного искусства и общественного движения, уже в своем названии заключает информацию о будущем народа («этнос» – народ, «футурум» – будущее). В первом этнофутуристическом манифесте (1994 г.) основатели движения говорили о нем как об «альтернативе на будущее» для малочисленных народов, не имеющих своей городской культуры¹. Развиваясь преимущественно среди финно-угорских народов России, термин обретал разные формулировки, но неизменно авторы новых определений обращали внимание на его направленность в будущее: этнофутуризм должен был, по их мнению, обеспечить будущее этносу в условиях угроз глобализации. Исследователи отмечают, что при этом термин сознательно не связывался с другим похожим направлением модернистской культуры – футуризмом (и его течениями: кубофутуризмом, эгофутуризмом, итальянским футуризмом и др.) [1]. Однако параллели между ними все же можно найти. Так, русские футуристы, художники и писатели, и прежде часто обращались к народной культуре и фольклору [2], а представители модернизма начала XX в. среди новой интеллигенции удмуртов и других финно-угорских народов считались этнофутуристами своего времени, как, например, Кузубай Герд и Элиас

¹ Пярл-Лыхмус Маарья, Каукси Юлле, Хейнапуу Андрес, Кивисильдник Свен. Этнофутуризм: образ мышления и альтернатива на будущее [Электронный ресурс]. URL: <http://www.suri.ee/etnofutu/texts/obraz.html> (дата обращения: 20.05.2024).

Леннрот². Мы можем наблюдать нацеленность на будущее, работу с образом будущего в проектах и размышлениях о нем в среде этнофутуристов. Важно выявить, как и через какие творческие приемы воплощают образ будущего «футурум» именно представители данного направления.

В статье рассматривается видение будущего этнофутуристами в сравнении с его образом в традиционной культуре на основе данных истории, этнографии и фольклора. В традиционной культуре имелись свои представления о будущем, собственные попытки его предсказать, повлиять на ход событий с помощью определенных действий и практик (обрядов, молений, предписаний, запретов, приношений и др.). Традиционные образы будущего активно используются в творчестве этнофутуристов одновременно с образом будущего этноса или этнической культуры, которые они сами создают и прогнозируют. Исследователи отмечают, что «представления о будущем народа содержатся, прежде всего, в таких фольклорных жанрах, как народные утопические (социально-утопические) легенды, паремии, гадания и прогностические практики, волшебные сказки, исторические песни» [3, с. 243].

Цель исследования – рассмотреть образ будущего в работах этнофутуристов, определить роль и отражение в них видения будущего, в том числе нашедшего воплощение в традиционной картине мира удмуртов.

Обзор литературы

Образ будущего в культуре разных народов привлекает внимание этнографов. Например, в сборнике «Аспекты будущего (по этнографическим и фольклорным материалам)» рассматриваются общие теоретические вопросы и конкретные явления и практики разных народов, связанные с пониманием и видением будущего³. Будущее становилось темой исследования в антропологии [4], изучении народной футурологии [3]. Важной для данного исследования является работа, в которой раскрывается осознание времени в традиционной удмуртской культуре [5]. Для более полного и ясного понимания особенностей восприятия удмуртами пространства и времени были важны работы этнографов и фольклористов. Фундаментальный труд В. Е. Владыкина, посвященный религиозно-мифологической картине мира удмуртов⁴, дает ценные сведения о мировоззрении людей в традиционном удмуртском обществе, в том числе и представлениях о будущем. Этнокультурному контексту представлений удмуртов о времени [6], феномену народного календаря в удмуртском социуме [7], удмуртскому фольклорному миротексту⁵ посвящены работы Т. Г. Владыкиной, Г. А. Глухой, Т. И. Паниной. На основе обширных фольклорных материалов они приходят к важным выводам о наличии общей системы знаний о пространстве и времени у удмуртов, ее эволюции по мере взаимодействия с другими культурами, специфике годового обрядового календаря, обыденном и сакральном времени, природных циклах. Т. Г. Миннихметова выявляет особенности ориентации во времени и пространстве на основе данных о языке и ритуальных практиках [8], отмечая важность определения границ в традиционной системе мира, нарушение которых может менять качества человека и пространства. И. М. Вельм рассматривает своеобразие мифологического мышления с точки зрения психологии и ментальности удмуртов, анализируя образы и архетипы [9]. Образ будущего в современной удмуртской литературе затрагивался в работах литературоведов. Например, А. А. Арзамазов анализирует художественные контексты будущего времени в стихотворениях одного из известных поэтов-этнофутуристов П. М. Захарова, рассматривая формы выражения

² Карпов С. О. Этнофутуризм до этнофутуризма // Современная культура и проблемы образования. Культурологические дебюты: сб. науч. ст. студентов / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. СПб.: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2019. С. 21–31. EDN: **TMXPMS**

³ Аспекты будущего (по этнографическим и фольклорным материалам): сб. науч. ст. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2012. 356 с. EDN: **QBJVD**

⁴ Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.

⁵ Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал. Ижевск: Монпоражён, 2018. 298 с. EDN: **VYGGCY**

темпоральности будущего [10]. Выявлению специфики трансформации архаического мифологического мышления в условиях постмодернизма в литературе этнофутуристов посвящены работы В. Л. Шибанова [11]. Движение удмуртских этнофутуристов изучалось искусствоведами, культурологами и литературоведами, но образ будущего в их произведениях не был предметом специального анализа.

Материалы и методы

В работе сравниваются данные об образе будущего в традиционной культуре удмуртов: молитвах-куриськон, предсказаниях, текстах о жрецах и предсказателях *туно*, которые исследовались этнографами, музыковедами, фольклористами. Воплощение традиционного представления о будущем в работах этнофутуристов рассматривалось на основе деятельности представителей движения, их статей в периодических изданиях, сборниках и каталогах, в полевых материалах автора в виде личных интервью с художниками, которые уточняют их собственные представления об идеальном будущем. О роли *туно* (ворожец, предсказатель) как «удмуртского шамана» писал представитель этнофутуристов, художник Юрий Лобанов. В перформансах художника встречается использование атрибутов жреца *туно*. Концепция создания и поиска идеального будущего этноса и мироустройства через обращение к удмуртской мифологии представлена в работах и текстах этнофутуристов, обзоре этнофутуристических фестивалей, специальных выпусках журнала «Инвожо» – все они использованы для анализа видения будущего и этнического будущего в картине мира этнофутуристов. Основными методами исследования являются сравнительно-сопоставительный анализ источников, метод беседы и интервью в полевых исследованиях, которые помогли получить новую ценную информацию по проблеме, расширить имеющиеся знания, обосновать предположения и гипотезы автора, провести анализ и определить взаимосвязь между представлениями о будущем удмуртов и современных удмуртских этнофутуристов.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследователи отмечают, что «создаваемые образы будущего и конструируемые на их основании инновационные духовные и материальные формы в каждую конкретную историческую эпоху в значительной степени зиждутся на мировоззренческих основаниях соответствующих культур, а также на коллективном историческом опыте, протяженном и пережитом в социальном времени и пространстве» [4, с. 27]. У удмуртов образ будущего – неотъемлемая часть традиционной и современной культуры. Безусловно, в разное время восприятие устройства мира, времени и пространства было иным: в традиционном обществе оно основано на мифологическом мышлении, объяснении с его помощью различных явлений, действий сверхъестественных сил и божеств; на понимании создания мира, его образа, устройства и миропорядка. Однако эта обширная тема уже активно рассматривалась исследователями, а в центре внимания данной статьи – образ будущего в работах этнофутуристов и отражение в нем традиционных представлений удмуртов о будущем.

Образ будущего тесно связан с пониманием времени в традиционной картине мира. Обратимся к тому, как понималось время в народной культуре. М. М. Бахтин, характеризуя фольклорный хронотоп, пришел к выводу, что «время это сплошь едино» и ему также свойственны коллективность, привязанность к явлениям природы, устремленность в будущее⁶. Бахтин утверждал: «Печать цикличности и, следовательно, цикличной повторимости лежит на всех событиях этого времени. Его направленность вперед ограничена циклом»⁷. Мифологическое мировоззрение и восприятие времени сохраняется и в обрядах народной религии удмуртов, несмотря на влияние православных традиций.

⁶ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 242.

⁷ Там же. С. 243.

На понимание пространства и времени повлияли и земледельческий уклад жизни, определивший народный календарь и обряды годового цикла. Время воспринималось как цикличное: смена одних и тех же этапов, периодов и сезонов. В некоторой мере это восприятие времени сохраняется в современных народных праздниках, отчасти совпадающих с православным календарем. Как пишет В. Е. Владыкин, для удмуртов «будущее (лыктйсь аръёс, вуоно аръёс) мыслилось чем-то общим, нерасчлененным, чередой проходящих, грядущих лет»⁸.

Рассмотрим, каким представлялось будущее в традиционной картине мира удмуртов. А. А. Арзамазов писал: «удмуртский образ мира можно рассмотреть как некую систему, где временной аспект имеет созидательную функцию: прошлое определяет будущее, настоящее утрачивается в терпеливом ожидании. Реальность – действительное ощущение одного мгновения. По сути своей уподобляется или прошлому, или будущему»⁹. Литературовед отмечает, что есть особенности выражения будущего, которые прослеживаются в финно-угорских и тюркских языках: «В агглютинативных финно-угорских и тюркских языках значение будущего времени зачастую передается посредством настоящего, т. е. построение “идеального будущего” с языковой точки зрения отсутствует»¹⁰. Однако это суждение не находит доказательств в этнографических материалах, где, наоборот, изобилуют примеры об «идеальном мире».

Образ идеального будущего прежде всего представлен в удмуртских молитвах-*куриськон*, где наряду с благодарениями божествам высказывались просьбы на будущее (урожай, семейное и хозяйственное благополучие). Эти тексты подробно рассматривал В. Е. Владыкин, отмечая, что «...можно попытаться представить в какой-то мере историческую динамику взглядов удмуртов на то, что, по их понятиям, составляло идеальное устройство общества и его желаемое будущее»¹¹. Не случайно одну из своих статей об этих молитвах В. Е. Владыкин поэтично называет «Удмуртское воспоминание о счастливом будущем»¹². Тексты молитв дошли до нас в разных источниках, но все имеют выдержанную каноническую схему, состоят из обязательных частей, начинаются и завершаются уважительным обращением к главным удмуртским богам, чаще всего это Инмар, Кылдысин и Куазь. Центральная часть текстов содержит подробное перечисление просьб *куриськоно*в (удм. *курисько* – «прошу») о благополучии в различных сферах крестьянской жизни и сельского сообщества. Например, указывается, какими по размеру должны вырасти злаки и колосья, насколько преумножится скот в предстоящем году, просят много рыбы в реках и пчел на пасеке, а средств столько, чтобы их хватило на уплату налога властям и т. д. Будущее описывается в таких текстах через определенные образы, цифры, размеры, имеющие также продуцирующую функцию. В. Е. Владыкин пишет: «Жрец-куриськись, произносящий заклинание, хотя и следовал освященному веками канону, но в то же время широко использовал свои импровизационные способности, что, несомненно, еще более усиливало восприятие заклинания, поскольку все происходящее воспринималось как непосредственное творчество и сам заклинатель осознал себя творцом, созидателем идеального будущего людей, от имени которых он обращался к богам»¹³. Также он приходит к выводу, что ничего сверхъестественного или фантастического в этих прошениях к богам нет, все довольно скромно и реалистично¹⁴. Эти традиционные тексты с образом будущего также использовались в работах этнофутуристов. Как отмечал в интервью Ю. Н. Лобанов: «Удмуртский куриськон, переведенный по моей просьбе Очей Арзами (Алексей Арзамазов)

⁸ Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 222.

⁹ Арзамазов А. А. Эскизы. Ижевск : Инвожо, 2005. С. 30.

¹⁰ Там же. С. 15.

¹¹ Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 293.

¹² Владыкин В. Е. Удмуртские воспоминания о счастливом будущем // Удмурт оскон: вашкала куриськонъёс, вӧсьясконъёс, статьяос = Удмуртская вера: древние молитвы-заклинания, статьи. Ижевск : Удмуртия, 2010. С. 110–134.

¹³ Владыкин В. Е. Удмуртские воспоминания о счастливом будущем. С. 115.

¹⁴ Там же. С. 131.

на финно-угорский эсперанто, я лично использовал несколько раз в своих аутентичных перформансах» [ПМА¹⁵, 2024].

Этнофутуристы часто используют в творческих акциях традиционные формы и приемы прогнозирования будущего, которые практиковались предсказателями *туно*. У удмуртов способностью предопределять будущее наделяли некоторых людей и мифологических персонажей, предугадывали будущее и с помощью гаданий в определенные календарные периоды. Например, «звуки, услышанные на перекрестке дорог в полночь, предвещали будущее: если слышны звуки молотыбы – к урожаю, богатству...»¹⁶. Божество плодородия *Кылдысин* как представитель традиционного пантеона «предсказывал будущее и ведал судьбой каждого человека»¹⁷. Способностью предвидеть будущее наделяли и удмуртских богатырей *батыр*: «Богатыри – не только сильные физически люди, они обладают магическими способностями. Хозяева древнеудмуртских городищ Узякар и Иднакар имели дар пророчества: незадолго до своей гибели они предвещают приход на их земли другого народа и порабощение удмуртов»¹⁸. Однако самыми главными предсказателями будущего считались гадатели, ворожцы *туно* (удм. *тунаны* – «гадать, ворожить»). Фольклорист Т. Г. Владыкина пишет: «*Туно* – люди, наделенные сверхъестественными способностями. Жрецы, ворожей/ворожцы, знатоки, знахари, колдуны... Разноречивые по смыслу термины, используемые в качестве синонимов в контексте института шаманства, самым ярким элементом которого в удмуртской традиционной культуре был феномен *туно*, по сути указывают не только и не столько на многообразие функций, сколько на его возможности и способы взаимодействия с иными мирами, а также на представления о нем окружающих»¹⁹. Н. И. Шутова отмечала: «Исследователи конца XIX – начала XX в. называли *туно* шаманом, ибо наиболее искусные из них входили в состояние измененного сознания с помощью молитв, особых слов, магических заклинаний, музыкального сопровождения, плясок и ритуальных действий по кругу, перетягивания в пояс полотном или кушаком, возможно, употребления галлюциногенных средств растительного происхождения. Пляска *туно* близка к шаманскому камланию, во время которого шаман впадал в экстаз, общался с духами-помощниками и совершал символические путешествия по “иным” мирам» [12, с. 74].

Именно образ *туно* выбрал в своем творчестве один из ярких представителей и лидеров этнофутуристического движения – удмуртский художник Ю. Н. Лобанов (псевдоним – Кучыран Юри). Он подробно изучил феномен *туно* и, выбрав этот образ, полагал, что удмуртами прежде мог практиковаться шаманизм, на что указывает роль предсказателя. Н. И. Шутова, например, отмечает, что у *туно* было много функций, в том числе предсказание будущего: «В конце XVIII – начале XX в. знающие *туно*/абызась имели высокий социальный статус в глазах сельского сообщества как носители сакрального знания, обладатели сверхъестественных способностей и дара пророчества. Их общественная значимость во многом определялась тем, что он решал вопросы, связанные с функционированием традиционных святилищ. К ним обращались за помощью в экстраординарных и окказиональных ситуациях. В процессе проведенных ритуалов гадатели, знающие получали нужную информацию, предсказывали, гадали, исцеляли, врачевали» [12, с. 74].

¹⁵ ПМА – полевые материалы автора.

¹⁶ Нуриева И. М. Музыкальный язык удмуртского ритуала: Время. Пространство. Ижевск : Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, 2018. С. 32. EDN: **UJQIZE**

¹⁷ Шутова Н. И. Женское божество плодородия в духовной жизни финно-угров Приуралья // Об этнической психологии удмуртов. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. С. 31. EDN: **VJOVYP**

¹⁸ Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал. С. 101. EDN: **VYGGCY**

¹⁹ Владыкина Т. Г. Знающий (*туно*) в удмуртской традиционной культуре // Удмуртская мифология. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2004. С. 97. EDN: **SJNMSJ**

В статье «Удмуртский шаманизм: моя архаика и моя современность» Ю. Н. Лобанов описывает истоки и причины своего обращения к данному образу. В детстве на деревенских праздниках ему встречались люди, которые вели себя отлично от обычных участников, исполняли «странные» танцы: «Те деревенские праздники я воспринимаю сейчас как грандиозные перформансы, как действие для подражания... Будучи свидетелем тех ритуальных таинств – через театрализованные представления – я впитал живительные соки национального самосознания. Перформансы, которые я создаю, помогают мне полнее осознать себя в этом стремительно меняющемся мире»²⁰. Используя в творчестве особую форму современного искусства, художник сознательно выбрал образ *туно* как ролевую модель своего творчества, с помощью которой можно гармонично наполнить перформанс этническим содержанием, передать и воссоздать сакральные смыслы ритуальных действий шамана в настоящее время, опираясь на взаимосвязь образа и роли предсказателя *туно* с народными представлениями.

Использование темы снов как творческой акции мы находим в серии перформансов Ю. Н. Лобанова под названием «Сны Кучырана», которые он проводил с 2005 по 2009 г. Среди его работ выделим диптих «Откровения туно» (2007 г.), где художник расписывает холст геометрическими фигурами с использованием ярко-оранжевого цвета. Художник так объясняет работу: «Широкие, но короткие мужские свитки-чүшконьы с деревянными реечками-креплениями, с шелковыми нитками для подвешивания в выставочном пространстве.

Эти психоделические работы выполнялись в состоянии транса. Я точно уже не могу все вспомнить. Помню, что там откровения новых путей и перекрестков Судьбы. И еще удмуртские знаки-тамга-пусы – своеобразные древние праформы языка. Эти свитки прикреплены к деревянным реечкам. И я, весь в оранжевом одеянии, выполняю танец-кружение с этими свитками, указываю ими дорогу, возношу до Небес, защищаю, предупреждаю, лелею. И все это – изображая в воздухе-пространстве тайные свои знаки этими свитками.

Вращение имеет вселенское значение – это способ передачи духовного Божьего дара людям. Это одна из древнейших форм медитации. Уже само кружение, а также вихрение огня, воды, воздуха выводит в параллельный мир. Вращаясь вокруг сердца, он охватывает все человечество, все живое с привязанностью и любовью. Это вращение человеческих душ вокруг Бога. Вращение стимулирует активность вихрей (чакр). Вселенская волна вращающихся вихрей, через которые входит ее энергия, оживляющая наше тело и душу. Энергия земли собирается в вихри, и там накапливается «особая энергия».

Имеет большое значение цвет. Желто-оранжевый с вкраплениями светло-голубого. Это соответствующая чакра (чакара, закара), которая волнует художника-шамана [ПМА 2024].

Художник при создании своих перформансов подробно изучает ранние этнографические источники, а затем, создавая свою собственную художественную систему, как бы заново с помощью фантазии и творчества воссоздает образ *туно*, придумывая и разрабатывая его костюм, атрибуты, выбирая пространство для перформансов-ритуалов, особые речитативы и песни.

В статье «Удмуртский шаманизм: моя архаика и моя современность» Ю. Н. Лобанов пишет о взаимосвязи образа *туно* и будущего, его способности перемещаться во времени: «Я считаю, его образ волновал, волнует и будет волновать не только творческих, но и простых людей. Своей таинственностью, мистицизмом, устремленностью в будущее, умением преодолевать временные рамки мироздания»²¹.

²⁰ Лобанов Ю. Н. Удмуртский шаманизм: моя архаика и моя современность / Егит гондыр веме. Одо-маа. Эрумаа. Калмез. Мушому. Тангыра. Идна. Ижевск, 2002. С. 108.

²¹ Лобанов Ю. Н. Удмуртский шаманизм: моя архаика и моя современность. С. 110.

В творчестве художника помимо предсказателя будущего встречается еще и образ верховного бога *Кылдысина*, который также обладал способностью предопределять будущее. Эти народные представления о нем и его образ описаны в работе Лобанова «Превращения Кылдысина» (2008 г.) и в совместной выставке с художником Александром Пушиным (Жон-Жон Сандыр) «Ньльдон кык» («Сорок два») (2022 г.). Концепция выставки построена на поиске утопического «Золотого века» божества *Кылдысина*, представленного в мифологических текстах, когда время было целостным, единым. Авторы выставки писали в официальном ее анонсе, что художники, «обращаясь к мифу-утопии о “Золотом веке” Кылдысина, воспевают гармоничное время, в котором было полное единение человека и природы, рассказывают о трехчастной картине мира удмуртов, при этом ратуя о возвращении к целостности мироздания»²². Название выставки «Ньльдон кык» символично и выбрано художниками исходя из предания удмуртов о том, как они стали грешить, в результате чего утратили свой «Золотой век», их покинул бог *Кылдысин*. В ответ на попытку вернуть его Кылдысин сказал, что его тело обезображено и раздроблено на 42 части. Как символ этой раздробленности на выставке было представлено 42 арт-объекта, объединенных одним материалом – березой, которая в народных верованиях и мифологии считается деревом этого божества. На открытии выставки Александр Пушин сказал: «Мы решили отправиться в трансперсональное путешествие, чтобы найти все 42 части. Мы их сжигаем и делаем из них яйцо, оно у нас хранится в воршудном коробе» [ПМА, 2022]. Данная выставка – яркий пример воплощения концепции будущего в видении и стремлении удмуртских этнофутуристов, заключающемся в возвращении «золотого века» древних удмуртов, воссоздании равновесия и цельности мироздания.

Тенденция к воссозданию утраченного идеального времени как традиционной удмуртской утопии прослеживается уже в первых этнофутуристических фестивалях, проводимых с 1998 г. в Удмуртии. Это подчеркивает и название первой обзорной статьи Т. Г. Миннихметовой «Представляя образ идеального Будущего» об этих фестивалях, где отмечается, что «каждый фестиваль должен был быть посвящен определенной теме и отражать традиционные мировоззрение и представления удмуртского народа, связанные с мифологией, историей, обычаями и т. д.»²³.

Фестивали являются примером обращения этнофутуристов к представлениям о будущем с идеальным мироустройством в народном мировоззрении. Подтверждают эту концепцию программные тексты фестивалей.

В концепции фестиваля «Егит гондыр веме» («Дом молодого медведя», 1998 г.) – это посыл к идеальным взаимоотношениям, ностальгия о гармоничном прошлом и земном рае: «“Егит гондыр веме” – это помочи по созданию дома для молодого медведя, для молодого финно-угра, дома, где господствует взаимопонимание, взаимоуважение, любовь – извечное стремление к идеальному устройству в религиозно-мифологических представлениях удмуртов и других финно-угров, желание вернуться назад, прийти к своим идеальным истокам, ностальгия по утраченному земному раю и мечты о благополучном будущем»²⁴.

Фестиваль «Калмез» («Рыба-человек», 1999 г.), посвященный рыболовству, реке и рыбе в культуре и мифологии удмуртов, также отсылает к идее идеального устройства мира и гармоничного взаимодействия человека и природы: «“Калмез” – это одно из двух больших делений удмуртов на две группы, восходящее к тотемным названиям. Калмез, Каламиес, Калмеес, Калембер, Калапаев – это богатейшая информация о традиционных представлениях как удмуртов, так и других финно-угров об идеальном устройстве мира: человек – общество – природа...»²⁵.

²² Лобанов Ю. Н., Пушин А. В. Удому – внутренняя удмуртия. ньльдон кык – сорок два. URL: https://vk.com/wall-212373059_18 (дата обращения: 20.05.2024).

²³ Миннихметова Т. Г. Представляя образ идеального Будущего: этнофутуристические фестивали в Удмуртии // Инвожо. 2004. № 10. С. 93.

²⁴ Егит гондыр веме. Одомаа. Эрумаа. Калмез. Мушому. Тангыра. Идна. Ижевск : МарШак, 2002. С. 15.

²⁵ Там же. С. 40.

Фестиваль «Мушому» («Земля пчел», 2000 г.) посвящен образу пчелы в культуре и жизни финно-угорских народов. В качестве главного примера идеального общественного устройства выступали пчелиные семьи: «Пчелы традиционно ассоциируются с трудолюбием, дружной жизнью, большим числом. Это напоминает образ идеально организованного общественного устройства – семьи. <...> Пчела – один из главных конструируемых элементов идеального жизнеустройства финно-угров...»

Фестиваль «Тангыра» («Удмуртский там-там», 2001 г.) – о традиционных инструментах. Он несет в концепции идею создания идеального будущего под звуки традиционных инструментов: «Создадим образ идеально организованного мирового устройства под звуки вновь воссозданного удмуртского дымбыра, пу дымбыра, тангыры...»²⁶.

Таким образом, мы видим, как концепции фестивалей и деятельность этнофутуристов отражают идею «футуризма» и будущего своего народа, стремление к иному восприятию времени, утраченному идеальному мироустройству, образ которого был в традиционной культуре. Стоит отметить, что трактовка времени не перекликается с современным его пониманием, где его необходимо заново открывать, стремясь разрушить «старый мир», порой даже искусственно создавая «новую реальность». Удмуртские и финно-угорские этнофутуристы на основе представлений о традиционной модели мира хотят в своем творчестве переосмыслить современное понимание будущего, времени и пространства с учетом когда-то существующей идеальной модели.

Эти подходы этнофутуристов анализируются искусствоведами. В. О. Гартиг пишет: «По представлениям человека традиционной культуры мир организован гармонично: все движется, живет и умирает по стройно выработанным законам природы. Каждое сказанное слово имеет известное влияние на окружающую среду. Человек может расстроить это гармоничное течение жизни особо сказанным словом, магическим действием, острым взглядом, а может и восстановить утраченное равновесие. Именно на гармонизацию окружающего мира и направлено творчество этнофутуристов, уловивших негативные нотки современности»²⁷. Об обращении к циклическому времени в работах этнофутуристов упоминает музыковед М. Г. Ходырева: «... В моноспектаклях и перформансах Ю. Лобанова прослеживаются архаичные принципы драматургии обрядового цикла. Это *ostinato* – принцип повтора»²⁸.

О цели этнофутуристов создать идеальное мироустройство (хотя бы для своей культуры) как главной идее этнофутуристического движения говорится и в тексте манифеста удмуртских этнофутуристов «Манифест трех» 2003 г.: «Дерево этнофутуризма обязательно наполнит весь мир своим благоуханием; оно расцветет множеством неповторимых соцветий – полифонией Веры, Надежды, Любви»²⁹. Сторонники манифеста считали движение явлением, способным положительно повлиять на весь мир, наполнив его энергией добра и гармонии. Также в приведенной цитате прослеживается связь с архетипическим образом дерева – важным и близким символом для финно-угорской культуры. Согласно этому программному документу, этнофутуризм призван вести борьбу со злом, холодом и «лечить души».

В процессе интервью удмуртским этнофутуристам задавался вопрос, каким они, художники, видят идеальное будущее. Художник Ю. Н. Лобанов, ссылаясь на образ дерева, отметил: «Идеальное будущее мы видим в “Умпу Вапум” и в “Шудо Вапум”. Это в переводе на русский язык “Древо Сновидений в Золотом Веке Кылдысина”. В новой фантазмагорической трактовке этого Золотого века. Через стиль “пуан” и “этносталкинг” движемся по пути создания и постижения нашего психоделического эпоса “Умпу Вапум” как художественного проекта, построенного через сновидения» [ПМА, 2024].

²⁶ Там же. С. 60.

²⁷ Гартиг В. О. Творчество Кучыран Юри / Кучыран Юри (изоиздание). Ижевск : Удмуртия, 2010. С. 15.

²⁸ Ходырева М. Г. Перформанс – это художественный акт / Кучыран Юри (изоиздание). Ижевск : Удмуртия, 2010. С. 77.

²⁹ Лобанов Ю. Н., Ходырева М. Г., Прокопьев А. Н. Манифест трех // Инвожо. 2003. № 6–7. С. 32.

«Умпу вапум» («Время дерева сновидений») назывался и прошедший в 2023 г. в деревне Варавай 6-й этнофутуристический симпозиум, и снятая во время него первая часть полнометражного фильма. Вторая часть – «Шудо вапум» («счастливое время») – была снята во время симпозиума в августе 2024 г. По словам Ю. Н. Лобанова, этот фильм можно считать визуализацией представления этнофутуристов об идеальном будущем. В основе сюжета лежит путешествие трех странников, ищущих себя. В ходе странствия они выходят на территорию удмуртского мольбища *Булда*, где совершают определенные действия и молитвы, записанные Ю. Н. Лобановым со слов своего отца. Оба понятия «умпу вапум» и «шудо вапум» не имеют аналогов в удмуртском языке и придуманы самим художником. Понятие «шудо вапум» олицетворяет собственно «золотой век», но в придуманном художником термине намеренно не используется дословный перевод слова *зарни* (золотой), поскольку применяется иносказание как распространенный в удмуртской традиции прием. Примечательно, что словом «умпу» (дерево сновидений) назван и финно-угорский «шаманский оркестр», состоящий из участников этнофутуристических симпозиумов. В концепции симпозиума «Умпу вапум» отражен образ идеального мира и мирового дерева как части культуры и мифологии финно-угорских народов: «Все деревья планеты соединены между собой невидимой информационной паутиной. Они постоянно общаются. И в этом общении нет негативных вибраций. Мы – дети Леса, Рек и Родников. И деревья в наших лесах – это наши братья и сестры.

Творческие люди из Ижевска, Кезского района Удмуртии, Курска, Владивостока, Екатеринбургa, Москвы и Санкт-Петербурга творили в удмуртской деревне Варавай Якшур-Бодьинского района, получали удмуртские имена посвящения и передавали сокровенные мысли и сакральные песнопения деревьям. А они разносили их по всей планете!»³⁰

Таким образом, творческие приемы художников-этнофутуристов связаны с поиском идеального мира через «трансперсональное» путешествие и акции утопического «золотого века», который связывается с архетипическим образом дерева, а ключевую роль в этом поиске занимают сновидения. На важную роль сна как образа и приема этнофутуристов (или точнее – «первосна») указывал еще в 2004 г. поэт-этнофутурист, литературовед В. Л. Шибанов в статье «Этнофутуризм как могильщик постмодернизма». Говоря о том, что этнофутуризм способен стать своеобразным выходом из постмодернистского тупика, В. Л. Шибанов отталкивался от психоаналитической теории культуры философа И. Смирнова и связывал понятие «первосон» (туманная психика еще не родившегося ребенка, но уже воспринимающего мир в сознании) с архаико-мифологическим сознанием: «...если развитие мирового искусства на самом деле напоминает развитие психики младенца, то следующей фазой развития литературы и искусства должен стать так называемый “первосон”, так или иначе соотносимый с этнофутуризмом»³¹.

Однако описание и стремление к идеальному мироустройству не является единственным возможным вариантом в удмуртской культуре. Встречается описание негативного эсхатологического сценария будущего, пример – финальная 10-я песнь «Будущие времена» удмуртского эпоса. Финал эпоса описывает измельчение и вырождение человечества в будущем, где на смену мифическим великанам *зэрпалам* придут люди, названные в эпосе «пыжиками»:

«Впереди еще мрачнее,
будет новая порода
с муравьев те люди ростом.
“Пыжики” их имя будет.
Приподнять с земли былинку
семеро с трудом возьмутся,

³⁰ Лобанов Ю. Н. Умпу вапум. URL: https://vk.com/wall479355603_2359 (дата обращения: 20.05.2024).

³¹ Шибанов В. Л. Этнофутуризм как могильщик постмодернизма // Инвожо. 2004. № 10. С. 23. EDN: ZRXXHR

пыжась еле через силу.
 Их конями мыши будут.
 Морды пыжиков свиные,
 с длинной пастью безобразной.
 Так погибнет постепенно человечья вся порода»³².

Впервые текст этой песни был опубликован в 1994 г. в книге «Под тенью зэрпала», соавтором которой был поэт-этнофутурист В. Л. Шибанов³³. Для произведений и героев писателей-этнофутуристов характерна тема неопределенности будущего, неприятия городского уклада, стремление уйти от реальности жизни и др. Этот взгляд на будущее отличает этнофутуристов-писателей от этнофутуристов-художников, хотя и те и другие опираются в творчестве на народную мифологию и постмодернизм. О подходе писателей к идее будущего литературовед А. А. Арзамазов пишет так: «Современную литературу можно рассматривать как систему этнического понимания перехода из прошлого в будущее посредством настоящего. Автор трансформирует и модернизирует миф (М. Федотов “Вось”, В. Ар-Серги “Таяз ярдурын”, П. Захаров “Вож выж”). Мифический взгляд в будущее из прошлого – то, что объединяет этих поэтов и их книги»³⁴. Снова обратимся к анализу работ В. Е. Владыкина, который также является и известным поэтом, всегда близко стоящим к движению этнофутуризма, оказавшему на него влияние:

«Будущее – таинственно-загадочное, одновременно далекое и близкое, но всегда дорогое. Удмуртское будущее – это мечта, окрыленная надеждой, доброе, греющее три зимы слово. Не идиллия, не сказка, но душевное спокойствие, вдохновенно талантливое умение жить. Однако иногда в сердце закрадывается чувство глубокой тревоги:

Мой народ все еще очень беден,
 Но у него уже есть богатое прошлое.
 А будущее?»³⁵

Как мы видим, вопрос об «удмуртском будущем» остается открытым, актуальным и для творческих поисков этнофутуристов.

Заключение

В традиционной культуре удмуртов существовали разные представления о будущем и способы его прогнозирования посредством магических действий, обрядов, молитв-куриськон, утопических картин идеального мира в фольклорных произведениях и мифологии. Это отражало традиционное восприятие картины мира с моделью будущего и цикличным временем. Этнофутуристы в своем творчестве используют в основном эти отчасти утраченные народные представления, пытаются воссоздать их в работах, стремятся с помощью движения к созданию (воссозданию) идеального мироустройства в будущем, опираясь на его образ в фольклоре или представляя таким идеальным будущим возврат к традиционному удмуртскому обществу и культуре в противовес современности.

Художники-этнофутуристы позиционируют себя в роли *туно* – удмуртского шамана, способного предвидеть будущее. Концепции этнофутуристических фестивалей и выставок связываются с образом идеального мироустройства согласно удмуртской народной традиции: это гармония человека и природы, общественное и семейное устройство, утопия о «Золотом веке» *Кылдысина*. В перформансах также используются традиционные молитвы-куриськон. Отметим, что в своих манифестах этнофутуристы определяют идеальное будущее через образ дерева сновидений, возвращение к «Золотому веку» верховного бога и творца, к народным утопическим представлениям.

Однако кроме позитивного сценария и картины будущего существует и его негативный образ, который отражен в последней главе удмуртского эпоса, повествующей о конце

³² Век Кылдысина = Кылдысинлэн даурез. Ижевск : Удмуртия, 2008. С. 103. EDN: SHJRFN

³³ Васильев С. Ф., Шибанов В. Л. Под тенью зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1997. Т. 1. 304 с. EDN: ZROJYZ

³⁴ Арзамазов А. А. Эскизы. С. 44–45.

³⁵ Там же. С. 31.

света и вырождении человечества. В негативном ключе предстает иногда будущее в произведениях удмуртских писателей и поэтов-этнофутуристов, так выражается их рефлексия о судьбе народа и его культуры.

В ходе проведенного исследования удалось выявить различные примеры традиционных представлений удмуртов о будущем и проследить воплощение некоторых из них в деятельности современных удмуртских художников-этнофутуристов. Эта тема, по нашему мнению, открывает широкие перспективы для дальнейшего исследования смыслов и основ, причин возникновения, развития и актуальности этнофутуристического движения не только у удмуртов, но и у других финно-угорских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прохоренко И. М. Этнофутуризм и футуризм: к вопросу отсутствия преемственности между явлениями // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 63–1. С. 264–268. EDN: **LTHAKR**
2. Алексеева Т. П. Фольклоризм в неопрimitивизме русского авангарда первых десятилетий XX века // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 5–25. <https://doi.org/10.17223/22220836/24/1>
3. Савельева Т. В. Народная футурология: будущее в прошлом // Горизонты цивилизации. 2014. № 5. С. 242–254. URL: <https://clck.ru/3F3PNh> (дата обращения: 07.07.2024).
4. Гузенкова Т. С. Будущее как предмет антропологии // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2018. № 11. С. 17–34. URL: <https://clck.ru/3F3Q2J> (дата обращения: 07.07.2024).
5. Шведова И. В. Понимание времени в традиционной народной культуре и актуальных этнокультурных практиках (Опыт герменевтической реконструкции) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2018. Т. 4, № 4. С. 67–75. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2018-4-4-0-6>
6. Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Этнокультурный контекст представлений удмуртов о времени // Традиционная культура. 2013. Т. 14, № 1. С. 110–117. URL: <https://clck.ru/3F3Rp6> (дата обращения: 07.07.2024).
7. Владыкина Т. Г., Глухова Г. А., Панина Т. И. Удмуртский народный календарь и сельский социум // Научный диалог. 2017. № 10. С. 149–169. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-10-149-169>
8. Миннихметова Т. Г. О некоторых особенностях ориентации во времени и пространстве // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, № 3. С. 56–61. URL: <https://clck.ru/3F3Vet> (дата обращения: 22.06.2024).
9. Вельм И. М. Миф и мифологическое мышление в структуре этнического менталитета (на примере удмуртского этноса) // Мир психологии. 2003. № 3 (35). С. 119–131.
10. Арзамазов А. А. Художественные контексты будущего времени в поэзии Петра Захарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 5. С. 42–46. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.9>
11. Шибанов В. Л. Этнофутуризм: между архаическим мифом и европейским постмодернизмом // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2007. № 1. С. 163–168. EDN: **IAPZYH**
12. Шутова Н. И. Удмуртские знающие/гадатели туно в конце XVIII–XX веках: способности, функции, социальный статус // Традиционная культура. 2017. Т. 18, № 2. С. 67–78. URL: <https://clck.ru/3F3XXb> (дата обращения: 22.06.2024).

REFERENCES

1. Prokhorenko I.M. Ethnofuturism and Futurism: Absence of Continuity between the Phenomena. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008;(63–1):264–268. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **LTHAKR**
2. Alekseeva T.P. Folklorism and Neoprimativism of Russian Avant-Garde in the First Decades of the XX Century. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2016;(4):5–25. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/22220836/24/1>
3. Savelieva T.V. National Futurology: The Future in the Past. *Gorizonty Tsivilizatsii*. 2014;(5):242–254. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3F3PNh> (accessed 07.07.2024).
4. Guzenkova T.S. The Future as a Subject of Anthropology. *History Studies. Journal of the History Faculty of Lomonosov Moscow State University*. 2018;(11):17–34. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3F3Q2J> (accessed 07.07.2024).

5. Shvedova I.V. Understanding of Time in Traditional Ethnic Culture and Modern Ethnocultural Practices (The Experience of Hermeneutic Reconstruction). *Research Result. Social Studies and Humanities*. 2018;4(4):67–75. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2018-4-4-0-6>
6. Vladykina T.G., Gluchova G.A. Ethnocultural Context of Udmurts Concept of Time (Calendar). *Traditional Culture*. 2013;14(1):110–117. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3F3Rp6> (accessed 07.07.2024).
7. Vladykina T.G., Glukhova G.A., Panina T.I. Udmurt Folk Calendar and Rural Society. *Nauchnyj dialog*. 2017;(10):149–169. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-10-149-169>
8. Minniyakhmetova T.G. On Some Particular Features of Orientation in Time and Space. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2016;10(3):56–61. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3F3Vet> (accessed 22.06.2024).
9. Velm I.M. [Myth and Mythological Thinking in the Structure of Ethnic Mentality (On the Example of the Udmurt Ethnos)]. *Mir psihologii*. 2003;(3):119–131. (In Russ.)
10. Arzamazov A.A. Artistic Contexts of the Future Tense in Pyotr Zakharov's Poetry. *Philology. Theory & Practice*. 2019;12(5):42–46. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.9>
11. Shibanov V.L. Ethnofuturism: Between Archaic Myth and European Postmodernism. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. 2007;(1):163–168. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: IAPZYH
12. Shutova N.I. Udmurt Magicians/Fortune-Tellers Tuno in the Late 18th – the 20th Centuries: Abilities, Functions, Social Status. *Traditional Culture*. 2017;18(2):67–78. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3F3XXb> (accessed 22.06.2024).

Информация об авторе:

Анфиногенов Богдан Витальевич, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института национального образования (426051, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. М. Горького, д. 73), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0861-3504>, SPIN-код: 2500-6460, bogdananf@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 26.08.2024; одобрена после рецензирования 13.09.2024; принята к публикации 21.10.2024.

Information about the author:

Bogdan V. Anfinogenov, Junior Researcher, Research Institute of National Education (73 M. Gorky St., Izhevsk 426051, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0861-3504>, SPIN-code: 2500-6460, bogdananf@mail.ru

Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 26.08.2024; revised 13.09.2024; accepted 21.10.2024.

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ / EVENTS, PEOPLE, BOOKS

EDN: <https://elibrary.ru/nsvdsx>

УДК / UDC 81'23

Памяти Э. С. Киуру – ученого и переводчика (к 95-летию со дня рождения)

В. П. Миронова

*Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация*

✉ tutkija@mail.ru

In Memory of E. S. Kiuru – Scholar and Translator (on the 95th Anniversary of His Birth)

V. P. Mironova

*Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian
Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation*

✉ tutkija@mail.ru

Финансирование: Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№124022000077-1).

Funding: The financial support for the research was carried fulfillment of the state order (№124022000077-1).

Эйно Семенович Киуру (1929–2015) – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, фольклорист, переводчик. Его имя вошло в историю советской, российской и карельской фольклористики как ученого, всецело посвятившего себя изучению и популяризации прибалтийско-финского фольклора, в первую очередь – эпической поэзии ингерманландских финнов и карелов. Кроме того, он уделил огромное внимание исследованию эпической поэмы Элиаса Леннрота «Калевала», не только подготовив новые переводы всемирно известного памятника литературы, но и подвергнув скрупулезному анализу сюжет этого произведения в контексте народной традиции.

Выходец из небольшой ингерманландской деревни¹, испытавший на себе тяготы коллективизации, Великой Отечественной войны и высылку в Сибирь, Эйно Семенович на протяжении многих лет стремился получать новые знания. После войны семья Киуру переехала в Карелию и обосновалась в г. Сортавала, где в течение 1946–1949 гг. Эйно Семенович учился в Сортавальском финансовом техникуме. Проработав некоторое время по полученной специальности, в 1953 г. в возрасте 24 лет он поступил в Петрозаводский государственный университет на финно-угорское отделение фило-

¹ Ингерманландией считается территория на западе Ленинградской области, которая издавна была населена водью, ижорой и ингерманландскими финнами, относящимися к прибалтийско-финской языковой группе.

логического факультета. После окончания высшего учебного заведения начал свою трудовую деятельность в качестве журналиста в одной из республиканских газет, а в 1961 г. Эйно Семенович поступил в аспирантуру Института языка, литературы и истории Карело-Финского филиала Академии наук СССР (далее – ИЯЛИ)². Тема его диссертационного исследования «Народно-поэтические истоки литературы Карелии», выполненная под руководством доктора филологических наук, профессора П. С. Выходцева, было посвящена поиску фольклорной основы в литературе карельских писателей 1920–1930 гг. Работа, осуществленная на стыке двух областей науки: литературоведения и фольклористики, предполагала проведение анализа прозы и поэзии авторов указанного периода в соотношении с сюжетами эпической поэмы «Калевала», а также карельской устной поэзией³. Обсудив диссертацию на заседаниях сектора литературы и народного творчества Ученого совета ИЯЛИ летом 1965 года, коллеги пришли к выводу, что Эйно Семеновичу удалось полностью раскрыть тему исследования. Во время обучения в аспирантуре он продемонстрировал способности к научной работе⁴, проявил себя в первую очередь в анализе финского фольклора⁵ и, следовательно, мог в будущем «принести определенную пользу при выполнении планов Института»⁶.

В конце 1965 г. Эйно Семенович поступил на работу в сектор литературы и народного творчества ИЯЛИ. Сотрудники отдела, среди которых были как литературоведы (к примеру, Э. Г. Карху), так и фольклористы (В. Я. Евсеев), поставили молодого сотрудника, на наш взгляд, перед сложным выбором первой исследовательской темы. В ходе дискуссий с коллегами предпочтение было отдано изучению фольклора, причем Эйно Семеновичу предложили заниматься малоизученной ингерманландской традицией⁷. На первоначальном этапе необходимо было ознакомиться с имеющимися архивными материалами, дополнить данную коллекцию собственными записями и определить характер возможного научного сборника⁸.

По мнению опытных коллег, изучение текстов народной поэзии также должно было способствовать окончательной подготовке диссертации и написанию монографии на ее основе. Следует отметить, что диссертационная работа была успешно защищена в 1966 г. в Петрозаводске, а одноименная монография так и не вышла в свет.

С 1965 г. Эйно Семенович полностью погрузился в фольклорный материал: изучил все ингерманландские рукописные коллекции в Научном архиве, прослушал и частично расшифровал аудиозаписи, хранящиеся в кабинете звукозаписи ИЯЛИ. Вместе с этим он сам начал активно работать с информантами, владеющими ингерманландским диалектом финского языка. Первоначально он проводил звуковые фиксации в г. Петрозаводске среди своих знакомых, позже неоднократно выезжал в ижорские и ингерманландские поселения Ленинградской области, а также Эстонской ССР.

К началу 1966 г. был сформирован план научно-исследовательских работ, проводимых ИЯЛИ, в число готовящихся изданий был включен и сборник под рабочим названием «Фольклор финнов Ленинградской области», составителем которого значился Э. С. Киуру⁹.

Работа молодого исследователя хорошо вписывалась в общие планы карельских фольклористов, которые в течение 1960-х гг. активно готовили издания по устному

² Миронова В. П. Эйно Семеновичу Киуру, фольклористу и переводчику – 85 лет // Труды Карельского научного центра РАН, 2014. № 3. С. 171–172.

³ Киуру Э. С. Народно-поэтические истоки литературы Карелии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 1966. 15 с.

⁴ Научный архив Карельского научного центра РАН (далее – НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 44. Д. 96. Л. 37.

⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 44. Д. 96. Л. 38.

⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 44. Д. 96. Л. 37.

⁷ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 44. Д. 96. Л. 37.

⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 44. Д. 96. Л. 37.

⁹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 44. Д. 154. Л. 13.

народному творчеству карелов. В тот период были опубликованы песенные сборники, сборники сказок, эпических песен и т. д. Однако в секторе литературы и народного творчества неоднократно высказывалось предложение об издании серии публикаций фольклора других прибалтийско-финских народов, в частности вепсов, ижор, ингерманландцев¹⁰. Э. С. Киуру работал над сборником в течение девяти лет – такой длительный срок подготовки был обусловлен большим объемом выявленного материала, требующего расшифровки, перевода, систематизации и отбора текстов. В ходе промежуточных обсуждений было решено разделить рукопись на два отдельных тома: в первый вошли бы песенные жанры, во второй – прозаические тексты. Однако даже уменьшение объема не позволило Э. С. Киуру самостоятельно продолжить работу. Возможно, сказалась неопытность составителя, ведь для него это была первая плановая тема. Решением сектора к подготовке сборника подключились и другие сотрудники отдела, в частности Э. П. Кюльмасуу, занявшаяся в основном переводом текстов, а также Т. А. Коски, подготовившая нотные расшифровки. Научное издание «Народные песни Ингерманландии» увидело свет в 1974 г.¹¹ В рецензии на сборник коллега по сектору Н. А. Лавонен отмечала, что «это не только первое научное издание народной поэзии ижор и ингерманландцев, но и первая большая работа ее составителей, которая ввела в финно-угорскую фольклористику новый ценный материал по народной поэзии»¹². Книга остается востребованной и в наши дни, переиздание сборника было осуществлено в 2020 г.¹³

Полевые исследования оказали огромное влияние на формирование Э. С. Киуру как фольклориста. Во время поездки в Кингисеппский район он встретился с талантливыми хранительницами народной ижорской поэзии М. Е. Никитиной и М. Кондратьевой, которые познакомили молодого ученого с самобытной свадебной традицией. «Сколько же в их памяти было чудесных свадебных песен, содержащих целую картину красочного старинного свадебного обряда», – писал Э. С. Киуру, резюмируя свои исследования¹⁴. Вероятно, именно эти находки вызвали интерес к изучению одного из важнейших семейных обрядов. Вместе с подготовкой сборника Э. С. Киуру начиная с 1971 г. приступил к разработке новой темы. Первоначально она планировалась в качестве монографического изыскания «Фольклорно-этнографическое исследование ингерманландской свадьбы», позже было решено составить сборник с обширной вступительной статьей под названием «Ингерманландская свадьба. Обряд и свадебная поэзия». Ученого интересовало не столько рассмотрение обряда в контексте оформлявших его фольклорных жанров, сколько текстологический анализ, а именно семантика метафорических замен¹⁵ и изменения стиля традиционной свадебной песни «калевальского размера» под влиянием поздних жанров, в частности рифмованных песен¹⁶. Отметим, что в это же время изучением свадебной традиции занимались и другие сотрудники сектора: А. П. Разумова рассматривала русскую свадьбу Карельского Поморья, Ю. Ю. Сурхаско готовил этнографическое описание свадебного обряда карелов.

В период с 1973 по 1980 г. Э. С. Киуру занимался научными разысканиями попутно с работой ученым секретарем Президиума Карельского филиала Академии

¹⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 44. Д. 166. Л. 33.

¹¹ Народные песни Ингерманландии // сост. Э. С. Киуру, Э. П. Кемппинен, Т. А. Коски. Ленинград : Наука, 1976. 516 с.

¹² Лавонен Н. А. Народные песни Ингерманландии // Советская этнография. 1976. № 6. С. 156–157.

¹³ Народные песни Ингерманландии // сост. Э. С. Киуру, Э. П. Кемппинен, Т. А. Коски. 2-е изд. подгот. В. П. Миронова, Н. Л. Шибанова. Петрозаводск : Изд-во «ИП Барбашина Е. А.», 2020. 448 с.

¹⁴ Киуру Э. С. В поисках древних песен // Север. 1973. № 12. С. 115.

¹⁵ Киуру Э. С. Отражение матрилинейного счета родства в ижорских причитаниях // Советская этнография, 1975. № 4. С. 103–109.

¹⁶ Киуру Э. С. К проблеме смены поэтических стилей в свадебных песнях Ингерманландии // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 108–122; Киуру Э. С. О взаимодействии причети и лирической песни // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1980. С. 101–112.

наук СССР. Вернувшись в ИЯЛИ, он обратился к новой теме: в центре его внимания оказалась прибалтийско-финская руническая традиция. Еще во время экспедиций в Ингерманландию Киуру отмечал, что его прежде всего интересовали эпические песни¹⁷. Из всего круга бытовавших сюжетов исследователь остановился на одном из самых распространенных – поиске жены, рассматривая его на основе многочисленных вариантов в обрядовом контексте ижорской¹⁸, карельской¹⁹ и русской традиций²⁰. Результаты проделанной работы стали основой его единственной самостоятельной монографии «Тема добывания жены в эпических рунах»²¹, осуществленной на анализе севернокарельских эпических песен. Он обращался к этой теме и после выхода книги, резюмируя новые материалы²².

Знакомство с рунической традицией Северной Карелии и ее искусными рунопевцами открыли Э. С. Киуру новые возможности для исследований. Внимание ученого привлекла личность Архиппа Перттунена, творчество которого оказало огромное влияние на Элиаса Леннрота и формирование окончательного варианта «Калевалы»²³. По мнению ученого, наследие выдающего рунопевца и его потомков было недостаточно изучено, необходимо было восполнить пробел, и для решения этой задачи Э. С. Киуру совместно с коллегой Н. А. Лавонен ввели в научный оборот записанные от сказителя карельские руны, подготовив сборник «Рода нашего напевы: Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов»²⁴. Позже Э. С. Киуру неоднократно выступал на различных научных и научно-практических конференциях, доказывая значимость Архиппа Перттунена в процессе подготовки «Калевалы»²⁵. Фольклорное наследие рода Перттуненов было издано повторно в качестве новой книги²⁶. Изучение творчества талантливого сказителя побудило Э. С. Киуру обратиться к проблеме Сампо²⁷, цикл о котором в 1834 г. был записан именно от этого рунопевца.

В конце 1980-х гг. исследователь несколько лет работал над составлением антологии по ингерманландской эпической поэзии²⁸, попутно рассматривая некоторые сюжеты этой малоизученной в отечественной фольклористике традиции²⁹. Основной целью научного сборника было представление наследия рунопения исследуемого региона. Автор отобрал для книги тексты с учетом их полноты и контаминационного разнообразия, представив варианты эпических песен, начиная с конца XIX в. К изучению ингерманландской устно-поэтической традиции Э. С. Киуру

¹⁷ Киуру Э. С. В поисках древних песен // Север. 1973. № 12. С. 116.

¹⁸ Киуру Э. С. Мотивы сватовства и добывания жены в свадебной поэзии и эпических рунах ижоров // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1983. С. 22–38; Киуру Э. С. Мотивы брачных испытаний в рунах о сватовстве // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1989. С. 108–136.

¹⁹ Киуру Э. С. Отражение архаических брачных обычаев в рунах о Лемминкяйнене // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 139–157.

²⁰ Киуру Э. С. О взаимодействии карело-финского и русского эпосов на уровне мифологических мотивов : Препринт доклада на заседании Президиума Карельского филиала АН СССР 10 октября 1989 г. Петрозаводск, 1989. 24 с.; Киуру Э. С. «Сватовство Коенена» и русская былина «Иван Гоудинович» // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 74–97.

²¹ Киуру Э. С. Тема добывания жены в эпических рунах. Петрозаводск, 1993. 131 с.

²² Киуру Э. С. Руны о сватовстве // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1998. Вып. 10. С. 5–13.

²³ Киуру Э. С. Архиппа Перттунен и «Калевала» // Север. 1984. № 11. С. 95–100.

²⁴ Рода нашего напевы. Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов / сост. Э. С. Киуру и Н. А. Лавонен. Петрозаводск : Карелия, 1985. 269 с.

²⁵ Киуру Э. С. Архиппа Перттунен и «Калевала» // Беломорская Карелия: история и перспективы развития : мат-лы науч.-практ. конф. в пос. Калевала 18 ноября 1999 г. Петрозаводск, 2000. С. 37–39; Киуру Э. С. Творчество Архиппы Перттунена и «Калевала» // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Петрозаводск, 2000. С. 101–106.

²⁶ Ладвозерские рунопевцы: руны, записанные от Архиппа и Мийхкали Перттуненов / ред. Маркку Ниеминен; пер. Э. Киуру, А. Мишина. Петрозаводск : Карелия; Finland : Juminkeko, 2008.

²⁷ Киуру Э. С. Становление образа Сампо в творческом сознании Э. Леннрота // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 43–65.

²⁸ Ингерманландская эпическая поэзия: Антология // сост., вступ. статья, коммент. и пер. Э. С. Киуру. Петрозаводск : Карелия, 1990. 246 с.

²⁹ Киуру Э. С. Ижорская руна о добывании небесных светил // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1987. С. 18–37.

обращался на протяжении всей научной карьеры, это было данью уважения к своей малой родине и родному народу³⁰.

Практически каждый карельский фольклорист занимался изучением «Калевалы» или привлекал это литературное произведение в качестве сравнительного материала. К этой теме обратились и Э. С. Киуру совместно со своим коллегой А. И. Мишиным, решившие скрупулезно изучить памятник литературы через его перевод. На сегодняшний день наиболее известным как в научных кругах, так и у широкой аудитории является перевод «Калевалы», выполненный Л. П. Бельским. Авторы подготовили новый вариант русскоязычного текста, в котором стремились представить наиболее близкий к оригиналу перевод с учетом фольклорных и этнографических реалий. Нововведением было также определение функции Элиаса Леннрота как автора эпической поэмы, созданной на основе древних карельских и финских народных песен. Для удобства читателей и исследователей они посчитали возможным представить текст оригинала «Калевалы» параллельно с русским переводом. Работа осуществлялась в течение шести лет, первые результаты были опубликованы на страницах литературно-художественного журнала «Север»³¹. В 1998 г. свет увидел полный вариант «Калевалы» в новой редакции³², через год – его сокращенный вариант³³. В различных редакциях с иллюстрациями многих художников перевод «Калевалы», выполненный Э. С. Киуру и А. И. Мишиным, выходил в свет в течение многих лет в различных издательствах³⁴. Работа вызвала большой интерес и полемику в научных кругах³⁵. Возможно, сравнительный анализ канонического перевода Л. П. Бельского и нового варианта позволил бы дать должную оценку проделанной работе.

Глубокий анализ «Калевалы» дал толчок новым темам исследования и новым выводам. Э. С. Киуру рассматривал композицию памятника литературы³⁶ и более подробно с коллегой А. И. Мишиным остановился на поиске его фольклорных источников. Позже была подготовлена совместная монография³⁷. В книге авторы впервые в отечественной науке описали процесс работы Элиаса Леннрота с произведениями устного народного творчества карелов и финнов.

В последние годы работы в ИЯЛИ Э. С. Киуру активно занимался популяризацией «Калевалы», а также прибалтийско-финской народной поэзией в целом³⁸.

За большой вклад в изучение национального фольклора, активное участие в общественной жизни Эйна Семенович Киуру удостоен почетных званий «Заслуженный работник культуры Республики Карелия», «Лауреат Республики Карелия» (1999), «Лауреат города Петрозаводска» (1996), «Лауреат премии

³⁰ Киуру Э. С. Очерк культуры российских финнов // Финны в России: история, культура, судьбы : сб. науч. ст. Петрозаводск, 1998. С. 44–62; Киуру Э. С. Из истории собирания фольклора и Ингерманландии // Этнопоэтика и традиция. М., 2004. С. 178–189.

³¹ Киуру Э. С. «Калевала»: песнь пятнадцатая // Север. 1992. № 11–12. С. 123–129.

³² Леннрот Э. Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен // пер. на рус. яз. А. Мишина, Э. Киуру. Петрозаводск : Карелия, 1998. 583 с.

³³ Леннрот Э. Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен : сокр. вариант / композиция и пер. на рус. яз. А. Мишина, Э. Киуру. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского университета, 1999. 261 с.

³⁴ Имена в истории Карелии [Электронный ресурс]. URL: https://imena.karelia.ru/persony/n_persones189/ (дата обращения: 30.09.2024).

³⁵ Киуру Э. С. Перевод подвел // Живая старина. 2004. № 3. С. 57–58. (Обзоры и рецензии). Рец. на кн.: Тарланов З. К. Герои и эпическая география былин и «Калевалы». Петрозаводск, 2002; Тарланов З. К. «Калевала» Леннрота – Бельского и местечковое табу: полемика [с фольклористом и переводчиком эпоса Э. Киуру, автором публикации «Перевод подвел», напечатанной в журнале № 1/2 за 2004 г.] // Север. 2004. № 5/6. С. 202–208.

³⁶ Киуру Э. С. О композиции «Калевалы» // Важнейшие результаты научных исследований Карельского научного центра РАН (1994–1999). Петрозаводск, 1999. С.138–139.

³⁷ Киуру Э. С., Мишин А. И. Фольклорные истоки «Калевалы». Петрозаводск : ПетрГУ, 2001. 246 с.

³⁸ Киуру Э. С. «Калевала» и национальная культура Карелии // Карелия: эпическая туристская программа «Калевала» : сб. докл. и тез. М., 2002. С. 42–44; Киуру Э. С. Эпические песни и «Калевала» // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 286–293.

Председателя Правительства Республики Карелия «Сампо» (1999). Ученый награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени.

Всю свою научную деятельность Э. С. Киуру посвятил собиранию и изучению фольклора. Он, став автором ряда сборников, не только ввел в научный оборот новый фольклорный материал, но и впервые представил малоизвестную ингерманландскую традицию. Кроме того, вместе со своими коллегами обратил внимание на творчество искусного карельского рунопевца Архиппа Перттунена. Э. С. Киуру стал автором монографий и целой серии статей, посвященных различным проблемам ингерманландской и карельской фольклористики. Ученый внес огромный вклад в изучение «Калевалы» и его популяризации. Только благодаря усилиям Э. С. Киуру и А. И. Мишина в течение 1998–2015 гг. эпическая поэма в различных редакциях выходила в свет более десяти раз.

В Научном архиве КарНЦ РАН до настоящего времени хранятся рукописи неизданных работ Эйно Семеновича Киуру, в том числе по ингерманландской свадебной традиции. Несомненно, эти материалы являются достойной частью научного наследия автора и нуждаются в публикации.

Информация об авторе:

Миронова Валентина Петровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6310-5561>, SPIN-код: 5058-0427, tutkija@mail.ru

Information about the author:

Valentina P. Mironova, Cand.Sci. (Philol.), Senior Research Fellow, Folklore and Literary Studies Sector (with a Phonogram Archive), Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6310-5561>, SPIN-code: 5058-0427, tutkija@mail.ru

EDN: <https://elibrary.ru/pwoipf>

УДК / UDC 78:2-265.3=511.152(02)(049.32)

Сокровища мордовского музыкального эпоса

О. А. Пашина

*Государственный институт искусствознания,
г. Москва, Российская Федерация*

✉ opash@sias.ru

Рецензия на книгу: Бояркин Н. И., Бояркина Л. Б. Мордовский музыкальный эпос. Полевые исследования. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2024. 500 с.

Treasures of the Mordovian musical epic

O. A. Pashina

*The State Institute for Art Studies,
Moscow, Russian Federation*

✉ opash@sias.ru

Book review: Boyarkin N.I., Boyarkina L.B. [The Mordovian Musical Epic. Field Research]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta; 2024. 500 p.

Очередной фундаментальный труд Николая Ивановича и Людмилы Борисовны Бояркиных – всегда праздник для этномузкологов и финно-угроведов и образец научной добросовестности, которому хочется следовать. Сборник, подготовленный на основе ценнейших полевых материалов авторов, которому предшествует блестяще проведенное исследование, включает в себя тщательно отобранные уникальные образцы мордовского музыкального эпоса. Эпические песни убедительно классифицированы авторами в соответствии с мифологическими мотивами, а их последовательность логически обоснована. Нотные транскрипции эпических песен, большая часть которых – партитурные, сделанные с многоканальных записей, выполнены на высочайшем профессиональном уровне и даны в аналитической графике, отражающей структуру как напева, так и поэтического текста. Переложения для трех голосов, помещенные под строками партитуры, с одной стороны, позволяют лучше понять строение многоголосной фактуры, а с другой – имеют важное практическое значение, поскольку могут быть использованы фольклорными коллективами при освоении мордовской песенной традиции. Поэтические тексты песен даны на языке оригинала и в переводе на русский язык, что позволяет широкому кругу исследователей и людей, интересующихся мордовской народной культурой, познакомиться с их содержанием, связанным с мифологическими представлениями народа и отражающим разные этапы их исторического развития. Важно и то, что поэтические тексты помещены именно в том виде, в каком они распеты, и с учетом особенностей мордовских говоров. Кроме того, авторами предельно деликатно и без потери национальной специфики выполнены переводы песенных текстов на русский язык.

Высочайший научный уровень публикации проявляется и в сопровождающем ее научном аппарате: комментариях к песням с точной их документацией, библиографии каждого из песенных вариантов, указателях исполнителей и населенных пунктов, где производились записи, а также полезных образно-тематических указателей. Непреходящей ценностью обладает составленный авторами этнолингвистический словарь, включающий объяснение на основе высказываний самих носителей традиции таких понятий и терминов, которые не имеют аналогов в русском языке, и, по сути, показывающий глубоко своеобразное осмысление народом музыки как особого искусства.

Считаем, что публикация этого фундаментального и образцового по исполнению труда внесет огромный вклад не только в науку, но и в культуру нашей страны, обогатив ее бесценными сокровищами народного творчества мордовского народа.

Информация об авторе:

Пашина Ольга Алексеевна, доктор искусствоведения, ученый секретарь Государственного института искусствознания (125375, Российская Федерация, г. Москва, пер. Козицкий, д. 5), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4189-5835>, SPIN-код: 3630-7405, opash@sias.ru

Information about the author:

Olga A. Pashina, Dr.Sci. (Arts), Academic Secretary, The State Institute for Art Studies (5 Kozitsky Lane, Moscow 125375, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4189-5835>, SPIN-code: 3630-7405, opash@sias.ru

Образование мордовской автономии в составе России

В. К. Абрамов

Независимый исследователь

✉ abramovvk@mail.ru

Formation of the Mordovian Autonomy within Russia

V. K. Abramov

Independent Researcher

✉ abramovvk@mail.ru

В декабре 2024 – январе 2025 г. мордовский народ празднует две важнейшие даты своего национально-государственного строительства, произошедшего в XX в., – образование Мордовской Автономной области в составе Средневожского края и Мордовской республики (АССР) в составе России (РСФСР). Возрождение мордовской государственности, утраченной еще в XIII в. во время монгольского нашествия, явилось следствием взаимодействия двух процессов. С одной стороны, центральные партийные и советские органы формировали административно-политическую систему для реализации общегосударственной национальной политики, а с другой – деятельность активной части мордовского народа придавала ее элементам конкретную национальную форму. Одним из первых законодательных документов пришедших к власти большевиков явилась Декларация прав народов России, опубликованная 3 ноября 1917 г. в «Правде», где, в частности, провозглашалось «... право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»¹. Следующим актом стала принятая III съездом Советов в январе 1918 г. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», объявившая Россию Федерацией Советских национальных республик на основе свободного союза наций. Для реализации национальной политики создавались соответствующие органы. В начале 1919 г. в Правительстве РСФСР функционировало 18 отделов, занимавшихся делами крупнейших национальностей страны. В их числе был и Мордовский отдел (впоследствии подотдел), учрежденный постановлением Наркомнаца от 7 февраля 1919 г.², однако какой-либо практической деятельности этого отдела до 1921 г. исследователям не удалось заметить³. И дальнейшие события показали, что люди, направленные для работы в данный орган, оказались не на уровне стоящих перед ними ответственных задач⁴.

Национальная политика РКП(б)-ВКП(б) предусматривала различные формы автономии для большинства народов страны, она явилась главной предпосылкой воссоздания мордовской государственности. Уже в ходе Гражданской войны в представительные органы уездов и губерний поступали требования различных групп населения создать

¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 40; 68–80; 85.

² Образование Мордовской АССР: Документы и материалы. Саранск, 1981. № 6. С. 33.

³ Васькин И. А. Национальное возрождение мордовского народа. Саранск, 1956. С. 64.

⁴ Абрамов В. К. Мордовское национальное движение. Саранск, 2007. С. 94–95.

мордовскую автономию, на которые те должны были отвечать введением уездных национальных отделов. 5 мая 1918 г. в г. Алатырь Симбирской губернии состоялся районный съезд граждан мордовской национальности. На нем впервые был официально поставлен вопрос о мордовской автономии. Съезд также «высказал пожелание организовать мордовские отделы в тех уездах, где мордва составляет не менее 25 процентов населения. Симбирский губком партии рассмотрел решение съезда и в скором времени при Алатырском и Ардатовском уисполкомах образовал мордовские отделы»⁵. Серьезным препятствием для дальнейшей реализации национальной идеи стали дисперсное расселение мордовского народа и невысокий уровень организации национальной интеллигенции. В основном эти обстоятельства не позволили добиться создания мордовской автономии в конце Гражданской войны или в начале НЭПа, когда рыночные отношения порождали определенную экономическую самостоятельность регионов, а поддержка деревни государством обеспечивала неплохие социально-экономические условия для аграрных областей. Таким образом, нарождающаяся мордовская автономия, в отличие от автономий наших ближайших соседей, не получила времени для более спокойного социально-экономического строительства. После войны ситуация изменилась. В губернских и уездных исполкомах края, особенно в Пензенской и Самарской губерниях, появилось достаточно весомое (и при этом энергичное) мордовское представительство. В формировавшихся в крае 1-й и 4-й армиях РККА, сыгравших огромную роль в победе большевиков в Гражданской войне, существенную долю (в том числе и среди командиров) составляла мордва. После войны значительная ее часть перешла работать в местные партийные и советские органы, усилив в них стремление к мордовской государственности. Деятельно сотрудничали с народом многие члены Мордовского культурно-просветительного общества, уже накопившего статистические сведения о мордве и теоретически обосновавшего возможность ее возрождения.

На первом этапе создания автономии центральной социально-экономической задачей было выделение территории с достаточной долей мордовского населения, а также необходимым количеством пашни, леса, сенокосов и т. д., небольшими предприятиями по переработке продуктов сельскохозяйственного производства и выпуску товаров широкого потребления, с более или менее развитой системой коммуникаций. В политической сфере важнейшим делом становилась подготовка кадров управления. И здесь события революции и Гражданской войны уже привели к спонтанному выделению из мордовского крестьянства значительного числа профессиональных политиков (вспомним лидера фракции трудовиков в 1-й Государственной Думе С. В. Аникина, нижегородского губернатора (народного комиссара) при Временном правительстве М. И. Сумгина, Председателя Самарского губисполкома А. Я. Дорогойченко и др.). В России, обладавшей мощным административным аппаратом, а в ретроспективе – вековым опытом его формирования, подготовка административных кадров для обеспечения ограниченных задач небольшой автономии также не вызвала особых трудностей. Общенациональный подъем и сложившийся круг интеллигенции естественным образом могли обеспечить заполнение основных профессиональных сфер, удовлетворявших национальные запросы литературы, различных видов искусства, а также науки, ориентированной преимущественно на изучение языка, фольклора, истории мордовского народа. Разумеется, это были только начальные проблемы, которые с образованием и развитием мордовской автономии должны были расширяться, но именно они были ясно видимы и вполне преодолимы.

Значительные сложности и непредсказуемые последствия должны были возникнуть при столь резкой смене социально-политических основ бытия мордовского народа. Как известно, государственная форма общественности произошла из социальной. В своем развитии она прошла долгий путь от «родового государства», базировавшегося на

⁵ Жизнь национальностей. 1921. 19 марта; Яшкин И. А. Мордовская социалистическая нация – детище Октября. Саранск, 1978. С. 72.

сельской общине, основанной, в свою очередь, на семейных, клановых отношениях, до современной формы, включающей различные сложные системы социальной иерархии, суверенитет над конкретной территорией и коррелирующие совокупности идей, законов, моральных норм⁶. Форма и содержание каждого из современных государств складывались постепенно, согласно традициям населявших их народов, достижениям мирового опыта, внешнеполитическим условиям и т. д. Мордовский народ к рассматриваемому времени имел только одну форму национально-политического объединения – сельскую общину и соответствующий этому уровню опыт государственного строительства. В то же время создаваемая автономия, несмотря на всю свою ограниченность, по форме и содержанию изначально была детерминирована устоявшимся опытом европейских государств и парадигмой коммунистического строя, утвердившейся в России. Она могла быть только советской социалистической республикой или не могла появиться вообще. И если к форме государства общинное население еще могло каким-то образом приспособиться, то перешагнуть от общинного мировосприятия к мышлению государственного масштаба в столь короткие исторические сроки было просто не в состоянии. Впрочем, это противоречие должно было сказаться позднее, уже после образования автономии. В период же ее создания клановое мышление в среде патриотов, собравшихся со всех концов страны под знамя благородной идеи национального возрождения, почти не ощущалось.

Таким образом, соотношение конструктивных и деструктивных факторов заметно склонялось в пользу первых. Интеллигенции – наиболее подготовленной и активной части мордовского народа – оставалось проявить достаточную энергию, чтобы использовать чрезвычайно благоприятные условия для восстановления своей государственности в форме автономии в составе России. Этапным в процессе национально-государственного строительства стал Первый Всероссийский съезд коммунистов мордовской национальности, который прошел 10–14 июня 1921 г. в Самаре, где были даны конкретные рекомендации по организационной работе, а также избраны из своей среды 25 чел. для работы в центральных мордовских учреждениях: Центральном бюро мордовских секций при ЦК РКП(б), мордовских подотделах Наркомнаца и Наркомпроса. В июле подотдел Наркомнаца образовал ученую комиссию, в которую пригласили М. Е. Евсевьева, профессора Саратовского университета В. А. Роздина, ученых И. И. Суходеева и П. И. Кругликова. Затем была утверждена историко-статистическая комиссия во главе с профессором Н. В. Стерлиговым⁷.

После съезда и замены руководства Мордовского подотдела к осени 1921 г. исполнительный механизм по созданию мордовской автономии наконец заработал. Комиссия в составе Д. С. Желтова, М. М. Евсевьева, Ф. И. Завалишина, Т. В. Васильева, И. И. Московкина, Г. К. Ульянова и Е. С. Окина приступила к подготовке проекта автономии и сбору необходимого материала. К августу 1922 г. в тяжелейших условиях голода в Поволжье она собрала необходимые данные и подготовила проект «Мордовской автономной единицы» с центром в Рузаевке, который примерно соответствовал проекту, принятому впоследствии.

5 октября 1922 г. проект был принят на рассмотрение в Наркомнац, но после обсуждения отклонен. Коллегия констатировала недостаточность представленных материалов и в связи с этим постановила: «Считать образование Мордовской автономной области нецелесообразным»⁸. Вскоре ввиду образования СССР Народный комиссариат по делам национальностей был упразднен, соответственно, прекратили существование мордовский подотдел и комиссия по подготовке материала для мордовской автономии. Таким образом, попытка возрождения мордовской государственности в начале периода НЭПа потерпела неудачу.

⁶ Гельмольт Ф. Понятие всемирной истории // История человечества. СПб., 1903. Т. 1. С. 52–55.

⁷ Букин М. С. Образование Мордовской АССР. Саранск, 1964. С. 49.

⁸ ЦГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 20. Л. 175; Букин М. С. Образование Мордовской АССР. С. 53.

Однако механизм создания автономии уже был запущен. Процесс развивался параллельно в партийных, советских исполнительных и законодательных органах, учреждениях просвещения, культуры и т. д. 4 января 1923 г. Президиум ВЦИК принял декрет «Об изменениях в составе Тамбовской губернии», согласно которому последняя передавала в Пензенскую губернию Спасский и большую часть Темниковского уезда. После подобного изменения в Пензенской губернии собиралось более 360 тыс., а вместе с соседней Симбирской – свыше 500 тыс. представителей мордвы, т. е. около 30 и 40 % от всех живущих в РСФСР. Спустя 140 лет после расчленения коренной территории мордовского народа между 4 губерниями в 1775 г. это административное преобразование стало первым шагом к его воссоединению.

Следующий всплеск в решении проблемы мордовской государственности зафиксирован в 1924 г. В течение лета и осени этот вопрос обсуждался на многочисленных митингах, собраниях и съездах, из которых наиболее представительным был съезд мордовских работников просвещения, прошедший в Москве под председательством З. Ф. Дорофеева и М. Е. Евсевьева в сентябре 1924 г. Тогда же уполномоченный подотдела нацменьшинств при Пензенском губисполкоме С. С. Шишканов обратился в отдел национальностей ВЦИК с ходатайством о создании при губисполкоме комиссии для изучения вопроса об организации Мордовской автономной области. В первой половине 1925 г. на рассмотрение Президиума ВЦИК было представлено 5 различных проектов автономии (с населением от 0,4 до 1,7 млн. чел.). Все они базировались преимущественно на Пензенской губернии и (за исключением одного) предусматривали совместную автономию эрзян и мокшан с центром в Пензе, Саранске или Рузаевке. Проект, разработанный Пензенской губернской плановой комиссией, предполагал только мокшанскую автономию с центром в г. Краснослободске⁹. Все они были отвергнуты главным образом из-за требования собрать экономически самостоятельную территорию с более чем 50 %-ным мордовским населением. Вследствие этого основное внимание центральных и губернских органов стало уделяться образованию национальных сельсоветов и волостей, что было связано с подготовкой нового административно-территориального районирования РСФСР. К 1928 г. в губерниях Мордовского края имелись 28 волостей и 1 национальный район, включавших сотни национальных сельских советов. В Пензенской губернии, например, ими было объединено до 80 % мордовского населения¹⁰.

Такое решение не удовлетворило большинство мордовских коммунистов, уже поверивших в реальность мордовской государственности. Их реакция была весьма разнообразной – от резких официальных высказываний, несанкционированных собраний и митингов до организации массовых демонстраций в Пензе. По словам Т. В. Васильева, их стремление скорее добиться создания автономии было продиктовано прежде всего увеличивающимся отставанием населенных мордвой районов от автономий других поволжских народов «в экономической и особенно культурной областях»¹¹. Незамедлительно последовали ответные меры. В Пензенскую губернию была направлена партийная комиссия, которая констатировала, что «вопрос о создании автономии будируется и формируется организованной группой коммунистов мордвы Пензенской губернии и Москвы»¹². Таким образом, в партийных верхах было создано мнение об организации местных националистов в рядах РКП(б) («группа автономистов»), лидерами которой были названы инструктор отдела национальностей при Президиуме ВЦИК Т. В. Васильев, уполномоченный подотдела нацменьшинств при Пензенском губисполкоме С. С. Шишканов, член Пензенского губкома Г. Н. Миронов и др. Обвинение было достаточно серьезным, однако в партийной верхушке после смерти В. И. Ленина развернулась ожесточенная борьба за власть, и пензенский инцидент пока не имел значения.

⁹ Васильев Т. В. Мордовия. М., 1931. С. 137–138.

¹⁰ Абрамов В. К. Указ. соч. С. 99.

¹¹ Васильев Т. В. Указ. соч. С. 131.

¹² Букин М. С. Образование и развитие Мордовской автономии. Саранск, 1977. С. 33

Так или иначе, деятельность «автономистов» пленумом ЦКК РКП(б) квалифицировалась всего лишь как «партневыдержанность, как попытка избежать партийного влияния», т. е. достаточно мягко. Хотя некоторые работники и были сняты со своих постов, в 1920-е гг. принадлежность к «автономистам» не особенно мешала служебной карьере остальных. Ее им припомнили в 1937 г.

Тем временем запущенный механизм образования автономии продолжал работать. Кроме того, стал проявляться такой важный для партноменклатуры фактор, как повышение статуса соответствующей административной единицы в случае образования в ее рамках автономии, что, в свою очередь, приводило к увеличению зарплат чиновников и иным изменениям. В 1928 г., в связи с преобразованием губерний в области, а уездов – в округа, в рамках Средневолжского края был организован Мордовский округ. Юридически он не являлся национальным, но его образование стало отправной точкой в создании экономической базы будущей мордовской автономии. Границы округа определяла комиссия тех же «автономистов», постаравшихся провести их с учетом увеличения мордовской доли. Позднее, когда требование 50 %-ной доли было снято, это способствовало преобразованию округа в автономную область, что случилось 10 января 1930 г.

Таким образом, национально-политическая консолидация мордвы в 1920–1930-е гг. прошла следующие этапы: 1) утверждение национальных сельских советов; 2) выделение национальных мордовских волостей (районов); 3) создание Мордовского округа; 4) преобразование округа в автономную область; 5) оформление Мордовской АССР. Хронологическое совпадение первого и второго этапов не меняет их структурного различия. 30 декабря 1934 г. Автономная область преобразована в Мордовскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

Информация об авторе:

Абрамов Владимир Кузьмич, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Мордовия, независимый исследователь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3259-6502>, SPIN-код: 5209-2424, abramovvk@mail.ru

Information about the author:

Vladimir K. Abramov, Dr.Sci. (Hist.), Professor, Honored Scientist of the Republic of Mordovia, Independent Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3259-6502>, SPIN-code: 5209-2424, abramovvk@mail.ru

Еще живет память о герое Великой Отечественной войны и Советского Союза, уроженце Мордовии Борине Иване Андриановиче

А. Г. Бурнаев

МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация

✉ burnaevag@mail.ru

The Memory of the Hero of the Great Patriotic War and the Soviet Union, Ivan Borin, a Native of Mordovia, Still Lives

A. G. Burnaev,

National Research Mordovia State University

Saransk, Russian Federation

✉ burnaevag@mail.ru

Борин Иван Андрианович, герой Великой Отечественной войны и Советского Союза, не забыт в своем родном крае (рис. 1). В жилом районе Заречный г. Саранска в его честь названа одна из улиц. Улица имени И. А. Борина¹ как историко-географическая точка столицы Мордовии находится в поселке, названном в честь первого летчика-космонавта СССР, героя Советского Союза Юрия Алексеевича Гагарина (народное название поселка – Цыганский; был переименован по предложению городских властей Саранска)².

В основу статьи легли архивные материалы Государственного архива Республики Мордовия, Мемориального музея военного и трудового подвига 1941–1945 гг., а также информация из книг, опубликованных статей и иных источников. Объектом исследования является жизненный путь Борина Ивана Андриановича.

В статье анализируется военный период жизни героя Советского союза. Архивный материал, содержащий информацию об Иване Андриановиче, изучен в хронологической последовательности. В нем не только даются сведения о его подвигах, но и уточняются важные памятные даты: где

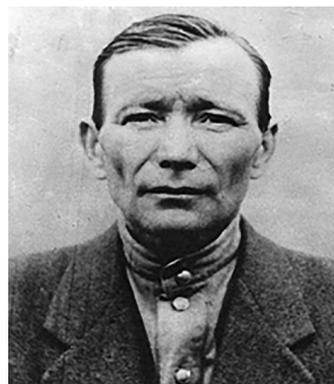

Рис. 1. И. А. Бурнаев

Fig. 1. I. A. Burnaev

Источник: изображение взято с сайта <https://www.e-mordovia.ru/o-mordovii/geroi-otechestva/geroi/borin-ivan-andrianovich/>.

Source: the image is taken from the website <https://www.e-mordovia.ru/o-mordovii/geroi-otechestva/geroi/borin-ivan-andrianovich/>.

¹ Борина ул. (1966), бывш. Иркутская. Общие сведения // Саранск – столица Республики Мордовия: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://saransk.13rus.ru/info/4/8.html> (дата обращения: 20.07.2024); Куклин В. Н. Биографии саранских улиц. 2-е изд., перераб. и доп. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. 320 с.

² Гагарина ул. (1961), бывш. Школьная и Аэропортная. Общие сведения // Саранск – столица Республики Мордовия: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://saransk.13rus.ru/info/4/39.html> (дата обращения: 20.07.2024); Куклин В. Н. Биографии саранских улиц.

родился (1908 г.), где провел военный период времени (1941–1945 гг.) и последние годы жизни (1958–1966 гг.). С помощью архивных документов, статей и других сведений мы выясняем не только военные факты, связанные с И. А. Бориным, но и уточняем его настоящее отчество³.

Изучая бюрократическую сторону материала, связанного с написанием отчества в наградных документах, видим: первый раз ошибка была допущена при получении ордена «Отечественная война первой степени» от 12.02.1945 г., второй – при получении правительственной награды ордена «Красная звезда» 01.05.1945 г. Таким образом, выявляем существенный факт неточности в написании отчества героя. Верный вариант написания – не Андриянович, а Андрианович.

Проанализируем героический жизненный путь Ивана Андриановича поэтапно.

1. Борин Иван Андрианович по национальности русский, родился в начале XX в. (25 января 1908 г.) в Старошайговском районе Мордовской АССР в д. Подверниха. Во времена Российской империи это был Инсарский уезд Пензенской губернии. Согласно архивным данным, он имел трехлетнее образование (1915–1918 гг.). Прошел срочную службу в Красной Армии (1930–1932 гг.), служил в пехотной части на Украине (г. Проскуров, ныне Хмельницкий). После демобилизации вернулся домой, работал в колхозе «Путь Ленина». Далее, оставив малую родину, перебрался в Горьковскую область (Ивановский район), позднее – Костромскую область, затем – в Казахстан (1933–1936 гг.). На этом путешествия И. А. Борина заканчиваются, он снова приезжает в Мордовию, живет и работает в Старошайговском районе (пос. Ровный)⁴.

2. В ноябре 1941 г. И. А. Борин снова призван в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии. В том же году окончил школу младших командиров. В августе 1942 г. гвардии младший сержант Борин Иван Андрианович получил первое боевое крещение. Командир 45-миллиметрового орудия в составе пушечной батареи 7-го гвардейского кавалерийского полка 2-й гвардейской кавалерийской дивизии 1-го гвардейского кавалерийского корпуса был бесстрашным и мужественным защитником Советской Родины. 14 августа 1942 г. на р. Жиздра орудие И. А. Борина уничтожило два средних танка, двенадцать станковых пулеметов и более взвода пехоты⁵.

3. В 1943 г. Иван Андрианович уже в звании сержанта сражался за г. Харьков (в феврале этого года был ранен), позже участвовал в боях Донбасской операции на Западном фронте, а также на Воронежском и на Украинском фронтах с 20 октября 1943 г. Сражался у р. Северный Донец, защищал р. Днепр, продолжил свой поход в сельскую местность: с. Старый Салтов (ныне район г. Луцка), затем были с. Затонск на р. Тетерев (Вышгородский район, Киевская область, Украина), с. Окунино (Козелецкий район, Черниговская область, Украина), с. Калиновка и г. Житомир⁶. «Пехотинец-пулеметчик И. А. Борин в сентябре 1943 г. отважно сражался с немецко-фашистскими захватчиками на правом берегу Днепра» (Армейская газета). Он метким огнем подбил 2 танка «Пантера», 1 самоходное орудие, уничтожил бронетранспортер, 6 минометов и 3 станковых пулемета, вывел из строя до 40 солдат и офицеров противника. Его орудием в ноябре 1943 г. сожжены танк, 3 автомашины с боеприпасами, уничтожены

³ Память народа : портал [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie46807511/ (дата обращения: 20.07.2024).

⁴ Герои Советского Союза : Краткий биографический словарь / Пред. ред. коллегии И. Н. Шкадов. М. : Воениздат, 1987. Т. 1 (Абаев – Любичев). 911 с.; Геройская быль : очерки и зарисовки о Героях Советского Союза – уроженцах Мордовии / Сост. В. С. Ионова, А. Д. Ширяев ; под ред. М. П. Глебова. Саранск : Мордовское кн. изд-во, 1985. 376 с.

⁵ Энциклопедия Министерства обороны Российской Федерации : сайт. URL: <http://dyn.encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/heroes/USSR/more.htm?id=10354997@morfHeroes> (дата обращения: 20.07.2024); Память народа : портал [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie46807511/ (дата обращения: 20.07.2024); Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <https://podvignaroda.ru/?id=150003924&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 20.07.2024).

⁶ Там же.

до 20 солдат. Гвардеец и артиллерист И. А. Борин участвовал в Ровно-Луцкой операции, освобождал не только правобережную часть Украины, но и бился за станцию Червоноармейск. Он, как заправский снайпер, заставил замолчать пулеметы противника, открыл искрометный огонь по бронепоезду, подбил самоходную установку САУ, две 37-миллиметровые пушки и 2 тягача с боеприпасами, уничтожил 1 средний танк, 3 станковых, 2 ручных пулемета и свыше 20 солдат неприятеля. За самоотверженную инициативу и боевые заслуги командир дивизии гвардии генерал-майор Мамсуров вручил И. А. Борину медаль «За отвагу».

4. 29 февраля 1944 г. И. А. Борин участвовал в бою за освобождение населенного пункта Гнидава на левом берегу р. Стырь. Отважный воин принимал участие в Львовско-Сандомирской операции. Им были подбиты 1 автомашина, 2 тягача и 12 повозок, он уничтожил до 50 вражеских солдат и офицеров вермахта, а также пятерых немцев взял в плен. В этом бою Иван Андрианович был ранен, но продолжал командовать орудием до тех пор, пока не подошли на помощь товарищи. Его лечение в полевом госпитале было недолгим, он почти сразу вернулся на фронт. В конце 1944 г. Ивана Андриановича направили в Чехословакию участвовать в Корпатско-Дуклинской операции. Советский защитник храбро оборонял словацкое с. Поляны (район Требишов) от немецко-фашистских захватчиков, подбил самоходную артиллерийскую установку, уничтожил три 75-миллиметровых пушки, четыре 81-миллиметровых миномета, истребил до 25 солдат противника. За боевые успехи И. А. Борин произведен в гвардии старшие сержанты.

5. В 1945 г. И. А. Борин как герой артиллерист освобождал немецкие города Эренфорст, Орtrand, Майсен, населенные пункты Бергкирх, Кляйнцадель, а также принимал участие в Сандомирско-Силезской, Нижне-Силезской, Берлинской, Висло-Одерской операциях на р. Одер, Висла, Эльба. Гвардии старший сержант Иван Андрианович Борин закончил войну на территории Чехословакии (в ходе Пражской операции). За боевые заслуги он награжден орденом Славы III степени. Но война еще не закончена, окончательный разгром фашистских войск состоялся 8 мая 1945 г. Командование 1-го гвардейского кавалерийского корпуса представило отважного артиллериста к высшей награде Родины. Борину Ивану Андриановичу указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 2861) от 27 июня 1945 г.⁷

6. В 1946 г. И. А. Борин вернулся в Старошайговский район Мордовии. Герой Великой Отечественной войны и Советского союза трудился в колхозе «путь Ленина», а в 1950 г. вышел на пенсию по инвалидности. Последние годы жил в Саранске в поселке имени Ю. А. Гагарина на улице Иркутской. Иван Андрианович Борин умер 22 января 1966 г. в возрасте 58 лет, похоронен в столице Мордовии. Мемориальная доска установлена на доме, где жил герой Советского Союза (рис. 2). 15 марта 1966 г.

Рис. 2. Дом Героя Советского Союза И. А. Борина
Fig. 2. The house of the Hero of the Soviet Union I. A. Borin

решением горисполкома улица Иркутская и ее переулочек переименованы в честь героя Великой Отечественной войны и Советского Союза И. А. Борина. Его именем в школе № 13 по улице Ленинградской назван пионерский отряд⁸.

И. А. Борин награжден также и орденом Ленина (27.06.1945 г.), Отечественной войны 1-й степени (18 мая 1945 г.), Красной Звезды (06.05.1945 г.), Славы 3-й степени (29.03.1944 г.), медалью «За отвагу» (13.02.1944)⁹.

Таким образом, в статье нами уточняются библиографические данные и архивный исходный материал о герое Великой Отечественной войны и Советского Союза, уроженце Мордовии Борине Иване Андриановиче. В результате исследования удалось получить ответы на поставленные вопросы, которые открывают новые возможности изучения и становится актуальной темой для дальнейших научных работ.

Информация об авторе:

Бурнаев Александр Гаврилович (16.11.1954 – 30.10.2024), доктор искусствоведения, профессор кафедры театрального искусства и народной художественной культуры МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2295-9699>, SPIN-код: 6024-8005, burnaevag@mail.ru

Information about the author:

Alexander G. Burnaev (16.11.1954 – 30.10.2024), Dr.Sci. (Arts), Professor of the Department of Theater Arts and Folk Art Culture, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2295-9699>, SPIN-code: 6024-8005, burnaevag@mail.ru

⁸ Борина ул. (1966), бывш. Иркутская. Общие сведения.

⁹ Герои Советского Союза : Краткий биографический словарь. Т. 1 (Абаев – Любичев); Геройская быль : очерки и зарисовки о Героях Советского Союза – уроженцах Мордовии. С. 57–60.

Этническая символика финно-угров и ее функции (на примере эрзянской и мокшанской семиотико-кодификационных систем)

В. И. Рогачёв[✉], Н. В. Карбанова

Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация

[✉] rogachev-v@bk.ru

Ethnic Symbols of the Finno-Ugrians and Its Functions (on the Example of the Erzya and Moksha Semiotic Codification Systems)

V. I. Rogachev[✉], N. V. Karabanova

Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev, Saransk, Russian Federation

[✉] rogachev-v@bk.ru

Символика *сермы* (в пер. – «знаки»), использовавшаяся мордовскими вышивальщицами, выступала в качестве семиологической системы для кодирования религиозно-магической информации, так как вышивка в старину прежде всего выполняла функции оберега. В глубокой древности орнамент на одежде воспринимался как один из элементов защиты, противодействия невидимой опасности.

Суеверные люди полагали, что в особой защите от порчи, нечистой силы нуждались невесты и девушки брачно-свадебного возраста, поэтому их одежда украшалась всевозможными обереговыми символами, родоплеменными и семейными знаками. Выстраивание элементов орнамента в непрерывную ленту создало соединительный ритм на рукавах, вороте, подоле, где вышивка состояла из простых составляющих рисунка, через промежуток чередующихся друг с другом, напоминая сомкнутую «цепь ритмических ударов и интервалов, повторяющихся без начала и конца и образующих кольцо безопасности, кольчугу, защищающую от опасности»¹.

Наблюдения за местом расположения вышивок на мордовских рубахах показывают, что они, как и у некоторых других народов Поволжья, закрывают наиболее важные части женского тела: плечи, лопатки, шею, грудь. Мордовские женщины помимо вышивки, которую наносили на ворот и на грудь, отмечали ромбами и углами лопатки (с. Шокша, Теньгушевский район). Аналогичные знаки можно увидеть и на старинной чувашской женской рубахе *кёске*, по обеим сторонам грудного разреза которой располагаются вышивки в виде крупных восьмиконечных звезд-розеток. Особенно выделяется своей ковровой вышивкой мордовский женский костюм *покай* (праздничная или свадебная

¹ Ручьева А. Мордовские вышивки // Искусство народов СССР. М. ; Л. : Госиздат, 1930. С. 76.

рубаха), который покрыт до середины груди сплошным орнаментом, состоящим из крестов, ромбов, треугольников, восьмиконечных розеток и т. д. Знатоки декора костюма предполагают, что каждый знак орнамента в прошлом был осмыслен и, возможно, сообщал о связях человеческой земной жизни с мирами божественным и загробным. Исследователи отмечают: «Не исключено, что микрокосмом этих связей представлялся дом»². В нашем случае его символами выступали ромб и крест, заключенные в треугольник.

Как сложна сама жизнь, так и сложна организация комплекса знаков, их сюжет и художественное исполнение. Идущие по краю подола «несчетные повторы знаков, черных точек на красном фоне заключали бесконечное движение, вечное и непрерывное, как движение небесных светил, движение Земли, смена дня и ночи, времен года, поколений людей»³.

Характерные автономные мотивы, украшавшие разрез спереди, вероятно, являлись знаками-оберегами, эта символика в прошлом выражала связь с духами-покровителями. Также можно встретить «мотивы стилизованных челноков, весел», отсылающих, на наш взгляд, к образу покровительницы водной стихии. Нередко в рисунок входило изображение женской фигуры в ладье, символизировавшее культ богини воды – Веды-авы, которая издревле почиталась мордвой как покровительница деторождения.

Интересно, что в традиционной манере патриархальной старины в виде конька крестьянской избы вышито плечье женской рубахи *покай* мордвы-эрзи Шенталинского района Самарской области. У эрзян Кочкуровского района Республики Мордовия мы видим внутри крупного ромба несколько совмещенных ромбов меньшей величины, образующих своего рода глаз *сельме*, который как бы оберегает женщину от порчи, нечистой силы. У родственных мордв марийцев идентичный знак носит название «*чызе орол*», что в буквальном смысле означает «сторож груди». По предположению этнографов, «локализуясь на месте женских груди, она [вышивка] явно предназначена охранять материнскую грудь»⁴. Анализируя различный этнический материал, видим, что ромб в указанных случаях имел обереговое значение и выступал как знак, предохраняющий от порчи важнейшие органы, необходимые для продолжения рода. Все вышперечисленное позволяет утверждать, что ромб является универсальным мифологическим полисемантическим символом, который имеет несколько значений при сохранении главного смысла – символа благоденствия, изобилия, плодородия.

Стоит отметить, что расположение вышивки имеет большое значение для понимания его функционального предназначения. Показательно, что и у родственных мордв марийцев вышивка располагается таким образом, что оттеняет наиболее важные части человеческого тела: грудь, сердце; идет к лопаткам⁵. У обских угров фигура ромба нашивается на плечевой части одежды, чтобы «силу верхней части спины охранять, силу груди охранять»⁶. У мокши для этой цели используется бисерная пелерина, сплетенная в виде сетки с ромбическими ячейками. Расположение символа плодородия, символа «матери-прародительницы» на плечах и груди женских рубах вполне соответствует защите тех участков человеческого тела, которые в хантыйской культуре считаются наиболее существенными⁷.

Этническая символика, сформировавшаяся в недрах национальной культуры за тысячелетия, представляет разветвленную систему кодов, которая нашла отражение в национальной вышивке. В 1899 г. А. Гейкель в числе первых зафиксировал названия

² Прокина Т. П. Народное искусство // Мордва: Историко-культурные очерки. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1995. С. 474–499.

³ Там же. С. 484.

⁴ Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1960. С. 213.

⁵ Крюкова Т. А. Мордовское народное изобразительное искусство. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1968. С. 21.

⁶ Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: Семантика, мифология, генезис. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1999. С. 79.

⁷ Там же.

символов мордовского орнамента, составил их описание по форме и характеру: *эргине* – «бусинка звездообразная», *вишка крёстт* – «маленькие кресты», *суркст* – «спирали», *локшине* – «кнутик», *повонь пря* – «голова рябчика»⁸. Им отмечен ряд других символов в составе орнамента вышивок, таких как: *люкике панчф* – «цветок гречихи», *марь серма* – «вышивка-яблоко», *меше-пильге* – «пчелиная ножка», *чудерькс* – «ручей», *чиньжары арзеле* – «кайма подсолнуха», *нумолонь пиле* – «заячьи уши»⁹.

Этническая символика интересна и разнообразна с точки зрения терминологии, отдельные орнаментальные символы элементов узора вызывают ассоциацию по сходству: *курзя* – «перевитая веревочка», *сурсеметь* – «гребешки», *сараз лапат* – «куриные лапки», *уфат* – «ухват», *кечказ* – «крючок»¹⁰. Мордовские женщины осмыслиют сложную по колориту и орнаменту вышивку большим количеством названий, где каждый элемент имеет свое магическое значение, связанное нередко с животным и растительным миром, природой, выделяя следующие названия: *пацянят* – «крылышки», *куень пря* – «змеиная голова», *сывань кенчт* – «козьи копытца», *куз тарадтт* – «ветки елки», *марь* – «яблоко», *шинем сюлма* – «след куницы», *шинь сюлмот* – «солнечные узелки», *тяште* – «звезда»¹¹. Встречающийся символ *шинем сюлма* – «след» – магически связан с существом, оставившим его, поэтому он сакрален. Если сакрален след, то сакрально и часть тела живого существа, отпечатанная в нем, т. е. непосредственно к символам относятся и названия конечностей: «ступня», «копыта», «лапки», «коготки», а также понятие «тропа» и т. д.¹² Идея «следа» восходит к охотничьей культуре, отсюда и ее сакрализация в сознании первобытных людей, которые во избежание неудачи не называли само животное, табуировали его. Названия-символы «след куницы», «след белки», «след лисицы» свойственны для декоративно-прикладного искусства многих финно-угров России. Тесная причинная связь первобытной орнаментики с условиями охотничьего быта выяснена давно, тогда как происхождение геометрического орнамента все еще остается для исследователей загадкой.

Этническая символика богата на названия узоров, связанных с растительным миром: *моргинеть* – «сучки и ветки деревьев», преимущественно хвойных, например: *тиче тарад* – «сосновая ветка», *куз пря* – «верхушка ели», *куз покольнят* – «еловые шишки», *куз тарад* – «ветка ели». Часто встречаются мотивы «ель», «еловая ветвь», «еловая шишка» у других родственных мордве финно-угров. Из названий цветов и растений часто встречаются *мако лопат* – «лепестки мака», *чеерень стручат* – «мышинные стручки», *пинеме* – «овес», *кирмалав* – «репей»¹³.

Исследователи обращают внимание на форму символов и бытующие названия: *кузнянь кувалма* – «елочка», *урмаць* – «ветвистые», *тарадтт* – «завитки»¹⁴. Широко распространены этнические символы орнамента, связанные с деревьями: «березовая ветка», «лишняя березовая ветка», «крестообразная хвостатая береза», которые встречаются у родственных мордве хантов, свидетельствуя о повсеместно развитом культе деревьев у финно-угров¹⁵. Вполне возможно, что символика деревьев, растений в элементах вышивки дает возможность предполагать наличие подобных форм и в древнейшем орнаменте¹⁶. Помимо вышеназванных узоров, хотя и редко, но встречались и такие символы, как *ков* – букв. «месяц», *тяштинят* – букв. «звездочки», *цятконят* – букв. «искорки»¹⁷.

⁸ Heikel A. Mordvalaisten Pukujaja kuoseja. Trachter und muster der Mordvinen. Helsingissa : Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapainon osokevhtio, 1899. S. 29.

⁹ Там же. С. 42–43.

¹⁰ Крюкова Т. А. Мордовское народное изобразительное искусство. С. 60.

¹¹ Там же. С. 62.

¹² Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: Семантика, мифология, генезис. С. 135.

¹³ Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М. : Наука, 1973. С. 47; 59.

¹⁴ Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши. Пенза, 1928. С. 11.

¹⁵ Сязи А. М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2000. С. 114.

¹⁶ Ручьева А. Мордовские вышивки. С. 74.

¹⁷ Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. С. 205.

В мордовской вышивке относительно немного символов, узоров, связанных с предметами домашней утвари, быта, к которым можно отнести: *кичкорга* – букв. «кочерга», *уфат* – букв. «ухват», *китирь* – букв. «веретено», *цягонят* – букв. «вилы»¹⁸, а также *китирь потмакс* – «конец веретена», *крюк-серма* – «крючкообразные узоры»¹⁹. Семантика перечисленных символов довольно прозрачна: чаще всего это описание по форме, характеру наносимого вышивальщицей рисунка.

В отдельную группу выделяются символы, характеризующие вышивку в целом и ее отдельные элементы, подчеркивающие форму, направление стежков, характер узора: *таргафкс* («растянутый»), *кичкор* («кривой»), *аранза* («крестом»), *кувалма* («длинный»), *кинеть* («дорожки»), *тараткат* («цветочки»), *пейнят* («зубчики»), *кудрят* («кудри»)²⁰, *потя кувалма* – «вдоль груди»²¹.

Этническая символика мокши и эрзи формировалась на протяжении тысячелетия, отражая наблюдательность народа, его связь и представления об окружающей природе, животном и растительном мире.

Информация об авторах:

Рогачёв Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева (430007, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11А), ORCID: <https://orcid.org/00000-0003-2830-8667>, SPIN-код: 3220-7165, rogachev-v@bk.ru

Карabanова Надежда Валериевна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева (430007, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11А), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0712-5493>, SPIN-код: 2482-4354, nadiakarabanova@yandex.ru

Information about the authors:

Vladimir I. Rogachev, Dr.Sci. (Philol.), Professor of the Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev (11A Studentskaya St., Saransk 430007, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/00000-0003-2830-8667>, SPIN-code: 3220-7165, rogachev-v@bk.ru

Nadezhda V. Karabanova, Cand.Sci. (Philol.), Head of the Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev (11A Studentskaya St., Saransk 430007, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0712-5493>, SPIN-code: 2482-4354, nadiakarabanova@yandex.ru

¹⁸ Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. С. 58.

¹⁹ Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши. С. 11–12.

²⁰ Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. С. 58.

²¹ Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши. С. 11.

К сведению авторов

Рецензируемый научный журнал «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финноугорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Проводится научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям:

5.6. Исторические науки – 5.6.1. Отечественная история; 5.6.4. Этнология, антропология этнография; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

5.9. Филологические науки – 5.9.5. Русский язык. Языки народов России; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (финно-угорские и самодийские); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

5.10. Культурология и искусствоведение – 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI)

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

Information for authors

The peer-reviewed academic journal "Finno-Ugric World" was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal's sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas:

5.6. History – 5.6.1. National history; 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography;

5.6.7. History of international relations and foreign policy;

5.9. Philology – 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia; 5.9.6. Languages of the peoples of other countries (Finno-Ugric and Samoyedic); 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics;

5.10. Cultural studies and art history – 5.10.1. Theory and history of culture, art.

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Ogarev Mordovia State University".

Since 2012, the journal is included in the List of peer reviewed scientific journals published by the Higher Attestation Commission in which major research results from the dissertations of Candidates of Sciences (Cand.Sci.) and Doctor of Science (Dr.Sci.).

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The journal is indexed and archived:

Russian Science Citation Index (RSCI)

Russian Science Citation Index (RISC)

European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

Главный редактор Н. П. Макаркин

Редактор Е. Н. Ширшикова
Верстка и дизайн Н. Е. Коркаева
Перевод О. С. Сафонкина

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

На обложке: 1-я стр. – М. И. Нефедов (1907–1963). Эрзянка. 1939 г. Бронза.
Музей учеников С. Д. Эрзы МГУ им. Н. П. Огарёва. Фото Р. Резепова, 2024 г.
4-я стр. – из коллекции мордовского народного искусства.

Женское наспинное и набедренное украшение. Фото взято с сайта Мордовского республиканского музея изобразительных искусств им. С. Д. Эрзы (<https://erzia-museum.ru/>)

Editor in Chief N. P. Makarkin

Editor E. N. Shirshikova
Layout design N. E. Korkaeva
Translation by O. S. Safonkina

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

On the cover: P. 1 – M.I. Nefyedov (1907–1963). Erzyan Woman. 1939. Bronze.
Museum of students of S. D. Erzya of National Research Mordovia State University.
Photo by R. Rezepov, 2024.

P. 4. – Collection of Mordovian folk art. Women's back and hip jewelry.
Photo taken from the site of the S. D. Erzya Museum (<https://erzia-museum.ru/>)